

Министерство образования Республики Беларусь
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ»

Э.С.ЯРМУСИК

КАТОЛИЧЕСКИЙ
КОСТЕЛ В БЕЛАРУСИ В
ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ
(1939–1945)

Монография

Гродно 2002

УДК 282: 947.6
ББК 86.375+63.3(4Бел)721
Я75

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени БГУ В.Ф.Ладысев; кандидат исторических наук Григорианского университета в Риме, докторант Варшавского университета имени кардинала Стефана Вышинского, РП, о. Юзеф Макарик OFMConv; кандидат исторических наук, профессор кафедры истории Беларуси ГрГУ им. Я.Купалы И.И.Ковкель; доктор исторических наук РП, ст.преподаватель кафедры славянской истории и методологии исторической науки БГПУ им. М.Танка С.П.Бородин.

Рекомендовано советом исторического факультета ГрГУ им.Я.Купалы.

Ярмусик Э.С.

Я75 Католический Костёл в Белоруссии в годы второй мировой войны (1939–1945): Монография / Э.С.Ярмусик. — Гродно: ГрГУ, 2002. — 240 с.

ISBN 985-417-381-X.

В монографии впервые с новых позиций освещается одна из сложных и малоизученных страниц истории — положение и деятельность римско-католического Костёла в Белоруссии в период второй мировой войны. Анализируется политика советского государства, Третьего Рейха, немецких оккупационных властей в отношении религии и церкви, показана роль духовенства в польском движении Сопротивления, Армии Крайовой, антифашистской борьбе. Рассказывается о преследованиях Костёла, духовенства и верующих. В научный оборот введено много неизвестных ранее источников из Беларуси, России, Польши.

Адресована всем, кто интересуется историей.

Илл. 22, библиогр. 209 назв.

УДК 282: 947.6
ББК 86.375+63.3(4Бел)721

ВВЕДЕНИЕ

Десятилетия преследования католического Костела в Советском Союзе, атеистическая, безбожная по своей сути политика советского государства и коммунистической партии имели печальные последствия. У многих поколений людей, прежде всего молодежи, укоренились черствость и бездуховность, а из истории оказались сознательно вычеркнутыми целые страницы, связанные с деятельностью одной из самых многочисленных конфессий на Беларуси. На 1 августа 2002 года в Республике Беларусь насчитывалось 2830 общин 26 религиозных конфессий, в т.ч. православной — 1296 (включая 35 старообрядческих), римско-католической — 433.

XX век принес тяжелые испытания католическому Костелу. После Октябрьской революции в советской стране был взят курс на полное уничтожение религии. И если Православная Церковь сумела найти компромисс с государством, что помогло ей отчасти выстоять в условиях атеизирующегося общества и тотального наступления на религию, то с римско-католическим Костелом ситуация сложилась иная. Поскольку центр мирового католицизма — Ватикан — занял непримиримую позицию по отношению к советскому государству и осуждал преследование религии в СССР, то католический Костел в силу этого подвергся наибольшему гонению. В 20-30-е годы XX века в Советской Белоруссии католицизм был практически уничтожен, костелы закрыты, разграблены или разрушены, а духовенство репрессировано [151].

Наиболее сложным периодом в деятельности Костела были годы второй мировой войны (1.09.1939 — 2.09.1945). Вскоре после ее начала в Западную Белоруссию вступили войска Красной Армии. Происходившие здесь преобразования не могли не отразиться на положении и деятельности католической конфессии. Помимо идеологической «несовместимости», Костел в глазах новой власти олицетворял «пособника» польских панов и капиталистов, духовного поработителя народных масс. С Костелом отождествлялись полонизация и окатоличивание белорусского народа. С другой стороны, католическое духовенство негативно восприняло советскую власть, надеялось на ее временный характер, оставалось приверженцем Польского государства и восстановления его в границах до сентября 1939 года. Советская власть начала борьбу с Костелом, но завершить ее помешало нападение 22 июня 1941 года Германии на Советский Союз.

Костел оказался в эпицентре сложных политических, национальных, классовых, общественных событий, происходивших в то время в Белоруссии. Многие имели далеко идущие последствия. В них были задействованы тысячи католиков. Костел служил для многих не только моральной опорой, помогая выстоять в дни тяжелых испытаний. Костел духовно помогал тем, кто принимал участие в борьбе, в частности, в польском подпольном антисоветском движении в западных областях БССР, в антифашистской борьбе в период гитлеровской оккупации.

Сложность и неординарность положения Костела в Белоруссии определялись также политикой гитлеровских оккупационных властей. Она основывалась на постулатах национал-социализма и явилась продолжением религиозной и национальной политики Третьего Рейха. Для нацистов были неприемлемы христианские идеи и мораль. Разыгрывание религиозной карты оккупантами имело целью, с одной стороны, подчинить религию интересам немецкого государства, а в другой — ликвидировать католический Костел и духовенство как носителей *«польского шовинизма»*.

Многие послевоенные события уходят корнями во вторую мировую войну, в частности, репрессии против католического духовенства в 1944–1953 годах. Ксендзам инкриминировалась антисоветская деятельность, сотрудничество с немецкими оккупантами и даже измена Родине. Монополия партийно-государственной идеологии не позволяла разобраться в тонкостях происходящих событий и поведения людей и на десятилетия наложила «табу» на одну из важных страниц нашего прошлого.

Исследование деятельности Костела в Белоруссии в период второй мировой войны является существенным элементом в познании малоизученных проблем истории народа и страны. Однако католический Костел в Белоруссии в этот период не стал для историков привлекательной темой. Одна из многих причин — длительное господство партийно-советской идеологии, которая требовала освещать проблемы религии и церкви с марксистско-ленинских позиций. Серьезную трудность представляло отсутствие полноценной источниковой базы. Документы, касающиеся положения Костела в этот период, не представляют собой единого, целостного комплекса и фрагментарно разбросаны по различным архивным фондам. Их поиск, анализ и синтез для воссоздания объективной картины сопряжены со значительными трудностями для исследователя.

Географически монография охватывает территории, составлявшие Белорусскую ССР в существовавшем на 1 января 1940 года административно-территориальном делении. Часть из них в соответствии с Договором от 16 апреля 1945 года между Польшей и СССР отошла к Польше.

Цель настоящей монографии — показать положение, роль и место католического Костела в общественно-политической, духовной жизни Белоруссии и ее народа в период второй мировой войны.

Автор поставил ряд исследовательских *задач*: 1) рассмотреть политику советского государства в отношении религии и церкви; 2) провести сравнительный анализ положения религиозных конфессий в Восточной и Западной Белоруссии; 3) проанализировать причины сложных взаимоотношений советской власти и Костела на начальном этапе второй мировой войны (сентябрь 1939 — июнь 1941 гг.); 4) рассмотреть методы борьбы советской власти с католическим влиянием; 5) выяснить основные «краеугольные камни» конфессиональной политики Третьего Рейха; 6) дать оценку взаимоотношений Ватикана и гитлеровского государства; 7) рассмотреть особенности религиозной политики немецких оккупантов в Белоруссии; 8) показать трудный процесс возрождения костельной жизни в различных регионах республики, благотворительную деятельность Костела; 9) проследить взаимосвязь национального фактора и религиозных конфессий, показать, какую роль она играла в деятельности различных политических сил в Белоруссии; 10) показать несостоятельность попыток белорусских национальных деятелей по созданию автокефального Костела; 11) осветить роль и место католического духовенства в деятельности польского антисоветского подполья и Армии Крайовой; 12) раскрыть причины и показать масштабы преследований и репрессий против Костела, духовенства и верующих; 13) рассмотреть положение Костела после изгнания гитлеровцев из Белоруссии и особенности политики советского государства в отношении религиозных конфессий и, в частности, католической.

Историография

Литература, посвященная исследуемой теме, немногочисленна. До сегодняшнего дня нет исследования, комплексно освещающего данную проблему. В работах советских, белорусских

и зарубежных авторов встречаются лишь отдельные эпизоды, которые, однако, фрагментарны, в большинстве своем не содержат полноценных научных выводов и оценок. Идеологические штампы, широко распространенные в советской историографии, мешали объективно взглянуть на многие вещи. Не случайно в немногочисленных работах советских авторов католический Костел был показан пособником гитлеровских оккупантов, поддерживающим политику немцев [136; 138; 158; 160]. Советская историография подчеркивала тесную связь интересов Ватикана и гитлеровского фашизма. В годы второй мировой войны, пишет М.М.Шейнман, папство рассчитывало насильственно навязать народам Европы католицизм с помощью германо-итальянских оккупационных войск: «... с целью насаждения католицизма агенты папы по соглашению с немецким командованием прибыли в обозе гитлеровской грабительской армии на временно оккупированную территорию СССР, где сотрудничали с гестапо» [159, с. 22]. Доказать либо опровергнуть подобные утверждения мешало отсутствие доступа к источниковой базе либо ее ограниченный характер.

В белорусской советской историографии не было специальных исследований по истории религии и церкви в годы второй мировой войны, в том числе католической. Отдельные фрагменты включались в обобщающие работы по проблемам католицизма, в партийно-пропагандистские издания и носили заведомо политизированный характер [129; 139; 140; 142].

Так, в коллективной монографии «Католицизм в Белоруссии: традиционализм и приспособленчество» отмечается, что «многие католические священники как патриоты своей родины во время немецкой оккупации поддерживали связи с белорусскими партизанами, оказывали им помощь, пытались спасти мирное население от репрессий немецко-фашистских извергов. За связь с партизанами несколько ксендзов были расстреляны оккупантами». Но этот вывод не подкрепляется конкретными фактами.

Далее, следуя идеологическим установкам, авторы утверждают — без ссылки на источники, — что «часть ксендзов пошла на службу к немецким фашистам», часть «тайно сотрудничала с партизанскими формированиями польских националистов — Армией Крайовой, возлагавшими надежды на возрождение буржуазно-помещичьей Польши в границах до 1939 года и проявлявших одинаковую враждебность к советским патриотам и немецким оккупантам». Вывод, к которому подводят авторы, соответствует логике их рассуждений: «Большинство священнослужителей во

время немецко-фашистской оккупации в Белоруссии заняли выжидательную позицию и старались стоять в стороне от бурных событий военного времени» [143, с. 56]. Такие подходы не случайны. Так, в монографии «Развитие атеизма в Белоруссии» ее автор А.А.Круглов пишет: «При оценке деятельности католической церкви в годы войны необходимо учитывать огромный вред, который она наносила народу в области идеологии» [145, с. 256].

С таких позиций освещается деятельность католического Костела и духовенства в монографиях В.Г.Докторова [139; 140]. По мнению автора, не успев приспособиться к новым условиям, большинство католического духовенства заняло враждебную позицию по отношению к советскому государству. Католический Костел в лице Ватикана и Третий Рейх создали «альянс креста и свастики» для насаждения католицизма и фашизма на Востоке. Католические священнослужители, как утверждает автор, *«все время оказывали моральную и материальную поддержку фюреру, лакейски служили ему вплоть до разгрома фашизма»*. Такая упрощенная трактовка с явно заданной идеологической целью — дискредитировать католицизм — далека от научного подхода к изучению исторических событий и явлений. Автор пускает в «научный» оборот такие стереотипы, как *«католические священники — агенты германской разведки», «антинародная деятельность белорусского католического духовенства», «профашистская деятельность ксендзов — белорусских националистов», «враги трудового народа»* и т.п. В.Г.Докторов приводит как доказательство своих суждений пример: ксендз Нурковский из Гродненской области систематически выступал с проповедями, в которых призывал верующих к борьбе против коммунистов, а в январе 1944 года вступил в националистический отряд, который сражался против белорусских партизан. В отряде он выполнял обязанности духовного наставника и судьи. По его приговорам расстреливали советских людей [139, с. 35].

Ксендз Вацлав Нурковский после войны действительно был осужден Военным Трибуналом Войск МВД БССР на 15 лет каторжных работ с поражением в правах на 5 лет *«за измену Родине»*. Лишь в 1992 году была доказана его невиновность, и он был полностью реабилитирован [3].

В последние годы конфессиональная история Беларуси освещается учеными с позиций исторической правды и научной объективности. Об этом свидетельствуют монографии, энциклопедические

издания, материалы конференций [133; 141; 152; 153; 161; 162; 163]. В них очевидно стремление авторов по-новому осмыслить многие уже известные факты, оценить их с позиций общечеловеческих ценностей. Несомненным достоинством этих работ является уход от упрощенчества, схематизма, показ сложности и неординарности исторических событий и роли личности в них. Однако, как и в предыдущий советский период, они носят обобщающий характер, достаточно фрагментарно освещают события исторической действительности.

Иные подходы, позиции и точки зрения, методы исследования и источниковая база характеризуют исследования польских авторов. Историками Костела, в том числе и на территории Белоруссии, выступают, как правило, лица, имеющие высшее духовное образование, теологическую подготовку. Несомненным достоинством является знание ими Костела «изнутри» — то, что малодоступно или недоступно светскому исследователю. Немаловажное значение в освещении проблем Костела имеет гражданская позиция автора, его личная убежденность. Полнота и научная достоверность исследования достигаются благодаря использованию широкого круга источников: документов польских и иностранных архивов, в том числе ватиканских, воспоминаний, дневников очевидцев событий и других.

Отмечая большой вклад польских ученых в исследование проблем Костела в годы второй мировой войны, важно подчеркнуть их географическую локализацию преимущественно территорией современной Польши. Костел в Белоруссии рассматривается в большинстве исследований в составе Виленского архидиоцеза, что оправдано с точки зрения костельной администрации. На деятельность и положение Костела здесь огромное влияние оказала политика советской власти и сменившей ее вскоре немецкой, специфическая этническая, культурная, общественно-политическая и экономическая обстановка. Заслуживают в этом плане внимания обстоятельные работы ксендзов-профессоров Зыгмунта Зелинского, Франтишка Стопняка, Тадеуша Крахэля, Романа Дзвонковского [166; 167; 175; 176; 179-182; 196; 197] и других.

Так, ксендз-профессор Ф.Стопняк, используя разнообразные источники, преимущественно эпистолярные (переписка, воспоминания духовенства, участников военных кампаний), а также документы Ватикана за 1939–1945 годы, исследования польских и зарубежных авторов, показал сложное положение Костела в 1939–1941, 1941–1945 годах, политику немецких властей, душпапырскую и благотворительную деятельность духовенства, его участие в борьбе за независимость Польши.

Значителен вклад в разработку ряда проблем Костела в Виленском, а также Минском диоцезе, мартирологии католического духовенства ксендза-профессора Т.Крахэля. Им обстоятельно исследованы административно-территориальные изменения, кадровая политика, душпастьрская деятельность духовенства диоцеза и архиепископа Ромуальда Ялбжиковского. Кс.-проф. Т.Крахэль первым обратил внимание на попытки использовать Костел в политических целях белорусскими национальными деятелями.

Ряд работ польских исследователей посвящен участию католического духовенства в борьбе за независимость Польши. Основательно освещены проблемы военного душпастьрства, его правовые основы и исторические корни, роль капелланов в духовном, патриотическом воспитании солдат и офицеров, их семей. Деятельность военных капелланов в мирное и военное время, в подпольных структурах, регулярной армии, в Армии Крайовой показана в работах ксендзов-профессоров Тадеуша Плоцкого, Юзефа Грушецкого, Станислава Подлевского, Юлиана Гуменьского, Павла Светликовского, Петра Пыртэка [171; 190; 191; 196; 197; 204] и других. Работы раскрывают проблемы, вовсе не исследованные в советской и белорусской историографии: структуру военного душпастьрства, правовое положение и роль военных капелланов, организацию богослужений и другие. Отдельные эпизоды и события имеют отношение и к Белоруссии. Авторами использовались как официальные правительственные документы, так и костельные архивные, воспоминания непосредственных участников событий, исследования зарубежных авторов. Подобные работы имеют важное значение, поскольку дают ответы на многие вопросы, связанные с участием католического духовенства в польском антисоветском подполье, в Армии Крайовой на территории Белоруссии.

Целостную картину положения Костела завершает литература, посвященная мартирологии польского католического духовенства. В польских изданиях опубликованы сведения о ксендзах и монашествующих, подвергшихся репрессиям или погибших в годы второй мировой войны. Многие из них проживали и работали в костелах Белоруссии. Однако в этих изданиях допущено много неточностей [167; 176; 185]. В последние годы мартирология духовенства дополнилась изданиями Гродненского диоцеза [149; 200].

Многие аспекты формирования конфессиональной политики, отношения руководства Третьего Рейха к религии и церкви, в том числе и католической, исследованы историками Конрадом Репгеном, Клаусом Готто, Эдуардом Винтером, Вольфгангом Ветте

(Германия), Гвином Денисом (Англия), Яном Шиллингом, Войцехом Ромькало, Веславом Мыслеком, Зыгмунтом Зелинским, Зеноном Фиалковским (Польша), Людмилой Бровко (Россия) [131; 132; 134; 144; 146; 169; 177; 187; 203] и другими. Актуальность обращения к этим и подобным исследованиям тем очевиднее, что в свое время немногочисленная советская историография явно преувеличивала профашистские тенденции в поведении католических иерархов Германии, Ватикана и руководства протестантских конфессий. Главный акцент делается на соответствующим образом трактуемый конкордат между Ватиканом и режимом Гитлера, заключенный летом 1933 года.

Ученые, опираясь прежде всего на подлинные документы Рейха и Ватикана, обстоятельно исследовали сложные аспекты политики руководства нацистской партии и Германии по отношению к христианским конфессиям, положение католического Костела в самой Германии и на оккупированных ею территориях, раскрыли «тайные пружины» ватиканской и германской дипломатии. Многие авторы расходятся во мнениях при оценке позиции Ватикана в отношении Третьего Рейха и его притеснений Костела, массовых уничтожений людей как в самой Германии, так и в оккупированных странах. Однако изложенные авторами идеи и выводы помогают во многом понять сущность конфессиональной политики гитлеровцев, в том числе и на оккупированной территории Белоруссии.

Источники

Основной базой настоящего исследования являются документы из Национального архива Республики Беларусь в Минске, Государственного архива Гродненской области, Государственного архива общественных объединений Гродненской области. Некоторые сведения почерпнуты автором из Государственного архива Российской Федерации (г.Москва) и архива УКГБ по Гродненской области. Абсолютное большинство из них впервые вводятся в научный оборот. Они представляют собой важный источник информации о многообразной деятельности Костела и духовенства в период второй мировой войны, отражают различные аспекты политики высших руководящих партийных, советских, а затем немецких оккупационных органов власти, а также местного управления.

Партийные, советские и комсомольские организации в Западной Белоруссии с первых дней пребывания столкнулись с мощным

влиянием здесь католического Костела, которое не ослабевало, несмотря на проводимые социально-культурные и экономические преобразования и атеистическую пропаганду. Борьба с этим влиянием постепенно превращалась в борьбу с Костелом и духовенством, приобретая все большую остроту. Сохранившиеся в архивах документы республиканских, областных, местных партийных и комсомольских органов в значительной мере освещают религиозную ситуацию. В постановлениях, материалах пленумов и конференций, докладных записках, информациях содержатся сведения о костелах и духовенстве, степени их влияния на население, особенно на молодежь, уровне религиозности, отношении ксендзов к мероприятиям советской власти, их политических настроениях. Значительный пласт составляют документы о состоянии антирелигиозной пропаганды, формах и методах борьбы с религией.

В числе этих документов — спецсообщения органов НКВД. Религиозная ситуация и духовенство находились под их пристальным наблюдением. В духовенстве, прежде всего католическом, виделся потенциальный идеологический противник. Ксендзов подозревали в организации польского антисоветского подполья, в сопротивлении мероприятиям советской власти.

В партийно-советских документах тех лет Костел выступает и как фактор, объединяющий католическое население в сложных политических обстоятельствах, когда под угрозой оказалась независимость Польши. Однако на всех документах лежит явный отпечаток эпохи и советской коммунистической идеологии. Для объективного изложения событий они требуют критического осмысления.

Для понимания официальной политики советских и партийных органов в отношении религии и церкви существенное значение имеют теоретические работы идеологов коммунизма, руководителей советского государства и коммунистической партии [108; 114]. Государственная политика строилась на законодательной базе, основу которой составлял Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», а также различные инструкции, циркуляры, письма, постановления Наркомюста (Народного Комиссариата Юстиции), Наркомфина (Народного Комиссариата Финансов), НКВД (Народного Комиссариата Внутренних Дел) и Наркомпроса (Народного Комиссариата Просвещения) [107; 113; 115; 116; 117; 118; 120]. Характерной особенностью советского законодательства о культурах был его казуистический, двойственный характер. Государство формаль-

но гарантировало свободу совести и вероисповедания каждому гражданину, обязывалось не вмешиваться в деятельность религиозных культов и обеспечить им условия для нормального функционирования. На деле «законным» стало притеснение религии, сужение сферы ее влияния, последовательное уничтожение всего, что с ней было связано, репрессии против духовенства.

Костел во время гитлеровской оккупации Белоруссии отражен в документах немецких спецслужб и оккупационных органов власти. Из захваченных территорий в Берлин регулярно посылались спецсообщения службы безопасности и СД с разнообразной информацией о положении в оккупированных областях СССР. Документы готовились профессионально, отличаются высокой степенью аналитичности, детализации, логичности, содержат интересные наблюдения и выводы. Немецкие спецслужбы ставили в прямую зависимость национальный и религиозный факторы, отмечали тесную связь католического Костела и духовенства на оккупированных землях и польского движения Сопротивления. С учетом такого анализа строилась национальная и конфессиональная политика оккупационных властей, направленная внешне на поддержку коллаборационистов и их «белорусской национальной идеи», Православной Церкви, а фактически — на разжигание международной розни, на противопоставление католицизма и православия.

Значительный комплекс источников составляют распоряжения немецких властей, переписка рейхскомиссара Остланда с руководством Белорутении по вопросам положения и отношения к религиозным конфессиям. Эти документы красноречиво характеризуют двойственность конфессиональной политики гитлеровцев в оккупированной Белоруссии, содержат указания по ограничению деятельности Костела, раскрывают специфику отношений местных оккупационных властей к религиозным проблемам.

В оккупированном Минске действовала группа белорусских национальных и религиозных деятелей. Пользуясь поддержкой гауляйтера Вильгельма Кубе, известного лидера нацистской партии, они предпринимали настойчивые попытки подчинить интересам *«адраджэньня»* белорусской нации, освободив от её *«польскага і расейскага ўплыву»*, деятельность католического Костела и Православной Церкви. Сохранившиеся далеко не полностью источники — обращения, доклады, переписка белорусских деятелей, пресса: «Менская газета», «Беларуская газета»,

журнал «Беларус на варце» и другие позволяют выяснить их отношение к проблемам нации, религии, церкви, раскрывают попытки провозглашения автокефального Костела в округе Белорутения. Ряд документов характеризует деятельность во время оккупации известных белорусских католических деятелей — ксендзов Винцента Годлевского, Казимира Рыбалтовского, Станислава Мальца и других.

Ценные документы периода оккупации хранятся в Госархиве Гродненской области. Гродно в то время входил в состав округа Белосток. В первые месяцы оккупации гитлеровцы сформировали из числа местного польского населения вспомогательную администрацию, что-то вроде местного самоуправления. Подобные учреждения до осени 1941 года были в Новогрудке, Бресте и некоторых других городах, где проживало значительное количество польского населения. Кое-где в состав польских административных органов вошли представители католического духовенства, как, например, в Гродно — декан ксендз-профессор Альбин Ярошевич. Им был создан благотворительный «Гражданский комитет помощи пострадавшим от войны», который вскоре, как и польская администрация, был разогнан немцами, запрещавшими благотворительную деятельность Костела. Сохранившиеся немногочисленные источники — переписка декана ксендза А. Ярошевича с оккупационными властями по религиозным вопросам, распоряжения местных властей, документы действовавших в Гродно и Белостоке филиалов Белорусского национального комитета, письма, обращения православного архиепископа Венедикта (Бобковского) характеризуют положение конфессий, их взаимоотношения с оккупационными властями, особенности национальной и религиозной политики оккупантов.

Более полное представление о сущности нацистской политики на оккупированных территориях дают программные документы нацистской партии (НСДАП), речи и книга Адольфа Гитлера «*Mein Kampf*» («Моя борьба») [122; 124; 132]. Важно подчеркнуть одну особенность для понимания заложенных в них идей: сам Гитлер, воспитанный в католицизме, был под сильным впечатлением организации и мощи Костела, но к его учению испытывал острейшую враждебность, особенно к христианской этике. В его глазах христианство было религией рабов, а отсюда вытекала несовместимость христианских и национал-социалистических взглядов.

Определенный свет на положение Костела в западных областях Белоруссии проливают донесения, письма, рапорты подпольных структур польского движения Сопротивления лондонскому эмиграционному правительству Польши. Из опубликованных зарубежных источников представляют научный интерес изданные в Лондоне на польском языке в 1970–1981 годах в 5 томах документы о деятельности польского подпольного движения «*Armia Krajowa w dokumentach 1939–1945*» [121]. Среди многочисленных источников, всесторонне характеризующих польское подполье, встречается несколько информаций, депеш, донесений, писем, создающих некоторое представление о положении Костела, организационной работе Главного Капеллана АК, Полевой Курии по созданию душпастьрской службы АК. Однако количество этих документов незначительно и содержащаяся в них информация не является исчерпывающей.

Представляют определенный интерес документы Ватикана в защиту прав польских католиков в Рейхе и на оккупированных гитлеровцами территориях. Это ноты посольству Германии, послания, письма польским архиепископам, государственным деятелям Польши, речи, обращения к польской колонии в Риме и др. В них выражается обеспокоенность религиозным положением на захваченных землях (увольнение польских епископов, высылка духовенства, роспуск монашеских орденов, препятствия для душпастьрской деятельности и обучения молодежи религии, грабеж имущества костелов, запрет просветительской и благотворительной деятельности и др.). Папа римский призывал всех католиков крепить единство Костела и народа и не терять в тех условиях веру, надеяться на временный характер трудностей.

Вместе с тем, как свидетельствуют документы и многочисленные публикации, в Апостольской столице заняли нейтральную позицию по отношению к фашистской Германии, избегая оценки факта агрессии, ограничиваясь дипломатическими шагами в отношении к Рейху. Высшее руководство католического Костела полагало, что нацисты изменят отношение к католицизму, обеспечат свободу деятельности Костела [125; 128].

Изучение отечественной и зарубежной историографии, учет ее достижений и слабых сторон, анализ доступных автору источников помогли осветить еще одну важную страницу истории.

Глава 1

ПОЛОЖЕНИЕ КОСТЁЛА ПЕРЕД НАЧАЛОМ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Административное деление

Католический Костел на территории Белоруссии перед началом второй мировой войны имел четкую административно-территориальную и организационную структуру и управление, которые формировались на протяжении столетий и учитывали не только религиозные, но и социальные, политические и другие факторы.

По условиям Рижского мирного договора 18 марта 1921 года между Польшей и Советской Россией западная часть Белоруссии вошла в состав II Речи Посполитой, а восточная — БССР. Однако административно-костельная структура, хотя и с некоторыми изменениями, сохранилась. Территория Белоруссии входила в состав Виленского и Могилевского архидиоцезов, Минского и Пинского диоцезов.

Виленский архидиоцез образован в 1388 году. Он охватывал территорию Литвы и русских земель северной части ВКЛ. В XVI веке происходила организация приходов и деканатов. В 1800 году в Виленском епископстве насчитывалось 18 деканатов, 11 из них — на территории современной Беларуси. В деканаты входило от 6 до 25 приходов. В середине XIX века было 23 деканата, включавшие от 2 до 20 приходов. В межвоенный период (1921–1939 годы) образовано 12 новых деканатов, в том числе 6 — в Белоруссии.

В 1925 году в связи с подписанным между правительством Польши и Апостольской столицей конкордатом Вильно стал центром архиепископства и митрополии, в состав которой вошли Виленский архидиоцез, Ломжинский и Пинский диоцезы. Его границы были определены Апостольской Конституцией *Vixdum Poloniae* от 28 октября 1925 года. Митрополитами были известные религиозные деятели Ян Цепляк (14.12.1925 — 17.02.1926) и Ромуальд Ялбжиковский (8.09.1926 — 15.07.1945) [182, s. 12–18; 65–69].

Большая часть приходов Западной Белоруссии входила в состав Виленского архидиоцеза, самого большого в межвоенный период в Польше, составляющего 53860 км². Он включал в себя полностью Виленское воеводство и частично Белостокское и Новогрудское. По данным польского историка ксендза–профессора

Тадеуша Крахэля, в 1939 году диоцез насчитывал 1485484 верующих, в их числе около 1 млн человек других вероисповеданий — преимущественно православных и иудеев. В незначительном количестве были старообрядцы, мусульмане, караимы и евангелисты. В национальном отношении — помимо поляков, проживали белорусы, евреи, русские, татары.

Архидиоцез состоял из 30 деканатов и 371 прихода, включая 7 приходов восточного обряда и 8 приходов военных. Помимо приходских, было около 100 филиальных и монастырских костелов и каплиц. В начале 1939 года на этой территории душпастьрскую деятельность проводили 626 ксендзов, в том числе 549 из Виленского архидиоцеза, 72 — из других диоцезов (больше всего из могилевского — 41) и 5 восточного обряда, а также 105 ксендзов-монахов.

На территории архидиоцеза находилось 25 монастырей (в их числе 7 — салезиане и 3 — францисканцы), 56 женских (в их числе 17 — сестры-миссионерки Святого Семейства, 11 — сестры-францисканки Семейства Марии, 5 — непокоянки, 4 — салезианки) [179, s. 12-13].

В результате второй мировой войны политические границы разделили Виленский архидиоцез между Польшей, Литовской ССР и Белорусской ССР.

Проведенные властью административно-территориальные изменения в западных областях привели к количественным изменениям числа диоцезов, костелов, верующих. В результате советско-литовского соглашения от 10 октября 1939 года Советский Союз передал Литве Вильно и часть Виленщины — около 6880 км². На этой территории проживали около 549 тысяч человек, в том числе 321700 поляков, 31300 литовцев, 107600 евреев, 75200 белорусов. В июне 1940 года Литва вошла в состав СССР как одна из союзных республик. Ее территория увеличилась за счет присоединения рай-

Фара Витовта в Гродно

онов Друскининкай-Марцинканцы и Дивенишки на юге и Свенцяны-Годутишки на севере. Это составило 2647 км². В целом в границах Литвы оказалось 9527 км² Виленского архидиоцеза, оставшаяся часть — 46333 км² — находилась в составе БССР.

После официального вхождения Западной Белоруссии в состав СССР в октябре 1939 года здесь было произведено новое административно-территориальное деление — на области (4.12.1939) и районы (15.01.1940). В результате часть Виленского архидиоцеза вошла в состав Белостокской, Барановичской и Вилейской областей.

В Белостокской области находилось 9 деканатов: Белостокский, Берестовицкий, Домбровский, Гродненский, частично Кнышинский, Корытинский, Лунненский, Сокольский, Волковысский. Из 6 деканатов в Барановичской области частично вошли — Беляконский, Радунский и полностью Лидский, Слонимский, Василишский, Вишневецкий. В Вилейской области из 10 деканатов — частично Ворнянский, Свенцянский, Браславский, полностью Глубокский, Миорский, Молодечненский, Надвильейский, Вилейский, Ошмянский, Свирский. Некоторые деканаты были разделены границей между Литвой и Белоруссией: Беляконский, Браславский, Гродненский, Радунский, Свенцянский, Ворнянский.

После корректировки границ в 1940 году между ЛССР и БССР 275 приходов архидиоцеза находились на территории Белоруссии, 86 — Литвы [196, s. 332-334].

Во второй половине 1941 года вся территория Виленского архидиоцеза оказалась под немецкой оккупацией и была включена в немецкие административные единицы: Генеральный комиссариат Литва и Генеральный комиссариат Белорутения в рамках Рейхскомиссариата Остланд (Восток). Белосточина включалась в Восточную Пруссию. Политика властей по отношению к религии, в частности, к католическому Костелу, была в различные периоды и в различных частях диоцеза неодинаковой, что создавало трудности как для функционирования костельных структур, так и для проведения душпастьерской деятельности [186, s. 153].

Вторая мировая война и поражение Польши в сентябре 1939 года привели к изменениям условий функционирования организаций Костела. В новой военной и политической ситуации виленская курия во главе с архиепископом Ромуальдом Ялбжиковским проводила изменения организационных структур и совершенствование душпастьерства.

Политическое и административное деление, проведенное в 1939–1944 годах вначале между СССР и Литвой, затем внутри

Советского Союза между Литовской ССР и Белорусской ССР и, наконец, под немецкой оккупацией границами генеральных комиссариатов, привели к разделу целостности Виленского архидиоцеза. Ограничения, вводимые вначале советской, а затем немецкой властями, затрудняли, а во многих случаях делали невозможными надзор за душпастырством со стороны руководства архидиоцеза, контакты деканов с архиепископом и даже ксендзов со своими деканами. Архиепископ Р.Ялбжиковский наделил всех деканов полномочиями генеральных vikариев, обязал ксендзов не покидать свои приходы и не вносить никаких изменений без ведома костельных властей [186, s. 153].

Генеральным vikарием на территории БССР был назначен молодецненский декан ксендз прелат Кароль Любянец [196, s. 332-334]. За весь период войны и немецкой оккупации организационные и территориальные структуры, сеть приходов Виленского архидиоцеза не претерпели никаких формальных изменений. Однако они действовали в трудных условиях. Гитлеровцы препятствовали проникновению влияния виленского архиепископа, находящегося в непосредственной близости к Белоруссии.

Пинский диоцез образован 28 октября 1925 года. К нему принадлежала территория юго-восточной части II Речи Посполитой. В 1938 году диоцез состоял из 18 деканатов, которые делились на 131 приход, объединявший 306 тысяч католиков. На территории диоцеза работали 210 диоцезиальных священнослужителей и 24 священника-монаха (латинского обряда). Первым ординарием диоцеза в 1925-1932 годах был епископ Сигизмунд Лозинский, вторым — в 1932-1946 годах — епископ Казимир Букраба [149, с. 65].

Минский диоцез образован 9 августа 1798 года. В его состав вошла большая часть современной Беларуси. Царь Александр II указом от 27 июля 1869 года самовольно включил Минский диоцез в состав Виленского. На основании условий между Апостольской столицей и российскими властями, заключенными в 1880 году и утвержденными в 1882 году, административные дела Костела на этой территории были навсегда отданы в руки Могилевского архиепископа и его последователей. Обычно от имени архиепископа в присоединенном Минском диоцезе управлял его генеральный vikарий. 2 ноября 1917 года диоцезу был возвращен статус самостоятельной структурной единицы. В новых границах СССР, определенных Рижским трактатом 1921 года, осталось 7 деканатов бывшего Минского диоцеза. Они включали 55 прихо-

дов, которые объединяли лишь 160 католиков и 14 священнослужителей. Последним ординарием был епископ Сигизмунт Лозинский (до 2 декабря 1925 года). С 1925 года он стал ординарием вновь образованного Пинского диоцеза.

Могилевский архидиоцез образован 15 апреля 1783 года. К нему принадлежали католики, проживающие на территории Белоруссии и России вплоть до ее границ на Дальнем Востоке. В 1914 году, накануне первой мировой войны, архидиоцез имел 171 приход, на его территории проживали 867000 католиков, работали 370 ксендзов. После реформы Костела на территории СССР, проведенной в 1923 году, в состав архидиоцеза вошла территория европейской части России и Восточной Белоруссии, где проживали около 300000 верующих, которых обслуживали 115 ксендзов. На белорусских землях в 1926 году в Могилевский архидиоцез входило 11 деканатов, 60 приходов, проживали 115000 верующих, работали 35 ксендзов. Архиепископом Могилевского архидиоцеза до 1926 года был Эдвард Ропп [149, с. 39].

13 августа 1926 года Апостольская столица назначила епископа Болеслава Слоскана титулярным епископом и апостольским администратором Минского диоцеза и той части Могилевского архидиоцеза, которая находилась в границах Белоруссии. Однако 10 августа 1927 года епископ Слоскан выехал из СССР [168, с. 370].

Во время войны гитлеровцы пресекали попытки возродить управление Могилевским архидиоцезом епископом Болеславом Слосканом и Пинским диоцезом епископом Казимиром Букрабой.

Правовой статус религиозных конфессий

Приход к власти большевиков в октябре 1917 года ознаменовался началом наступления на религию, в том числе и католическую, которое вскоре переросло в тотальное уничтожение всех существующих конфессий. Политика советского государства по отношению к римско-католическому Костелу базировалась на тех же принципах, которые составляли генеральную линию отношений с любой религией: не оставлять ей места в социалистическом обществе, ликвидировать *«религиозные пережитки»* в сознании людей.

Основу этой политики составляли произведения основоположников новой коммунистической идеологии Карла Маркса,

Фридриха Энгельса и Владимира Ленина, постановления ЦК ВКП(б), а законодательную — декреты Совета Народных Комиссаров и других государственных учреждений Советской России, а впоследствии Советского Союза. В Белоруссии законодательство о культурах создавалось на базе общесоюзного. Это были декреты, постановления, инструкции, циркуляры СНК БССР, НКВД БССР, Наркомюста и Наркомфина БССР. Важнейший в этом ряду — Декрет Совета Народных Комиссаров Российской республики «*Об отделении церкви от государства и школы от церкви*» (23 января 1918 года), подтвержденный 11 января 1922 года СНК БССР [151, 8 августа]. Он стал фундаментальным документом для создания в течение десятилетий советского законодательства о культурах.

Провозгласив раздельное существование важнейших социальных институтов, какими были государство, церковь и школа, Декрет вместе с тем запрещал стеснять или ограничивать свободу совести, декларировал право каждого гражданина исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, свободно исполнять религиозные обряды, если они не нарушают общественный порядок и не сопровождаются посягательством на права граждан Советской Республики. Все акты гражданского состояния передавались в ведение гражданских властей. Из учебных заведений изымалось преподавание религиозных вероучений, но допускалось обучение религии частным образом. Церковные и религиозные общества лишались прав собственности и юридического лица, а их имущество объявлялось народным достоянием [114, с. 502-503].

Декрет СНК стал не только точкой отсчета новых отношений церкви и государства на просторах бывшей Российской империи, хотя в истории новой Европы автономное существование церкви и государства было явлением нормальным. В советской стране он наносил первый удар по религии, в том числе и римско-католической. В последующем советское законодательство о культурах создавало условия не для нормального функционирования религиозных институтов, а для ограничения их деятельности и уничтожения.

Так, *Инструкция Народных Комиссаров Внутренних Дел и Юстиции БССР от 5 мая 1928 года «По вопросам, связанным с осуществлением декрета об отделении церкви от государства в БССР»* определяла порядок взаимоотношений религиозных организаций и государственных органов власти. Все религиозные объединения подлежали обязательной регистрации в административ-

Декрет Совета Народных Комиссаров.

263. Об отделении церкви от государства и школы от церкви.

1. Церковь отделяется от государства.
2. В пределах Республики запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести, или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан.
3. Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Все-кие правонарушения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием какой-либо веры, отменяются.

Примечания. Из всех официальных актов всякое указание на религиозную принадлежность и непринадлежность граждан устраняется.

4. Действия государственных и иных публично-правовых общественных установлений не сопровождаются никакими религиозными обрядами или церемониями.
5. Свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка и не оспариваются посетителями на права граждан Советской Республики.
- Местные власти имеют право принимать все необходимые меры для обеспечения в этих случаях общественного порядка и безопасности.
6. Никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей.
- Изъятия из этого положения, под условием замены одной гражданской обязанности другою, в каждом отдельном случае допускаются по решению народного суда.
7. Религиозная клятва или присяга отменяется.
- В необходимых случаях дается лишь торжественное обещание.
8. Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью: отделами записей браков и рождений.

9. Школа отделяется от церкви.
- Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается.
- Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом.
10. Все церковные и религиозные общества подчиняются общим положениям о частных обществах и союзах и не пользуются никакими преимуществами и субсидиями ни от государства, ни от его местных автономных и самоуправляющихся установлений.
11. Принудительные взимания сборов и обложений в пользу церковных и религиозных обществ, равно как меры принуждения или наказания со стороны этих обществ над их членами, не допускаются.
12. Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют.
13. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием.

Здания и предметы, предназначенные специально для богослужбных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ.

Подписали: Председатель Совета Народных Комиссаров Уляков (*Ленин*). Народные Комиссары: *Лодыговский, Алазов, Трутовский, Шляхтер, Прохоров, Мельниковский, Шляжков, Петровский.* Управляющий делами Совета Народных Комиссаров *Бич-Бруевич.*

Распуббликовано в №15-ом Газеты Рабочего и Крестьянского Правительства от 23 января 1918 года.

ных отделах или НКВД; запрещалось использовать богослужения для политических целей; служители культа облагались общими с другими гражданами налогами; религиозные организации не могли требовать от верующих безусловного выполнения своих распоряжений и принуждать их к даче пожертвований в пользу религиозных объединений. В соответствии с Декретом и Конституцией

1922 год.

2. Аб адлучэнні царквы ад дзяржавы і школы ад царквы.

(Пост. СНК БССР).

1. У межах ССР Беларусі царква адлучаецца ад дзяржавы.

2. Школа адлучаецца ад царквы.

3. Навучаць і навучацца рэлігіі можна толькі прыватным спосабам.

4. Усе маёмасць царкоўных і рэлігійных грамад абвешчана на народным здабіткам. Будынкі і прадметы для богаслужэньня здаюцца дзяржаўнай уладзе ў карыстаньне рэлігійным грамадам на падставе дагавору, што яны захаваюць усё ў цэласці і ня будуць скарыстоўваць для атрымання нажывы для сябе.

Маёмасць будзе здавацца абшчынам, якіх інакш пакуль ня менш 50 веруючых аднавернага культу веры.

5. Царкоўныя рэлігійныя грамады ня маюць праў юрыдычных асоб.

6. Вольнае выкананьне рэлігійных абрадаў забяспечваецца пры ўмове, калі яно не парушае грамадзкага парадку і не насілае на права грамадзян Рэспублікі.

Мясцовая ўлада мае права ў патрэбных выпадках рабіць усё заходы да захавання бяспекі.

7. Па рэлігійных пераконаньнях ад грамадзянскіх абавязкаў ніхто не звальняецца. Замена аднае абавязнасці другою дазваляецца ў выключных выпадках паводле рашэння народнага суда¹⁾.

8. Рэлігійная прысяга скасоўваецца. У патрэбных выпадках даецца толькі ўрачыстэ абяцаньне.

9. Акты грамадзянскага стану вядуцца выключна органамі ўлады.

10. Ажыццёвыя справы гэтак пастаюны ускладняюцца на Народны Ка-

¹⁾ Звальненне ад вайскай службы па рэлігійных пераконаньнях робіцца шчыра акружнымі судамі (арт. арт. 253-257 ГПК).

2. Об отделении церкви от государства и школы от церкви.

(Пост. СНК БССР).

1. В пределах ССР Белоруссии церковь от государства отделяется.

2. Школа от церкви отделяется.

3. Обучать и обучаться религии могут лишь частным образом.

4. Все имущество церковных и религиозных обществ объявляется народным достоянием. Здания и предметы для богослужения государственной властью сдаются в пользование религиозным общинам по договору, что сохраняют все целостности и не будут употребляться для извлечения личной наживы.

Имущество сдаваться будет общинам, насчитывающим не менее 50-ти верующих соответствующего культа вероисповедания.

5. Церковные религиозные общества не имеют прав юридических лиц.

6. Свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается по столько, по сколько не нарушает общественного порядка и не посягает на права граждан Республики.

Местные власти имеют право в нужных случаях принимать все меры к обеспечению безопасности.

7. По религиозным убеждениям от гражданских обязанностей никто не освобождается. Замена одной обязанности другою допускается в исключительных случаях по решениям народного суда¹⁾.

8. Религиозная присяга отменяется. В нужных случаях дается лишь торжественное обещание.

9. Акты гражданского состояния ведутся исключительно органами власти.

10. Проведение сего постановления возлагается на Народный Ко-

¹⁾ Освобождение от военной службы по религиозным убеждениям производится ныне окружными судами (ст. ст. 253-257 ГПК).

мисарыят Юстыцы. Для выканання функцый па гэтым пытанні пры Судова - Сьледчым Аддзеле НКЮ арганізуецца ліквідацыйнае аддзяленне, якое карыстаецца апаратам НКЮ, а ў патрэбных выпадках Народнага Камісарыяту Асьветы; Народнага Камісарыяту Унутраных Спраў і падпарадкаваных яму органаў¹⁾.

11. Фактычнае ажыццяўленне ўсіх мерапрыемстваў, Ліквідацыйная Камісія пачынае з 1 студзеня 1922 г. Падгатоўчую работу пачынае з моманту апублікавання гэтае пастановы.

12. Для больш рацыянальнага і гібкага ажыццяўлення ўсіх мерапрыемстваў пры Ліквідацыйным Аддзяленні арганізуецца цэнтральная камісія з прадстаўнікоў: Народнага Камісарыяту Асьветы, Народнага Камісарыяту Унутраных Спраў пад старшынствам Загадчыка Судова-Сьледчага аддзелу Народнага Камісарыяту Юстыцы, якая апрацоўвае падрабязныя інструкцыі для работы на мясцох на разьвіццё гэтае пастановы, бяручы пад увагу мясцовыя ўмовы.

13. На паветах пад старшынствам старшын павятовых бюро юстыцы арганізуецца камісія па прыкладу цэнтральнае.

У валасцях гэту работу вядуць члены валасных выканаўчых камітэтаў разам з старшынмі сельскіх саветаў, пад кіраўніцтвам павятовых бюро юстыцы. Павятовыя бюро юстыцы падаюць справаздачы ліквідацыйным аддзяленьям Народнага Камісарыяту Юстыцы.

(«Известия ЦИК БССР» за 11 студзеня 1922 г. № 2).

¹⁾ У сучасны момант нагляд за правільным ужываннем законаў аб адлучэнні царквы ад дзяржавы і школы ад царквы і ажыццяўленнем гэтых законаў належыць да камітэці Народнага Камісарыяту Унутраных Спраў, акруговых і раённых выканаўчых камітэтаў, месцачковых і сельскіх саветаў (З. З. БССР 1924 г. № 13, арт. 114 і № 25-26, арт. 230, 1925 г. № 31 арт. арт. 290-292). Увага гэта адносіцца таксама, да арт. арт. 11-13 гэтае пастановы.

мисарият Юстиции. Для отправления функций по этому вопросу организуется при судебно-следственном Отделе НКЮ—Ликвидационное Отделение, которое пользуется аппаратом НКЮ, а в нужных случаях Наркомпроса, НКВД и подведомственных ему органов¹⁾.

11. К фактическому проведению всех мероприятий в жизнь, Ликвидационное Отделение приступает с 1 января 1922 г. Подготовительную работу начинает с момента опубликования сего постановления.

12. Для более рационального и гибкого проведения в жизнь всех мероприятий при Ликвидационном Отделении организуется центральная комиссия из представителей: Наркомпроса, Наркомвнудела под председательством Зав. Судебно-Следственным отделом Наркомюста, которая вырабатывает подробные инструкции для работы на местах в развитие сего постановления, сообразуясь с местными условиями.

13. В уездах под председательством Предубюстов организуются комиссии по примеру Центральной.

В волостях эту работу ведут члены Волисполкомов, совместно с Предсельсоветов, под руководством Убюстов. Убюсты отчитываются перед ликвидационным отделением Наркомюста.

(«Известия ЦИК БССР» от 11 января 1922 г. № 2).

¹⁾ В настоящее время наблюдение за правильным применением законов об отделении церкви от государства и школы от церкви и проведением этих законов в жизнь отнесены к компетенции Народного Комисариата Внутренних Дел, окружных и районных исполнительных комитетов, местечковых и сельских советов (Собр. Зак. БССР 1924 г. № 13, ст. 114 и № 25-26 ст. 230, 1925 г. № 31 ст. ст. 290-292). Замечание это относится также к ст. ст. 11-13 настоящего постановления.

БССР запрещалось обучение религии детей и лиц, не достигших 18 лет, в государственных и частных школах. Граждане могли обучаться религии сами либо учить других частным образом, и на основании этого родители могли учить своих детей религиозным вероучениям сами либо приглашать для этой цели посторонних лиц. При этом обучение не могло носить группового характера, то есть количество обучающихся не должно было превышать троих. Запрещалась также деятельность религиозных детских и юношеских кружков, отделов или организаций. Служители культов могли, по приглашению родителей, излагать вероучение детям, но только не в молитвенных домах и не в группах. В случае нарушений данной инструкции предусматривалась судебная ответственность [107, с. 35-38].

8 апреля 1929 года ВЦИК и СНК РСФСР издали *Постановление «О религиозных объединениях»*. В 68 пунктах этого документа узаконивалась такая система отношений церкви и государства, которая фактически означала вмешательство государственных органов во внутрицерковную жизнь, вела к сужению религиозного влияния церкви на верующих, ограничению ее имущественных прав, снижению роли духовенства в религиозной жизни.

Постановление игнорировало сложившуюся структуру религиозных культов, определяя религиозные объединения верующих как религиозные общества или группы, устанавливая возрастную ценз (достижение 18 лет) и численный состав (не менее 20 человек). При этом религиозные общества и группы не пользовались правом юридического лица. Определялся порядок регистрации религиозных обществ, условия передачи им от местных органов власти молитвенных зданий и предметов культа. Для управления и пользования культовым имуществом, распоряжения денежными средствами, а также в целях внешнего представительства предписывалось на общем собрании верующих открытым голосованием избирать исполнительные органы и ревизионные комиссии.

Религиозным объединениям запрещались благотворительная деятельность (создание касс взаимопомощи, кооперативов, оказание материальной поддержки своим членам), организация детских, юношеских, женских молитвенных и других собраний, кружков различного толка, просветительская пропаганда. Преподавание религиозных вероучений могло быть только на специальных богословских курсах, открываемых гражданами СССР с особого разрешения НКВД РСФСР. Однако ни одного такого разрешения

не было дано. Религиозная политика советского государства приводила к последовательному уничтожению не только культовых учреждений, но и священнослужителей. К тому же деятельность служителей культа не должна была выходить за пределы религиозного общества, по месту жительства его членов и нахождения соответствующего молитвенного здания.

Религиозные общества лишались имущественных прав. Не только молитвенные здания, но и даже вновь приобретенное или пожертвованное культовое имущество объявлялось национализированным. Оно передавалось в пользование верующим по договору, заключенному местным органом власти с «двадцаткой» верующих. Договор определял условия хранения, пользования, ответственности за культовое имущество. Постановлением предусматривался порядок передачи здания культа, находящегося в пользовании верующих, для других надобностей или его ликвидации.

Членам групп верующих и религиозным обществам предоставлялось право производить складчины и собирать добровольные пожертвования как в самом молитвенном здании, так и вне его, но лишь среди членов данного религиозного объединения и на цели, связанные с содержанием молитвенного здания, культового имущества, наймом служителей культа и содержанием исполнительных органов. Запрещалось под страхом уголовной ответственности принуждать верующих к взиманию сборов на нужды церкви.

1920-30-е годы в Советской Белоруссии ознаменовались кампанией по закрытию и ликвидации ряда домов религиозных культов, в том числе костелов. Эти акции вандализма объяснялись руководящими партийными и советскими органами как ответ на *«ходатайства рабочих и крестьян»*. Вместе с архитектурными памятниками разграблению и уничтожению подвергалось имущество храмов — в большинстве своем бесценные предметы декоративно-прикладного искусства, скульптуры, иконы, картины, мебель и другое [108, с. 78-93].

Уничтожение приняло такие масштабы, что *НКВД и Министерство финансов БССР* в целях сбережения наиболее ценных предметов *9 марта 1930 года* приняли *Постановление «О порядке распределения имущества при ликвидации домов религиозных культов»*. Оно предусматривало *«все предметы из платины, золота, серебра и парчи, а также драгоценные камни зачислять в государственный фонд и передавать в распоряжение финансовых органов для дальнейшей передачи и реализации их Госбанком;*

Пастамова народных камісарыятаў Унутраных Спраў і Фінансаў БССР.

Паст. 77. Пра парадак разьмеркаваньня маемасьці пры ліквідацыі дамоў рэлігійных культураў.

Адміністрацыйным аддзелам АБК, Віцебскаму Гарсавету, РВК Віцебскай акругі і акруговым фінансавым аддзелам.

У апошні час па хадайніцтвах рабочых і сялян зачыняецца і ліквідуецца шэраг дамоў рэлігійных культураў.

У зачыняемых і ліквідуемых дамох рэлігійных культураў маецца культура маемасьць, парадак рэалізацыі якой дакладна ня вызначаны. Сярод маемасьці маецца такая, якая складае дзяржаўны фонд і павінна рэалізавацца праз мясцовыя фінансавыя органы паводле тлумачэньня НКФ ССРСР.

Таму, народныя камісарыяты Унутраных Спраў і Фінансаў БССР прапануюць:

1. Пры зачыненні і ліквідацыі дамоў рэлігійных культураў, культуравую маемасьць разьмяркоўваць наступным чынам:

а) усё прадметы з плаціны, золата, срэбра і парчы, а таксама каштоўныя каменныя заліцаць у дзяржаўны фонд і перадаваць у распараджэньне фінансавых органаў для далейшай перадачы і рэалізацыі іх Дзяржбанкам;

б) мастацкія і музэйныя каштоўнасьці перадаваць органам НК Асьветы;

в) іншыя прадметы, як званы, мэблю, каўры, люстры і г. д. заліцаць у дзяржфонд і перадаваць фінансавым органам для рэалізацыі.

2. Прыём маемасьці прадстаўнікамі фінансавых органаў праводзіць па падрабязных сьпісах.

3. Па прыёме маемасьці фінансавым органам прымаць захавы да яе аховы, прычым:

а) маемасьць, пералічаную ў п. „а“ арт. 1 гэтага аб'явіцы, здаваць у касу Дзяржбанку;

б) іншую маемасьць хаваць у памяшканьнях фінансавых органаў, альбо па месцы яе знаходжаньня, пры ўмове апячатаньня і здачы яе на хаваньне вызначаным для гэтага асобам;

в) пасля прыёму маемасьці фінансавым органам рабіць ацэнку, а затым рэалізацыю яе перадаваю яе за плату дзяржаўным і каперацыйным установам. Званы перадаваць за плату Рудмэтальгандлю.

4. Сумы, выручаныя ад рэалізацыі маемасьці, за вылікам сум, што атрачаны на рэалізацыю, уносяць у даход дзяржавы і заліцаць па § 42 арт. 2 даходнай клясыфікацыі 1929/30 г. з залічэньнем 50% у мясцовыя сродкі.

5. Будынкі рэлігійных дамоў перадаваць у распараджэньне мясцовых саветаў і выканаўчых камітэтаў па належнасьці.

Нам. Народнага Камісара Унутраных Спраў БССР *Я. Кроль.*

Нам. Народнага Камісара Фінансаў БССР *Л. Бунін.*

9 сакавіка 1930 г.
№ 3225—3.

художественные и музейные ценности передавать органам Народного Комиссариата Просвещения, другие предметы, как то: колокола, мебель, ковры, люстра и т.д. зачислять в госфонд и передавать финансовым органам для реализации». Постановлением определялся порядок сохранности, оценки и реализации имущества, распределения сумм от продажи. Колокола передавались за плату Рудметаллторгу, т.е. на переплавку, а здания религиозных культов — в распоряжение местных органов власти [116, с. 7]. На деле многое попросту растаскивалось и присваивалось самими же чиновниками.

Одновременно в Советской Белоруссии набирала размах кампания по борьбе с религией. В ход были пущены все средства и меры — от идеологических до репрессивных. Наступательный характер советские и партийные органы стремились придать антирелигиозной пропаганде, атеистическому воспитанию *«среди широких масс трудящихся <...> сделать доступным самым широким массам естественно-исторические знания, путем издания журналов, книг, учебников, постановки систематических циклов лекций и использования для распространения этих знаний всех способов современной техники (фото, кино и т.д.)»*. Членам коммунистической партии вменялось в обязанность активное *«участие в культурно-просветительной деятельности, направленной против религии... За нарушение партийной программы в области религиозной, за связь с тем или иным религиозным культом члены партии, занимающие ответственные посты, ведущие активную советскую или партийную работу, исключаются из партии»*.

Антирелигиозная пропаганда и агитация рассматривались партийно-советским аппаратом как действенные средства по искоренению *«религиозных предрассудков широких трудящихся масс», «разоблачения контрреволюционной роли исторически сложившихся церковных организаций на службе капитала и помещичьего землевладения»* [114, с. 506-510].

Репрессии против Костёла и духовенства

Полагая, что невозможно искоренить веру одними лишь законодательными, пропагандистскими и административными методами, советская власть использовала репрессии против духовенства и верующих под предлогом борьбы с контрреволюцией и враждебными элементами.

Обвинениям и репрессиям подвергся в 1919 году могилевский митрополит Эдвард де Ропп. В 1922-1923 годах в Москве состоялся судебный процесс над могилевским архиепископом Яном Цепляком и 14 активными католическими священниками из России. Их обвиняли в сопротивлении декретам и распоряжениям советской власти по отношению к религии и церкви, в организации борьбы с советской властью. Ян Цепляк и настоятель костела святой Катерины в Петрограде К.Буткевич были приговорены к расстрелу, остальные — к лишению свободы от трех до десяти лет. Впоследствии смертный приговор Яну Цепляку был заменен десятью годами лишения свободы [141, с. 179-182].

В 1933 году по сфабрикованному делу о существовании подпольной контрреволюционной повстанческой организации (ПОВ — польской организации войсковой) НКВД арестовало десятки ксендзов, которых обвинили в шпионаже в пользу Польши, антисоветской деятельности.

На протяжении 30-х годов костелы считались рассадниками шпионажа, а католическое духовенство — потенциальным врагом большевизма и Советов. Не случайно в 1937 году бюро ЦК КПБ дважды рассматривало вопросы «*О мерах по закрытии польских костелов*» и «*О польских костелах*». Руководствуясь прежде всего политическими мотивами (близость Польши, борьба с «врагами народа», несовместимость коммунистической и религиозной идеологии), бюро дало установки низовым партийным органам по скорейшему закрытию костелов, аресту духовенства и верующих [141, с. 191].

Гонения на римско-католический Костел, духовенство и верующих в СССР получили осуждение в Апостольской столице — Ватикане. Папа Бенедикт XV осудил октябрьскую революцию, а 9 мая 1922 года направил Генуэзской конференции меморандум, в котором выразил озабоченность положением религии в России. Папа предлагал внести в соглашение между государствами три условия, касающиеся религиозных вопросов в России: гарантия полной свободы совести всех граждан, как частного, так и публичного отправления религиозных культов, возвращение религиозным общинам недвижимого имущества, принадлежавшего им до революции [141, с. 179-180].

В дальнейшем отношения Ватикана и советского правительства обострялись по мере того, как происходило наступление большевиков на религию, Костел и духовенство. Существенную роль играл идеологический фактор: большевики считали Ватикан пособником империализма, а католицизм сильнее православия.

Существовавшие в те годы в Советском Союзе шпиономания, атмосфера страха и грубого нарушения прав человека служили удобной ширмой для расправ с инакомыслящими. В Белоруссии близость Польши, помимо того, использовалась для фабрикации дел о наличии законспирированного польского националистического подполья, направленного на подрыв советского строя.

К январю 1937 года в БССР осталось 74 действующие церкви (в том числе староцерковной (старообрядческой) ориентации — 42, белорусской автокефальной — 26, обновленческой — 6), практикующих служителей культа — до 100 человек, а не имеющих приходов и снявших сан — до 300. По состоянию на 21 июня 1938 года только 2 церкви и 2 православных священника (в Орше и Мозыре) продолжали править службой. К этому времени во всей республике не было ни одного действующего костела.

*Архив в здании костела Св.Иосифа на Соборной площади
в г.Минске (ныне площадь Свободы)*

Органы НКВД в 1937-1938 годах арестовали и осудили «3 247 церковников и сектантов, из них более 400 попов и монахов, 1 митрополита и 5 архиепископов», которые, как было сказано в отчете, находились «на службе германо-польской и японской разведок и имели целью организацию шпионско-повстанческих кадров».

Ряд арестованных проходили по следствию как «руководители контрреволюционных организаций церковников», которые

«объединились на антисоветской почве с польским националистическим подпольем, а в ряде мест с эсерами и троцкистами. Основная направленность деятельности — пропольская работа по подготовке интервенции против СССР». По версии НКВД, в 1937 году в установке из Польши указывалось: *«Надо внедрять верующим, что православная церковь в СССР ближе к польскому правительству и к католической церкви»*, что *«в Польше православная церковь свободна, пользуется всемерной поддержкой государства и поэтому надо организовать верующих на выступления против советской власти».*

В июле-сентябре 1937 года в Белоруссии была ликвидирована «шпионско-повстанческая организация «Белорусской православной автокефальной церкви» с центром в Минске и филиалами в Бобруйске и Рогачеве, которая объединяла 13 антисоветских повстанческих групп в Минском, Осиповском, Чаусском и других районах. Среди участников — 2 архиепископа, которые имели связь с польским архиепископом Александром Иноземцевым, находящимся в Пинске (Польша); епископ Раменский, 30 попов, до 170 человек кулаков и прочие».

В 1937-1938 годах были «раскрыты и ликвидированы шпионско-повстанческие организации в Могилеве, Витебске, Лепельском, Мозырском, Слуцком, Туровском, Петриковском, Копаткевичском и других районах». НКВД связывало «контрреволюционную деятельность» церковнослужителей БССР с руководством польской разведки, к сотрудникам которой причисляли и ряд ксендзов [28, лл. 56-59].

Разгромом «контрреволюционного» духовенства в БССР был нанесен мощный удар по религии. Снова «по требованию широких трудящихся масс» шло закрытие храмов, костелов, молитвенных домов, синагог, других сакральных святынь. Многие разрушались до основания, часть приспособляли под хозяйственные нужды — склады, спортзалы, клубы, кинотеатры и другое. Практика борьбы с религией в Восточной Белоруссии была впоследствии перенесена и на западные области Белоруссии.

Костёл в Западной Белоруссии

Рижский мирный договор от 18 марта 1921 года, подписанный между Польшей и Россией, включал статьи, касающиеся положения религии и церкви в обеих странах. *«Церковь и религиозные общества, к которым принадлежат лица польской*

национальности в России, Украине и Белоруссии, имеют право в пределах внутреннего законодательства самостоятельно устраивать свою внутреннюю церковную жизнь.

Вышеозначенные церкви и религиозные общества имеют право в пределах внутреннего законодательства пользоваться и приобретать движимое и недвижимое имущество, необходимое для выполнения религиозных обрядов, а также содержания духовенства и церковных учреждений.

На тех же основаниях они имеют право пользования храмами и учреждениями, необходимыми для выполнения религиозных обрядов.

Этими же правами пользуются лица русской, украинской и белорусской национальности в Польше...» [105, с. 626-627].

В первой Конституции II Речи Посполитой, принятой 17 марта 1921 года, в статьях 110–116, 120 определялись права и возможности развития национальных меньшинств, а также гарантировались *«полная охрана и свободное отправление религиозных культов, равенство в гражданских и политических правах»* всем жителям Польши без различий в религии, национальности, цвете кожи, языке.

Однако статья 114 признавала примат католической веры, оговаривая, что среди всех равных первой является католическая вера и что важнейшие посты могут занимать только лица католического вероисповедания. В государственных учреждениях, на почте, железной дороге могли работать только католики. При трудоустройстве они обычно имели преимущества перед представителями других конфессий.

Конституция 1935 года повторила основные положения в вопросах вероисповедания Конституции 1921 года и тем самым закрепила неформальное доминирующее положение католического Костела в Польше [201].

Для Западной Белоруссии характерен был высокий уровень религиозности населения. По данным польской статистики, в Белостокском воеводстве в 1930-е годы проживали 1674 тыс. человек, из них католиков 58,6 %, православных 16,1 %, иудеев 14,7 %, прочих 1,6 %; в Виленском — 1275 тыс. человек, из них католиков 61,2 %, православных 26,8 %, иудеев 9,4 %, прочих 2,6 %; в Новогрудском воеводстве населения 1081 тыс. человек, из них католиков 39,5 %, православных 51,2 %, иудеев 9 %, прочих 0,3 %; в Полесском воеводстве населения 1164 тыс. человек,

из них католиков 7,8 %, православных 79,2 %, иудеев 12,6 %, прочих 0,4 % [33, лл. 2, 5, 10, 14].

Правящие круги Польши отводили католическому Костелу не последнюю роль в проведении полонизации на *«кресах восточных»*. Весьма красноречиво эту позицию высказал Белостокский воевода Генрих Осташевский: *«...всякое начинание в направлении укрепления польского владеющего влияния в воеводстве должно идти в направлении подчинения этой церкви польской государственности»* [34, л. 30].

Об усилении позиций римско-католического Костела свидетельствуют и такие факты. В 1915 году на территории Белоруссии насчитывалось 242 костела, из них 87 в восточных губерниях — Минской, Могилевской, Витебской. За неполные двадцать лет (1921-1939 годы) в Западной Белоруссии их количество увеличилось до 329 приходских и 86 филиальных, а всего 415. Увеличение происходило как за счет строительства новых костелов, переоборудования под них подходящих помещений, а также путем ревиндикации — возвращения ранее отнятых царским правительством и переданных Православной Церкви.

В 1929 году в окружные суды Белостокский, Брестский, Виленский, Гродненский, Новогрудский и Пинский римско-католическими духовными властями предъявлено свыше 500 исков, заключавших в себе требования об изъятии церковей и церковных имуществ и передаче таковых католическому Костелу [104а, с. 727–728].

Так, на территории бывшего Пинского уезда Минской губернии в 1914 году было 4 костела, а к 1939 году их стало 26 (построено новых 11, приспособлено из других помещений 3 и переоборудовано из бывших православных церковей 8); по Новогрудскому уезду бывшей Минской губернии в 1914 году было 9 костелов, в 1939 — 37. Из них: 14 построено новых, 6 приспособлено из других помещений, 8 переоборудовано из бывших православных церковей. Примерно такое происходило и в других приходах [61, л. 100-101]. И всё же немало бывших костелов и монастырей сохранились как православные церкви. В их числе — Рождество–Богородичный женский монастырь, Св.Покровский собор, Св.Владимирский храм в Гродно, мужской Св.Успенский монастырь в Жировичах и другие.

С 1926 года во главе Костела Польши стал примас кардинал Аугуст Хлонд. Годом ранее правительство II Речи Посполитой подписало с Апостольской столицей конкордат, или специальный

договор, регулирующий отношения между государством и Костелом на условиях автономии и сотрудничества. На основе конкордата были также уточнены границы диоцезов с учетом границ Польского государства.

Традиционно в Костеле всеобщим почитанием окружался образ Матери Божьей Королевы Польши. Верующие католики совершали паломничество к Её Образу в Ченстохове-на-Ясной Гуре и в Вильно — в Острой Браме. Некоторые патриотические даты носили характер как государственный, так и религиозный: 3 мая — День Конституции и Праздник Матери Божьей Королевы Польши; 15 августа — годовщина победы в Варшавской битве 1920 года и Праздник Успения Матери Божьей [192, s. 258].

Религиозная жизнь Западной Белоруссии не ограничивалась стенами храмов. В учебных заведениях обязательным было изучение религии. Одинаковые возможности преподавать религию в школе имели представители разных религиозных конфессий. Приходы исполняли отдельные административные функции: регистрация браков, рождений, смертей. Священнослужители выдавали метрики о рождении, брачные свидетельства, проводили перепись населения. Духовенство занималось благотворительной деятельностью: опекало школы, детские дома, приюты [147, с. 43, 45].

В 1920-30-е годы в Западной Белоруссии существовало несколько десятков религиозных организаций, целью которых была просветительская деятельность, распространение культуры, морали в духе христианско-демократических идей. Наиболее influentialными были «Товарищество народной школы», «Товарищество народной библиотеки», благотворительное «Товарищество св. Винцента и о. Павла», католические акции: «Католический мужской союз», «Союз женщин-католичек», католические союзы молодежи, религиозные братства, организация «Папская лига св. Апостола Петра» и другие [126].

В предвоенный период в Польше выходило много религиозных изданий различных конфессий. Их основателями были епископские курии, монашеские ордены, многочисленные светские организации. В середине 30-х годов в стране насчитывалось только 300 названий периодической печати. Помимо того, выходило много другой религиозной литературы. Многие издания распространялись в Западной Белоруссии.

С приходом Красной Армии в Западную Белоруссию религиозная жизнь изменила свое привычное течение.

Глава 2

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И КАТОЛИЧЕСКОГО КОСТЁЛА В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ БЕЛОРУССИИ

Изменение положения Костёла в 1939–1941 годах

Духовенство.

Его позиция и роль в общественно-политической жизни

После вступления 17 сентября 1939 года Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину религиозная жизнь на этих землях претерпела существенные изменения. На нее наложили отпечаток как политика государства в целом, так и отношение советской власти к религии и католическому Костелу в частности. Небольшой по времени период — сентябрь 1939 — июнь 1941 года — воплотил в себе множество драматических страниц. Костел новой властью воспринимался не только мощным идейным бастионом, но и оплотом польского государства, которое оказалось в сложнейшем положении с самого начала второй мировой войны.

В новых условиях ответственная миссия сохранения незабываемости Костела выпала на долю католического духовенства. Имеющиеся источники не дают достоверных данных о количестве духовенства в западных областях Белоруссии в 1939-1941 годах. Объясняется это как отсутствием точного учета органами власти, так и миграцией, смертью, депортациями. Очевидно, что количественный состав лиц духовного звания в этот период был иным, чем, например, в 1938 году. По данным Центрального Совета Союза Воинствующих Безбожников БССР, в западных областях Белоруссии в 1940 году насчитывалось 446 костелов, 617 ксендзов, 542 церкви, 606 попов, 387 синагог, 293 раввина, 14 монастырей [43, л. 5].

Большинство ксендзов, работающих в Белоруссии, получили образование в Виленской духовной семинарии — высшем учебном заведении, основанном в 1582 году. Семинария имела богатый опыт подготовки высокообразованных кадров духовенства и давние традиции. В 1921-1939 годах семинария находилась сначала под патронатом епископа Ежи Матулевича (до 1925 года), а затем архиепископа Ромуальда Ялбжиковского. Клерики стажировались в различных университетах Польши и за границей: Люблине, Варша-

ве, Вильно, Познани, Лилле, Риме, Париже. В 1925 году семинария объединилась с теологическим факультетом Виленского университета имени Стефана Батория. Клерики посещали лекции в университете и могли получать ученую степень. В семинарии преподавали профессора, известные не только как высококвалифицированные преподаватели, но и деятели Костела в Польше. Выпускники получали высокий уровень образования и воспитания в духе верности Богу и Отечеству (Польше) [189, с. 219-222].

Бригитский костел и монастырь в Гродно

Состав католического духовенства по национальному и социальному происхождению не был однородным. Было немало выходцев из мелкобуржуазной белорусской среды, что сказалось прежде всего на их политической ориентации. Часть ксендзов–белорусов составляла ядро белорусских клерикальных партий и организаций, в частности, Белорусской христианской демократии (Белорусского национального объединения). Наиболее известные своими пробелорусскими убеждениями ксендзы Адам Станкевич, Александр Ходыко, Владислав Толочко, Винцент Годлевский, Пётр Татаринич и ряд других продолжали активную политическую деятельность и во время гитлеровской оккупации Белоруссии.

Белостокский воевода Генрих Осташевский в «Докладной записке» в МВД Польши (23.06.1939 г.) приводит сведения, характеризующие «политические убеждения ксендзов». Из 197 «духовных

учителей» 9 уездов воеводства 58 (29 %) были приверженцами «Стронництва народного», 51 (26 %) — христианской демократии, 88 (45 %) считали себя «аполитическими» [34, л. 24]. Важно отметить тот факт, что католическое духовенство имело сильное влияние на массы верующих католиков. Это влияние сохранилось и в последующие годы.

Еще до прихода в 1939 году в Западную Белоруссию Красной Армии у многих служителей католического Костела сложились антисоветские убеждения. В Польше было известно о репрессиях против духовенства, преследовании верующих, закрытии церквей и костелов в Советском Союзе. Не случайно советскую власть в большинстве своем католический клир встретил враждебно, воспринимая поражение Польши как свою личную трагедию. Не будет преувеличением сказать, что вступление Красной Армии на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины было неожиданным для всего населения. В то время никто не знал о существовании тайного протокола между СССР и Германией. К тому же в 1935 году Советский Союз подписал с Польшей договор о ненападении.

В условиях неясной до конца ситуации некоторая часть населения Западной Белоруссии, преимущественно польского, надеялась на временный характер новой власти. Временной считало ее и католическое духовенство, высказывая такое мнение среди верующих. Так, в деревне Озерцы Глубокского уезда Белостокской области в октябре 1939 года во время раздела крестьянами помещичьей земли присутствовал ксендз Сидор Садовский. Обращаясь к крестьянам, он произнес: *«Подождите делить землю, может, опять через несколько дней Красная Армия уйдет, она быстро пришла и быстро уйдет»* [31, л. 36]. Однако советская власть все больше укрепляла свои позиции.

Происходящие перемены в экономической, политической, культурной сферах были бурными: формирование и укрепление новых органов власти, национализация промышленности, конфискация помещичьих, кулацких, церковных земель, перераспределение их в пользу бедных, начало коллективизации... Советская власть открывала народу доступ к бесплатному образованию, медицинскому обслуживанию, участию в различных сферах общественной жизни.

Но, с другой стороны, все это позволяло сталинскому режиму успешно манипулировать общественным сознанием, делать массу людей послушными исполнителями воли вождя и его окру-

жения. Тоталитарная система, утвердившаяся впоследствии в Западной Белоруссии, жестко сметала на своем пути все, что не соответствовало ее канонам. Она имела свои механизмы подавления и уничтожения демократии, свободы, инакомыслия. Как показал опыт 1920-30-х годов, расправа с религией в Западной Белоруссии была делом времени.

Начало наступления на Костёл

Борьба с Костёлом в Западной Белоруссии первоначально не носила такого тотального характера, как это было в свое время в Восточной Белоруссии. 17 марта 1940 года подполковник Сулик доносил генералу Соснковскому о ситуации «на северо-восточных землях Речи Посполитой». Среди прочих сообщением об отношении новой власти к религии: «...Борьба с религией в первой стадии оккупации не проводилась, но в настоящее время эта борьба приобрела более острый характер. Религию убрали из школ, арестов среди ксендзов немного, богослужения происходят почти нормально, у ксендзов конфисковали костельные земли и часть собственных и приходских домов» [121, Т. 1, с. 174].

Весной 1940 года были введены учреждения ЗАГС, которые переняли от костелов метрические книги, а также регистрацию рождений, погребений, браков и разводов. Ликвидировались все религиозные праздники как выходные дни. Ксендзам запрещалось входить в больницы и дома общественной опеки (дома престарелых, инвалидов) [170, с. 64].

Прибывшие с востока красноармейцы, многочисленные партийные, советские, комсомольские работники, служащие, воспитанные в условиях тоталитарного режима и атеистического общества, были уверены, что принесли трудящимся массам освобождение от польских панов и капиталистов. Религия в их представлении прочно отождествлялась с духовным и национальным угнетением, а римско-католическая — еще и с пособничеством мировому империализму.

Новая власть столкнулась с довольно сильным влиянием католического духовенства и Костела на верующих. «Их религиозные чувства доходят до фанатизма, — отмечалось в одной из справок о состоянии антирелигиозной пропаганды в Белостокской области. В духе того времени оценка такого положения давалась с классовых позиций: «Все ксендзы являются врагами советской власти, а некоторые состоят агентами иностранных

разведок. В целях сохранения себя как служителей бога и шпионов, они стараются для своей защиты и подготовки выступлений сплотить вокруг костела верующих поляков». Однако звучали и реалистические ноты: «Ненормальные отношения к польскому населению, проявляемые многими работниками, прибывшими из восточных областей, создавали почву для использования ксендзами религиозных и национальных чувств верующих в своих целях. Неправильное отношение в том, что всех поляков рассматривали как врагов советской власти, смещали поляков с различных занимаемых постов и оскорбляли религиозные чувства верующих» [27, л. 125].

Не случайно имели место проявления грубого отношения к сакральным католическим святыням, задевающие чувства верующих. В 1940 году (точная дата неизвестна) группа красноармейцев 142-го батальона 2-го строительного участка, работавшая на узкоколейке в Голынковском сельсовете Сопотчинского района Белостокской области, сожгла придорожный крест. Тут же об этом стало известно верующим окрестных деревень. Ксендз Красовский организовал подачу заявления на имя районного прокурора, которое подписали более 200 человек.

Нередко случалось, когда грубость со стороны представителей власти вызывала стихийный протест. В деревне Визна Едвабновского района Белостокской области при снятии памятника зацепили трактором капличку и свалили ее в канаву. Вечером того же дня собралось много людей, и они с молебном восстановили капличку на кладбище. В местечке Супрасль близ Белостока пьяный милиционер пришел в костел проверить, как там выполняются санитарные правила. В то время ксендз крестил детей, окропляя их кропилом. Расценив это как антисанитарию, милиционер потребовал остановить обряд и разойтись. Не прошло 5-10 минут, как возле костела собралась толпа верующих, недовольных действиями милиционера.

При проведении подписки на государственный заем на общем собрании в деревне Путно Гродненского района комсомолец Барановский заявил собравшимся: *«Бога нет, подписывайтесь на заем, и будем строить жизнь без Бога»*. За такие высказывания его обозвали антихристом и отказались от подписки. Медсестра Фролова, комсомолка, во время прививки от оспы в Ахремовской школе Браславского района Вилейской области убеждала школьников снимать крестики, а у некоторых снимала сама. Это вызвало возмущение детей и родителей [41, л. 36-37].

В центре деревни Есиновка Кнышинского района стоял большой деревянный крест. Однажды ночью накануне 1 мая кто-то его спилил. Утром вокруг креста собралось все население, пришли даже из соседних деревень. Среди присутствующих начался плач, целование креста, моление. Так продолжалось целый день. После этого крест привезли в костел [23, л. 90].

Подобные случаи расценивались верующими как оскорбление новой властью их религиозных чувств и притеснение Костела, что, как правило, вызывало осуждение.

Приметой нового строя стали демонстрации и митинги, которые устраивались властями по случаю 1 мая, 7 ноября, важных государственных событий. Как правило, их проводили вблизи костелов, тем самым бросая вызов религии. Духовенство не оставалось безучастным к подобным фактам. В своих проповедях ксендзы призывали прихожан *«придерживаться старого строя и не слушать разговоры и агитации»*, которую будет проводить среди населения новая власть [29, л. 118]. В деревне Вышки Браньского района по указанию ксендза Недрошлянского был украшен зеленью и цветами крест, расположенный против трибуны. В деревне Соничи Сопецкинского района рядом с трибуной, которую поставили возле креста, ксендз установил алтарь, чтобы провести богослужение. Прибывающие на митинг крестьяне собирались у алтаря, но местные власти их разгоняли. Ксендз деревни Осовец, узнав, что некоторые верующие поляки участвовали в первомайской демонстрации и пели революционные песни, внушал верующим: *«Нужно служить кому-либо одному — Богу или большевикам. Раз вы поете, что «Никто не даст вам избавленья ни Бог, ни царь и не герой», то и нечего ходить в костел и молиться Богу»* [15, лл. 163-164].

По мере усиления наступления на религию духовенство стало энергичнее выступать в защиту Костела, активнее проводить душпапстырскую деятельность среди верующих католиков. Ксендзы призывали прихожан сохранять веру, выполнять религиозные обряды, обучать детей религии.

Амвон стал использоваться не только для напоминания о традиционных христианских ценностях. Нередко в проповедях давалась оценка происходящего, а верующие призывались к тесному сплочению вокруг Костела. Ксендз Чижевского костела Вишневский, обращаясь к верующим в своей проповеди 27 октября 1940 года, высказал такие суждения: *«Есть государства, которые не признают религию, эти государства стремятся сделать людей*

неверующими в Бога. Но ни одно государство никогда не было вечным, оно изменяется по Божьей воле. Посмотрите Вы на историю господства Бисмарка и других господ, их государства сменялись одно другими. Но религия католическая всегда одна, она была и будет вечна. Сколько ни было войн между народами и государствами одни против других, но наш Бог не воюет ни мечом, ни огнем, а воюет словами и верность его вечна. Верующие католики должны объединяться и молиться во имя большого мученика Иисуса Христа, которого распяли жиды. Наши дети должны верить в Бога, как и мы, они должны быть верующими католиками» [46, л. 70].

Ксендз Пеликанского костела Видзовского района Вилейской области убеждал верующих, что *«местная власть — сельсовет — является не избранником народа, а самозванцами, безбожниками, которые мучают людей, занимаются грабежом. Власть должна исходить из костельного совета, который является избранником народа, и только он защищает интересы народа»,* — произнёс он в одной из проповедей. Под этим влиянием, выйдя из костела, часть верующих с криками *«Долой советы»* направилась к сельсовету. И только вмешательство *«товарищей из партактива»* предотвратило инцидент [37, лл. 91-92].

Костёл, молодежь, комсомол

Молодое поколение Западной Белоруссии в межвоенный период воспитывалось в религиозном духе. Религиозное мировоззрение с раннего возраста формировалось под влиянием Костела, семьи, школы, клерикальных организаций. Костел воспитывал у молодежи польский патриотизм, верность Богу и Отчизне. Не случайно религиозность польского католического населения была значительно выше религиозности других национальных групп.

С приходом Красной Армии и установлением советской власти католическое духовенство прилагало усилия, чтобы удержать молодежь в лоне Костела, не допустить влияния на нее атеистической идеологии. На молодежь возлагались надежды по сохранению католической веры и возрождению польской государственности.

Убеждаясь в высокой степени религиозности польской молодежи, партийные и комсомольские органы стремились *«вырвать ее из-под влияния ксендзов и попов»*. Реально оценивая ситуацию, они ставили задачу *«бороться за то, чтобы молодежь*

отказалась от костела и церкви». В качестве средства «борьбы» предполагалось «выдвинуть новых агитаторов из числа польской молодежи» [15, лл. 163-164].

Католическое духовенство, в противовес этому, призывало родителей приобщать детей к костелу, регулярно посещать богослужения, воспитывать в религиозном духе. Посещаемость костелов людьми молодого возраста оставалась высокой. Рискуя быть наказанными, ксендзы обучали детей религии. Не оставлялась без внимания молодежь и вне Костела [46, лл. 24-25].

О влиянии ксендзов свидетельствуют многие факты, сохранившиеся в документах тех лет. Так, в поселке Ганцевичи Пинской области *«за контрреволюционную агитацию» в октябре 1940 года был арестован ксендз. Тут же к секретарю райкома партии явилась делегация верующих с требованием его освободить. Не получив положительного результата, польская молодежь в ответ на это перестала участвовать в общественно-массовой работе, вышла из кружков художественной самодеятельности, не посещала клуб. Через три дня в район приехал новый ксендз» [38, л. 42]. Или такой случай: 6 мая 1941 года допризывники из деревни Заточье Кньшинского района Белостокской области были вызваны в райвоенкомат и по дороге посетили костел в деревне Крыпно. Ксендз Бакура обратился к ним с речью: «Вам не нужно было идти служить в Красную Армию, а скрываться от призыва и немного обождать. Те, кто будет служить в Красной Армии, не слушайте начальство, а если будет война, то бросайте винтовки и бегите домой. Вы должны помнить, что являетесь поляками, и не за большевиков должны воевать. Вам известно, что они Бога не признают. Вы и ваши отцы раньше жили панами, а теперь Советы у них все забирают, если еще с большевиками пробудем один год, то все умрем с голоду. Вы знаете, что у Советов ничего нет и люди у них умирают с голоду. Не забывайте, что вы поляки, а будет война, бросайте оружие и убегайте по домам» [15, л. 177].*

Острый накал приняла борьба вокруг школ. С начала 1940 года все школы Западной Белоруссии переводились на советскую систему образования. Обучение велось по программам и учебникам советской школы. Уменьшалось количество часов на изучение польского языка, из преподавания изымались география, история, литература Польши, религия. Над учителями-поляками нависла угроза увольнения и замены их присланными из восточных областей.

Местные органы власти избавлялись от учителей-поляков, поскольку видели в них сторонников Польского государства,

«ненадежных элементов», которые «не могут порвать с религиозными убеждениями и продолжают проповедовать религиозный дурман среди детей». Польские учителя массово стали подавать заявления об уходе с работы, мотивируя, что могут обучать детей только в религиозном духе [37, л. 164; 40, лл. 327-328].

Большевики в свою очередь стремились использовать школу как *«орудие коммунистической пропаганды и агитации среди населения»*, растить из школьников поколения безбожников. *«Неплохо было бы использовать, — отмечалось в одной из докладных записок в ЦК КП(б)Б, — по примеру восточных областей, армии агитаторов в семье»,* т.е. детей, ибо *«такие агитаторы ценнее, чем лицо официальное»* [22, л. 143].

Польское учительство негативно восприняло закрытие польских школ, запрещение преподавания религии, атеистическую пропаганду, ограничения в изучении польского языка, увольнение учителей. В этом оно находило поддержку местного населения и католического духовенства. С амвонов костелов, в беседах с верующими ксендзы призывали отстаивать право на обучение на польском языке и протестовать против притеснения религии. Показательна в этом отношении проповедь ксендза в одном из костелов Брест–Литовска, произнесенная 8 октября 1939 года: *«Мы живем на собственной земле, которая была исконно и будет нашей, — говорил он. — Немедленно устраивайте собрания в школах и категорически требуйте преподавания католической религии. Немедленно организуйте приходской комитет, объединяйтесь все до последнего, только этим путем мы сможем противостоять новому несчастью, которое постигло нашу землю. Помните мои слова: объединяйтесь, иначе вас поглотят чужие силы и будущее поколение забудет религию и свое историческое прошлое»* [29, л. 118].

Подобные наставления в ряде мест возымели действие. Видя неодобрительное отношение польского населения к школьной политике, партийные органы иногда отступали. 26 октября 1940 года Белостокский райком партии собрал родителей учеников по вопросу возобновления работы польской школы в Супрасле. Если ранее на собрания приходили по несколько человек поляков, то на это явилось столько, что клуб не мог вместить всех желающих послушать разрешение этого вопроса. Секретарь РК КП(б)Б. Антипенко после краткой речи о национальной политике партии сообщил, что роно допустило ошибку, закрыв польскую школу, и не выполнило решения собрания о введении польского языка. Когда он сказал, что райком партии осудил такую деятельность роно и

решил возобновить работу польской школы, раздались бурные аплодисменты и крики «ура», возгласы *«Да здравствует советская власть!»*, *«Да здравствует товарищ Сталин!»* [27, л. 127].

Однако это были единичные случаи. Советизация школ и вытеснение из них «польскости» продолжались. Такая политика вызывала неодобрение и со стороны польских учителей. Вот пример. Учительница деревни Липки Сопецкого района Милевская в октябре 1940 года привела из костела в школу родителей, требующих закрыть русскую школу, мотивируя это невозможностью в таковой преподавать религию. *«Мы, поляки, никогда не откажемся от своей веры и обычаев, — заявила Милевская. — Я ни за что не поверю, чтобы Польша погибла как государство»*.

Многие учащиеся-поляки не вступали в пионерскую организацию, мотивируя, что пионерам запрещается посещать костел. Резко снижалось посещение школ детьми в дни религиозных праздников [15, лл. 163-164]. Некоторые учителя на свой страх и риск обучали религии в школе. В одной из школ Эйсмонтовского сельсовета Крынковского района учительница Ярская в программу занятий ввела часы по религии. В то время, когда преподавался этот предмет, около школы ставился сторож [18, л. 33].

Попытки органов народного образования искоренить религиозность школьников путем атеистической работы не увенчивались успехом. Красноречиво об этом свидетельствует *«Докладная записка о состоянии антирелигиозной работы в Слонимском районе»* за 1940 год: *«Антирелигиозная работа среди детей ведется от случая к случаю, она затруднена еще тем обстоятельством, что многие учителя сами не порвали с религией. Учитель деревни Хадевичи Петрарецкого сельсовета Томильчик заявил: «Никто меня не убедил, что нет Бога, и вы меня не убедите. В этом духе я буду воспитывать детей». Учительница Жировичской школы Ванда Кравчик высказала работникам РОНО: «Меня воспитали в религиозном духе, и я такой останусь»* [44, л. 8]. Это же подтвердилось и в *«Докладной записке Наркомпроса БССР секретарю ЦК КП(б) П.К.Пономаренко «О состоянии народного образования в Белостокской области по результатам проверки работы школ» от 18 апреля 1941 года: «Характерно, что еще никогда такого большого посещения костелов не было, как сейчас. Все учащиеся и учителя-поляки посещают систематически костел. На вопрос, почему посещение костела стало более многолюдным, чем раньше — отвечали, что Польша всегда возвращала свое жизненное и самостоятельное существование*

только потому, что была сильная вера в Бога и аккуратное посещение костелов» [42, л. 36].

В условиях такой сложной и непредсказуемой обстановки в западных регионах советские и партийные органы делали ставку на усиление работы с молодежью. Эта миссия возлагалась на комсомол. Комсомольские организации создавались в оперативном порядке из числа местной молодежи, в преобладающем большинстве из евреев и белорусов.

Немалую роль сыграли прибывающие из восточных областей комсомольцы. Это была наиболее преданная большевистской партии, прокоммунистически настроенная молодежь. Не имея жизненного опыта, не зная местных условий и населения, прибывшие юноши и девушки видели свою миссию в *«освобождении угнетенного народа»*. Красноречиво прозвучало об этом в докладе Белостокскому городскому активу *«Об итогах XIV съезда ЛКСМБ»* 23 октября 1940 года: *«Нельзя забывать того, что молодежи в бывшей Польше прививался национализм, шовинизм, что молодой человек прошлого воспитывался в обществе, где высшим и священным законом являлась частная собственность, эксплуатация человека. Молодому человеку буржуазный общественный строй прививал мелкие эгоистические чувства, воспитывал страсть к личной наживе, к стяжательству, к карьеризму. С юных лет человек должен был жить по волчьим законам конкуренции, выбиваться всеми правдами и неправдами, подниматься по ступенькам общественной лестницы. Смело и широко надо работать со всей молодежью, воспитывать в ней мужество, бесстрашие, волю к победе, чувство коллективизма, самоотверженности, интернационализма, дружбу и сплоченность разных национальностей. Надо работать со всей молодежью, воспитывать ее в духе советского патриотизма» [17, лл. 133, 144].*

Воспитанная же в религиозном духе местная молодежь неохотно приобщалась к новой жизни, не проявляла интереса к комсомолу. Так, в 1940 году среди 2571 вновь принятых в комсомол по Белостокской области поляков было только 459. Такое положение обком комсомола объяснял плохой работой с польской молодежью, влиянием *«враждебных элементов»* и тем, что *«ей годами забивали голову религией, национальными предрассудками»*. Борьба за влияние на польскую молодежь, за вовлечение ее в сферу интересов советской молодежи, отрыв от религии, воспитание в классовом духе проводилась постоянно. Это констатировал и пленум Белостокского обкома комсомола 21 июня 1941 года: *«Нам*

надо, опираясь на лучшую часть польской молодежи, влиять на отсталую ее часть, разъяснять ей внутреннее и внешнее положение Советского Союза, решительно разоблачать брехню врагов, втягивать ее в активную политическую жизнь. <...>. Враг хитер и коварен, чувствуя, что почва все более и более уходит из-под его ног, он оказывает яростное сопротивление. Мы должны в ответ на это усилить революционную бдительность, усилить свое влияние на молодежь».

Вышестоящие комсомольские органы сетовали на то, что в «ряде комсомольских организаций имеются факты притупления политической бдительности, недооценки попыток враждебных элементов влиять на молодежь, слабо ведется работа по разоблачению и выкорчевыванию остатков контрреволюционных организаций» [22, л. 120; 23, лл. 22-23].

Наказанию подвергались те, кто терял «политическую бдительность», поддавался влиянию «классово-чуждых элементов», «не оправдывал доверия партии и комсомола». В Белостокском районе работал заведующим Красно-Фольварской школой Викентий Данилевич, белорус по национальности, родом из Минской области. За год работы он «успел оторваться от комсомола, но зато успел связаться с чуждыми людьми». Эта связь проявилась в том, что он «стал посещать костел, выполнял там все религиозные обряды, усердно читал молитвы, стоял на коленях, ...преклонялся перед формой и культурой польских офицеров, вообще перестал признавать русский и белорусский языки», за что и был отстранен от работы и исключен из комсомола [23, л. 9].

Вышестоящие комсомольские органы требовали от низовых «первичек» усиления атеистического воспитания. ЦК ЛКСМБ изучал эту работу в комсомольских организациях Брестской области. В результате появилось «разгромное» *Постановление бюро ЦК ЛКСМБ от 25 октября 1940 года «О недостатках массово-политической работы комсомольских организаций Брестской области»*. Справедливости ради нужно сказать, что «вверху» довольно объективно воспринимали ситуацию в комсомоле западных областей, отмечали их слабую пропагандистскую работу, «огульное недоверие к местной молодежи, особенно к польской». «Комсомольские организации еще не поняли, что в условиях западных областей большевистская пропаганда и агитация имеет первостепенное значение, как мощное средство политического воспитания молодежи, преодоления ее культурной отсталости и борьбы против влияния религии, остатков национализма и других пережитков

капитализма в сознании молодежи, как одно из главных средств борьбы против сопротивления остатков разгромленных контрреволюционных классов, партий и буржуазных молодежных организаций. <...>. Комсомольские организации не сумели сделать дома социалистической культуры, избы-читальни и библиотеки центрами культмассовой работы среди молодежи, слабо привлекают к этой работе интеллигенцию, особенно в деревне.

Антирелигиозная пропаганда проводится слабо и неумело, подчас носит характер администрирования и окрика вместо терпеливой и настойчивой разъяснительной работы...» [23, лл. 36, 36 об.].

Для усиления атеистической работы ЦК ЛКСМБ снабжал комсомольские организации различными материалами пропагандистского характера: литературой, журналами, газетами, рекомендациями по проведению лекций на атеистическую тематику. Так, в январе 1940 года из Минска в укомы и райкомы комсомола были разосланы тематика и планы докладов на антирелигиозные темы. Среди них значатся: «Коммунистическое воспитание и задачи преодоления религиозных пережитков», «Сталинская Конституция и свобода совести», «Выборы в Советы депутатов трудящихся и разоблачение поповщины», «Религия — орудие национальной розни», «Труд и религия» и т.п. В каждой теме определялись задачи, например: «Показать принципиальную враждебность и непримиримость коммунистического мировоззрения и религии; подчеркнуть, что борьба против религиозных пережитков является борьбой за успешное осуществление великой исторической задачи завершения строительства социализма в СССР и постепенного перехода от социализма к коммунизму» и т.п. Лектору предлагались план и литература — работы Владимира Ленина, Иосифа Сталина, Вячеслава Молотова, Емельяна Ярославского, статьи, партийные документы [27, л. 23].

Но несмотря на все усилия, эффективность антирелигиозной пропаганды оставалась низкой, а ее содержание примитивным, неубедительным. Комсомольцы, большинство из которых были рабочими, колхозниками, бывшими батраками, бедняками, едва имели начальное образование. Да и само руководство райкомов комсомола было далеко от глубокого понимания значения той борьбы с «религиозными пережитками», которая навязывалась «сверху». В условиях тоталитарного режима человек был лишен права выбора. Он действовал по заданной программе, без учета личных возможностей, желаний и убеждений. Не случайно поэтому требования ЦК и

обкомов комсомола «усилить антирелигиозную пропаганду» местными комсомольскими организациями оставались невыполненными. Как отмечалось в «Справке о состоянии антирелигиозной пропаганды в Кнышинской районной комсомольской организации» (июнь 1941 года), здесь «не знают о решениях обкома комсомола и ничего не сделали по вопросу развертывания антирелигиозной пропаганды... Антирелигиозная работа райкома комсомола свелась к организации и проведению трех лекций на антирелигиозную тематику. ...По району проводили еще несколько бесед на антирелигиозную тему, но все они проходили самотеком, в стороне от райкома комсомола» [23, л. 89].

И всё же под влиянием советской пропаганды кое-кто из молодых людей порывал с религией. В одной из деревень Боровского сельсовета Чижевского района девушка сняла нательный крестик, перестала ходить в костел. В ответ на уговоры бабушки не делать такой грех заявила: «Довольно долго нас обманывали ксендзы, навесь хоть пять крестов, все равно умрешь. Большие я в костел не пойду и одевать креста не буду потому, что в костеле ксендз всегда говорит неправду» [27, л. 24].

Борьба за молодое поколение была сложной и бескомпромиссной. От ее исхода зависели судьбы будущих поколений. Костел прилагал немалые усилия, чтобы сохранить в душах молодых людей христианские идеалы. Комсомол, будучи частью советской системы, стремился оторвать юношей и девушек от религии, посещения костела, воспитать их в духе воинствующего атеизма и коммунистической революционной идеологии.

Методы борьбы с религией и Костелом

Атеистическая агитация и пропаганда

В западных областях в борьбе с религией применялся «богатый» арсенал атеистической пропаганды, накопленный в 20-30-е годы в советской стране.

Большевики придавали ей острую классовую направленность. Негативное отношение католического духовенства к советской власти, сильное влияние Костела на население, рост польского антисоветского движения ускоряли «разоблачение реакционной сущности религии и атеистическое воспитание трудящихся». Идеологи большевизма считали религиозную веру предрассудками, а её источник усматривали в «нищете и темноте народных

масс». С этим «злом» они повели борьбу с первых дней советской власти [145, с. 31-32].

По опыту советской страны «ликвидировалась культурная отсталость», особенно среди «широких крестьянских масс, внедрялись коммунистические идеи, знания, грамотность, культура, наука». Источником отсталости оставалась деревня, слышавшая «очагом дикости, бескультурья, суеверий». Помимо всего, в западной деревне, в отличие от восточной, сохранялись более глубокие корни религиозности. Только насильственными методами ликвидировать их не представлялось возможным. Оставалось одно — «усилить в деревне политико-просветительскую работу, окончательно ликвидировать наследие прошлого — неграмотность, вести дело так, чтобы колхозники, сельские труженики, в том числе и самые отсталые быстро становились в ряды культурных и образованных тружеников социалистического общества» [23, лл. 23-25].

В отходе народа от религии большевики важное место отводили культурно-массовой работе. Вместо храмов народ завлекали в дома соцкультуры, избы-читальни, библиотеки, кинотеатры и иные культпросветучреждения, вместо молитв и обрядов им предлагалось слушать лекторов, радио, смотреть кинофильмы, участвовать в художественной самодеятельности, читать книги и газеты.

За неполные два года существования советской власти в западных областях Белоруссии, по официальной статистике, к началу 1941 года было открыто 100 кинотеатров, 92 дома культуры, 220 библиотек, 869 изб-читален [148, с. 54, 82]. Однако многие из «очагов культуры» существовали формально, не оказывали сколь-нибудь значительного влияния на мировоззрение населения, особенно сельского, не повлияли на его отношение к религии, к костелу.

Это признавалось и в *Письме ЦК КП(б)Б от 21 октября 1940 года «О недостатках в работе партийных и советских органов в Западных областях Белоруссии»: «Избы-читальни, которые должны быть превращены в очаги культурно-массовой, политической работы, во многих случаях бездействуют: обставлены малокультурно, неудобно, кадры зачастую подобраны неудачно, а в некоторых случаях на работу заведующих избой-читальней пробрались классово враждебные элементы»* [36, л. 3].

Организованная антирелигиозная пропагандистская кампания была направлена против религии и служителей культа — духовенства. Ее содержание, формы и методы определялись постановлениями ЦК ВКП(б), ЦК КП(б)Б, комсомольских органов.

Большевики исходили из того, что церковь была и остается на службе эксплуататорских классов, поддерживала и освящала их власть над трудящимися массами, взывая к покорности и непротивлению существующему строю. «Религиозные предрассудки» поэтому следовало поскорее ликвидировать, чтобы расчистить путь к строительству коммунистического общества. Вот почему партийные постановления требовали *«в системе развивающейся массовой пропаганды, которую применяет партия во все более широком и широком масштабе, уделить особое внимание и место антирелигиозной массовой пропаганде в форме живых и понятных лекций, при тщательном подборе лекторов, с привлечением к чтению этих лекций специалистов, естественников, материалистов. Надлежит озаботиться выработкой особых методов антирелигиозной пропаганды в зависимости от социальной среды аудитории»* [114, с. 511-514].

Одним из приемов атеистической атаки на Костёл стало шельмование католического клира в статьях, памфлетах и карикатурах. Эта «традиция» началась в 30-е годы, когда «воинствующие безбожники», ослепленные ненавистью к религии, подогреваемые массивной сталинской пропагандой, под аплодисменты срывали с храмов кресты, жгли на кострах иконы, богослужебные книги, церковную утварь, не оставляли камня на камне от памятников культового зодчества. Духовенство представлялось не иначе как *«мракобесы»*, *«черное воинство»*, *«слуги мирового империализма»*, выставлялось в уродливо-карикатурной форме. Ксендзы изображались на агитплакатах и в антирелигиозной прессе алчными, жадными, безобразными *«эксплуаторами в сутане»*. Такие характеристики должны были пробуждать у верующих если не ненависть, то хотя бы недоверие и презрение к *«слугам божьим»*.

Показательна в этом отношении статья инструктора по пропаганде и агитации Белостокского обкома комсомола Пылаева «Молодой депутат Казимир Коск». 22 мая 1941 года её направили в Минск корреспонденту «Комсомольской правды» А.Краснову, но напечатать не успели. В мрачных тонах в статье описывалось *«безрадостное детство»* при панской Польше юноши из деревни Визны Кучинского сельсовета Цехановского района. На этом фоне местный ксендз Дмитрович, у которого батрачил Казимир, выглядел человеком двуличным, призывая в костеле к терпению и смирению, а в жизни обдирая прихожан до нитки. Автор не скупился на выражения, характеризуя ксендза: *«Слуга божий Дмитрович, имея сходство с бочкой средней величины, имел солидные*

доходы, умело стриг от имени Бога божье стадо. За венчание брал от 40 до 50 золотых, за похороны такая же такса.

Если нет денег — продавай корову, землю, иди воровать, а гони ксендзу монету. Если нет денег — хорони сам. Иногда, чтобы показать свою «доброту», он разрешал внести в костел какого-нибудь умершего бедняка бесплатно, сам кропил святой водой. Но это бывало редко. Зато богатых на вечный покой провожал до самого кладбища с колокольным звоном, хоругвами, с пенем, с кадилльным дымом.

Рагуя за дела небесные, Дмитрович не отказывался и от дел земных. Он имел 30 га земли, 10 коров, стадо кабанов, паровую мельницу, льночесалку, грузовую и легковую машину». Помимо того, что ксендз описывался как жестокий эксплуататор, он еще «вел агитацию среди молодежи, организовывал ее для борьбы с коммунистами, пытался создать «католический союз молодежи», «врал о том, что в Советском Союзе большевики не дают верить в Бога, в колхозе люди мрут с голода, там разврат, содом, много детей рождаются без отцов, матери бросают таких детей на улицу. Их собирают в поезд, отвозят и топят».

Противопоставлялась всему этому «радостная и счастливая, новая, небывалая жизнь», которая настала у «Казимира Коска и тысяч жителей Западной Белоруссии с приходом Красной Армии — освободительницы». А далее — о том, как Казимир стал активистом советской власти, председателем сельсовета и, конечно, порвал с религией навсегда [20, лл. 25–33].

Подобные созданные сталинской пропагандой образы «косков» превращались постепенно в идеологические штампы, использовались для шельмования и осмеяния духовенства, для борьбы с религией.

В атеистической пропаганде особая роль отводилась комсомолу. Однако какая-то часть комсомольских работников считала, что антирелигиозная пропаганда — не единственный способ отвлечь молодежь, «которая находится под сильным влиянием религиозного дурмана». В докладе на пленуме Белостокского горкома комсомола 27 января 1941 года указывалось: «Нельзя ограничиваться только беседами, докладами, надо строить работу среди молодежи на основе разнообразнейших форм: физкультура, военное дело, читка художественной литературы и обсуждение отдельных литературных произведений вместе с молодежью... Надо, чтобы молодежь поняла, что комсомольская организация завода, фабрики, школы и учреждения является

ее родной организацией, где молодые юноши и девушки под руководством большевистской партии получают коммунистическое воспитание» [19, л. 10].

С установлением советской власти западные области Белоруссии приковали к себе внимание Союза Воинствующих Безбожников (СВБ). Однако в отличие от других регионов СВБ не создал здесь своих ячеек и не развернул активной деятельности. Его идеолог Емельян Ярославский в статье *«Об антирелигиозной работе в Западных областях Украины и Белоруссии»*, напечатанной в газете «Безбожник» от 2 ноября 1940 года, писал: *«Мы против того, чтобы организовывать в Западной Украине и в Западной Белоруссии ячейки Союза Воинствующих Безбожников. Это вовсе не значит, что мы отказываемся от борьбы против реакционного движения религии, против религиозных предрассудков, против реакционной деятельности духовенства»*. Основной задачей партийных органов в религиозном вопросе провозглашалось опровержение *«гнусных выдумок мракобесов о преследовании за веру в СССР»*. Поэтому, полагал автор, основной формой *«борьбы против реакционного влияния церкви и религии здесь должна стать систематическая, планомерная, всесторонняя политико-просветительная работа. Основной формой пропаганды в западных областях Белоруссии и Украины должна быть огромная работа, построенная на естественно-научном материале, на разъяснении советского законодательства о религии и церкви и партийной программы по вопросу об отношении к религии»* [150, с. 196-197].

В 1940 году Центральный Совет СВБ БССР совместно с ЦК КП(б)Б, ОК ЛКСМБ, ЦК ЛКСМБ провел в западных областях Белоруссии четыре трехдневных семинара в Белостокской, Брестской и Барановичской областях с охватом 155 человек. Сюда была направлена пропагандистская литература: *«Церковь панской Польши»*, *«15 лет СВБ»*, *«Об антирелигиозной работе в западных областях Белоруссии и Украины»* (статья Ем.Ярославского), *«Православные обряды и их вред»*, *«Миссионеры на службе империализма»* — всего по 1 000 экземпляров.

Президиум Академии наук БССР совместно с ЦС СВБ БССР создал группу атеизма, в которую вошли академики Вольфсон (руководитель), Н.Н.Никольский, Т.Н.Годнев, профессор Герке, Махнач, А.П.Рунцо, Обухов и другие. Подготовленные ими популярные брошюры: *«Контрреволюционная роль православного духовенства в период русской революции 1905–1907 годов»*, *«Католическая церковь на службе польских панов»* (академик

Павловский), «*О происхождении человека*» (доцент Зубкович) и другие распространялись среди населения западных областей Белоруссии [45, лл. 23-24].

За 1940 год лекторами ЦС СВБ в западных областях, согласно отчету, было прочитано 526 лекций (270 — на естественнонаучные и 256 — на общественно-политические темы). Вызывает сомнение указанное число присутствующих — 57 тысяч — в среднем более 100 человек на одной лекции. Вряд ли можно было в то время найти помещение, особенно в сельской местности, такой вместимости. А партийным и комсомольским активом и того более — 922 лекции и доклада для 153838 человек (более 160 на одной лекции). Их заидеологизованность вряд ли могла заинтересовать слушателей: «*Марксизм-ленинизм о религии*», «*Происхождение религии*», «*Нравственность и религия*», «*Сталинская Конституция и свобода совести*», «*Враги народа под маской религии*», «*Происхождение жизни на земле*», «*Наука и религия*» и т.п.

Для ведения антирелигиозной пропаганды требовались кадры. Их надлежало найти среди прибывшей с востока интеллигенции — учителей, медицинских работников, агрономов, советских, партийных, комсомольских функционеров.

С 5 марта по 3 апреля 1940 года СВБ БССР и отдел пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б проводили республиканские курсы антирелигиозного актива областей и районов республики. На них занимались 63 человека. Среди участников 42 белоруса, 18 евреев, 2 русских, 1 поляк. С высшим образованием — 2, средним — 31, низшим — 30. Коммунисты и кандидаты ВКП(б) составляли большинство — 38, комсомольцы — 23. Все они были партийными, культработниками, учителями либо рабочими предприятий. Занятия проводились по ускоренной программе и включали лекции из истории религии, марксистско-ленинского понимания религии, происхождения человека, истории атеизма, о формах и методах антирелигиозной пропаганды. После их окончания слушатели направлялись в распоряжение обкомов, райкомов, облсоветов СВБ для использования в антирелигиозной работе [41, лл. 17-19].

Не менее интенсивно проводилась антирелигиозная пропаганда в регионах, где католическое население находилось в меньшинстве. Но и здесь своеобразным «стимулом» послужили «*решения ЦК о развертывании антирелигиозной пропаганды*», а точнее, очередная идеологическая кампания, которую раскручивала пропагандистская машина в советском государстве.

Судя по *«Докладной записке секретаря Вилейского обкома КП(б)Б Грука, секретарю ЦК КП(б)Б Горбунову» от 10 апреля 1941 года, «райкомы партии серьезно взяли за этот участок работы. В районах созданы из числа партийно-советского актива и местной интеллигенции группы докладчиков–антирелигиозников, в ряде сельсоветов организованы кружки антирелигиозного актива из коренного населения. В некоторых районах при партийных комитетах начали работать семинары антирелигиозного актива»* [46, л. 215]. И все же эффективность антирелигиозной пропаганды оставалась низкой, далеко не такой, какой ее хотели видеть большевики.

В Пинской области, отмечается в *«Докладной записке в ЦК КП(б)Б» (ноябрь 1940 года), «с января по сентябрь 1940 года прочитано 47 лекций, охвачено 8300 человек. Темы, главным образом: «Наука и религия», «Марксизм и религия», «Религия и свобода совести». Популярны массовые лекции по антирелигиозным вопросам среди широкого населения, особенно в деревне, не получили распространения, это объясняется боязнью партийных организаций, чтобы не затрагивать религиозные чувства верующих, и с другой стороны, отсутствием кадров антирелигиозников».*

Согласно отчету, на лекции в среднем присутствовали 176 человек. А на лекциях *«Сталинская Конституция и свобода совести»* в Давид-Городке собрались 250 слушателей, на Микашевичском фанерном заводе № 1 — 220, в местечке Ленино — 175. Сомнительны эти показатели. Как известно, сталинская пропаганда выдавала желаемое за действительное, заставляя верить в правдивость ею же сотворенных мифов [38, л. 41].

Как правило, читаемые лекции отличались примитивизмом. Лекторы не были убеждены в правоте озвучиваемых ими постулатов. Лектору ЦС СВБ БССР Куперу в одной из аудиторий Вилейской области слушатели задали вопрос, почему сейчас люди не происходят от обезьяны, на что получили ответ: *«В этом нет никакой надобности».* Лектор Ковалевич в ноябре 1940 года выступал с лекцией *«Марксизм-ленинизм о религии»* в местечке Илия Вилейской области. Начав с характеристики первобытного человека, перешел к революции рабов в Римской империи и заметил, что христианство возникло, *«впитав в себя все угнетающее, порабощающее, терпящее. Затем, балагурия, рассказал библейскую сказку о сотворении мира. Перечислив имена мучеников науки, лектор говорил о положении женщин*

и на этом закончил свое выступление. Получив записку рассказать, наконец, об отношении марксизма-ленинизма к религии, ограничился заявлением, что «марксизм не может мириться с религией, вел и будет вести с ней решительную борьбу» [47, лл. 20-21].

Обеспокоенность низким уровнем антирелигиозной работы заставила бюро ЦК КП(б)Б принять 10 февраля 1941 года постановление «*О состоянии антирелигиозной пропаганды в западных областях*». Обкомы, горкомы, райкомы партии обязывались «*организовать среди населения повседневную систематическую антирелигиозную пропаганду и агитацию. Основной формой должны быть чтение лекций и докладов на антирелигиозные темы, построенных на естественнонаучном материале, на разъяснении советского законодательства о религии и церкви и партийной программе по этому вопросу*». В постановлении намечалась программа идеологической кампании против религии, в которой действовались редакции газет, радиокомитет, Наркомпрос, Президиум Верховного Совета БССР [41, лл. 20-21].

Обкомы комсомола разработали мероприятия по проведению антирелигиозной пропаганды в горкоммах и райкоммах комсомола. В качестве основной формы антирелигиозной пропаганды и агитации в западных областях БССР определялось «*систематическое чтение лекций на антирелигиозные темы, построенные на естественнонаучном материале, на разъяснении Советского Законодательства о религии и партийной программы об отношении к религии*». Предусматривалось распространение пропагандистских материалов (газеты «*Безбожник*», журналов «*Безбожник*», «*Спутник агитатора*», «*Антирелигиозник*», плакатов, книг, текстов лекций), проведение семинаров активистов-антирелигиозников, организация в школах кружков естественнонаучного характера, создание атеистических уголков, проведение антирелигиозных вечеров, индивидуальной работы среди верующих и т.д. Упор делался на привлечение к этой работе широкого круга активистов-учителей, агрономов, врачей, работников газет, советских, партийных, комсомольских активистов. В тех же мероприятиях отмечалось, что «*антирелигиозная пропаганда и агитация в западных областях приобретает исключительно важное значение и должна проводиться на высоком идейном уровне путем кропотливой разъяснительной работы, не допуская администрирования и оскорбления религиозных чувств верующих*» [21, лл. 87-89].

Экономическое наступление на Костёл

Уничтожение материальной базы Костела и духовенства явилось одним из направлений их ликвидации большевистской властью. Декретом о земле (26 октября 1917 года) все земли, включая церковные и монастырские, объявлялись всенародным достоянием. За этим следовали их конфискация и раздел между крестьянством. В 1920-30-е годы советская власть предпринимала шаги по изъятию храмовых ценностей, колоколов, обложению духовенства завышенными налогами. Эта практика использовалась и на западнобелорусских землях.

Ограничение землепользования и доходов духовенства, национализация монастырских и костельных земель были первым шагом в сторону экономических санкций против Костела. Устанавливались многократно большие тарифы за электроэнергию и налоги на строения. Так, за 1 киловатт энергии с костёлов взимали 5 рублей (другие платили только 25 копеек), а налог за 1 м² площади установили в 5 рублей (другие — от 30 копеек до 1,5 рубля) [170, с. 62].

Все служители культа — ксендзы — облагались подоходным налогом и культсбором. Только по Белостокской области подоходным и культналогом в 1940 году финансовые отделы обложили 533 служителей культа. За 1940 год их доход определялся в 5 080 920 рублей. Из этой суммы начисление подоходного налога составило 800 616 рублей, культсбора — 624 521 рубль.

В большинстве случаев исчисление налога, как и доходов, проводилось местными финорганами произвольно. В Граевском районе годовой доход многих ксендзов определили в 10-12 тысяч рублей. После жалоб служителей культа в результате проверки было признано 12 случаев неправильного налогообложения.

В Свислочском районе одному из ксендзов доход был определен в 10 330 рублей. Из этой суммы райфо начислило подоходного налога 5 335 рублей и культсбора 3 470 рублей, тогда как надо было начислить подоходного налога 3 811 и культсбора 2 479 рублей. В Ломжинском районе ксендза Вольдмана обложили «по аналогии» налогом из расчета 13 тысяч рублей годового дохода. Вольдман не имел постоянного прихода, он был приходящим ксендзом, не совершал религиозных треб. После рассмотрения жалобы его доход установили в 2 700 рублей [15, лл. 131-135].

В Видзовском районе Вилейской области райфинотдел, без всякого расчета, начислил в 1940 году ксендзу Видзовского костела Матищину подоходный налог и культсбор в сумме 106 тысяч рублей и

обязал оплатить до 15 августа 1940 года. Ксендз отказался оплачивать. Тогда по распоряжению заведующего райфинотделом Цалкина у ксендза изъяли имущество. Подобное беззаконие тот же Видзовский райфо проявил и по отношению к ксендзу Пеликанского костела, начислив ему налог в сумме 67 тысяч рублей и конфисковав из-за неуплаты имущество. Действия райфо вызвали возмущение верующих. 17 августа огромная толпа собралась возле здания райфо, требуя вернуть ксендзам имущество. Пришлось вмешаться райкому и обкому партии, чтобы не допустить разрастания конфликта [41, лл. 35-36; 27, л. 25].

Опасаясь, что неуплата налогов приведет к закрытию костелов, ксендзы вынуждены были собирать деньги с прихожан [14, л. 13]. Местные органы власти расценивали такие шаги по-своему. В одной из докладных записок сообщалось: *«С целью создания нездоровых политических настроений среди польского населения против Советской власти ксендзы переложили на верующих выполнение налогов, предъявляемых им как служителям култов: «Если хотите сохранить религию и костел, собирайте деньги, для уплаты за меня налогов Советской власти, за службу в костеле».*

Налоговая политика преследовала конкретные цели. Как заметил ксендз Несвижского костела Колосовский, *«большевики изменили способ ликвидации попов, отменили чрезвычайную комиссию, а стараются ликвидировать нас другими способами, такую налог — это смертный приговор для нас в рассрочку»* [38, лл. 180-181].

Возмущение духовенства и верующих, их жалобы в вышестоящие инстанции вынудили ЦК КП(б)Б дослать в райкомы и обкомы партии западных областей распоряжения Наркомфина БССР о недопущении перегибов в вопросах налогообложения [37, л. 29].

Костёл и польское антисоветское подполье

Осенью 1939 года в западных областях Белоруссии стало формироваться польское антисоветское подполье. Поражение Польши в начальный период второй мировой войны, перегибы советской власти в национальной политике, массовые депортации населения [17, лл. 26-29; 29, лл. 38-40], борьба с религией стали важнейшими причинами его возникновения.

Среди его участников было немало патриотически настроенной польской молодежи и интеллигенции. Движение развивалось под

Несвижский костёл Наисвятейшего Божьего Тела (Фарный)

лозунгом борьбы с советской властью, за восстановление польского государства. Оно принимало различные формы — от распространения листовок, вывешивания польских национальных флагов, анти-советских высказываний до создания подпольных организаций.

В возникновении антисоветского подполья немаловажную роль сыграли различные организации, действовавшие в Западной Белоруссии до начала войны. Их насчитывалось около 60 — общественно-политические, молодежные, религиозные. К наиболее влиятельным и массовым относились «Акция католическая», «Стрельцы», «Легион молодых», «Польская молодежь», «Тур», «Харцер», «Зухи» и другие. По определению НКВД, все они имели *«буржуазно-националистическую и религиозно-мистическую контрреволюционную направленность, воспитывали молодежь в духе ненависти к Советскому Союзу и коммунистической партии»*. С приходом советской власти их деятельность была запрещена. Однако многие стали действовать подпольно, меняя названия и тактику.

Антисоветские настроения среди части молодежи и польского учительства послужили причиной их арестов. В марте 1941 года органы НКВД арестовали 177 человек *«националистической*

польской интеллигенции за контрреволюционную деятельность, в числе которых 150 учителей и учащаяся молодежь» [15, л. 94].

Одним из факторов объединения антисоветски настроенных сил стали государственные и религиозные праздники, проходившие, как правило, при массовом стечении верующих. В межвоенный период, начиная с 1918 года, в Польше 11 ноября ежегодно отмечался День Независимости. С приходом советской власти празднование было запрещено. Тем не менее осенью 1939 года в ряде городов, местечек и деревень появились польские национальные флаги, листовки с призывами сражаться за независимость Польши. Органы новой власти расценили это как *«факты антисоветских и контрреволюционных выступлений со стороны враждебных элементов».*

В Спецсообщении НКВД на имя секретаря ЦК КП(б)Б П.К.Пономаренко по этому поводу отмечалось: *«В Вилейской области у памятника Юзефу Пилсудскому и на могиле Неизвестного солдата появились венки, украшенные бело-красной лентой. <...> Гимназисты города Вилейки Ленсевский и Смолевский 10 ноября обходили квартиры своих товарищей, призывая в День Независимости идти не на занятия в гимназию, а в костел. В целях предупреждения провокационных выступлений Ленсевского и Смолевского с 8 утра 11 ноября они будут вызваны на допрос в уездное управление НКВД, где будут в течение суток. В районе кладбища выставляется ряд пограничников, которые в целях маскировки будут проводить военные занятия. В костел направляется агентура. В районе костела — выставляются посты рабочей гвардии<...>*

В Белостокской области в местечке Староселье в ночь с 10 на 11 ноября неизвестные расклеивали листовки с изображением польского герба и надписью «Польша будет жить, пока мы живем».

<...> В Пинской области в городах Пинск и Лунинец появились листовки патриотического содержания: «В день 11 ноября, в день великого праздника, заверяем всех, что период терпенья нашего подходит к концу», «Прочь коммуны, честь польская не погибла, пока придется подождать». «Поляки, помните, что Польша не только государство, которое временно перестало существовать, но прежде всего народ, который не потерял своих чувств независимости и чувствует себя способным для восстановления того, что у него насильно взято. Да здравствует независимость Польши!» [30, лл. 42-45].

11 ноября 1939 года НКВД арестовало ксендза из местечка Гайновка Волковысского уезда Белостокской области Михала Вильневчица и одновременно с ним учащихся Свислочской гимназии Ивана Болбата, Иосифа Гайнера, Генриха Майхера. Согласно протоколу следствия, *«6 ноября Генрих Майхер, будучи у своих родителей в Гайновке, встретил ксендза Михала Вильневчица. Пригласив к себе на квартиру, ксендз рассказал, что в местечке Гайновка целый ряд лиц ведет работу против советской власти и предложил Майхеру сделать то же. Получив согласие последнего ксендз дал указание как это делать, снабдил листовками. Вернувшись в Свислочь, Майхер привлек еще двух гимназистов. Они изготовили листовки, расклейку которых приурочили ко Дню Независимости Польши. Однако в ночь с 10 на 11 ноября все трое были задержаны»** [32, лл. 111-112].

Рост антисоветских настроений привел к тому, что в поле зрения НКВД попало и католическое духовенство. Служители религиозных культов, в первую очередь католического, назывались не иначе, как *«враждебным, патриотически настроенным контрреволюционным элементом»*, они *«распространяют среди населения контрреволюционные слухи и ведут контрреволюционную агитацию»*.

Аналогичные оценки звучали в официальных документах, с партийных и комсомольских трибун: *«Никогда нельзя забывать, что мы имеем дело с хитрым, умным и коварным врагом. Он прошел многовековую практику от инквизиций, крестовых походов, Варфоломеевских ночей, религиозных войн. Иезуиты высшего сорта, специалисты по удушению всякой свободной мысли, имеют большой опыт тонких и не менее циничных методов одурачивания народа. И шапками закидать таких врагов нельзя»* [23, л. 11].

Особая подозрительность к духовенству объяснялась еще и условиями приграничной области. Прибывшие из восточных областей многочисленные кадры с недоверием относились к местному населению, ожидая происков *«врагов народа»*. Эту подозрительность культивировали партийно-комсомольские органы: *«Некоторые товарищи забывают о том, что в условиях нашей пограничной области особенно высокая большевистская бдительность должна пронизывать всю нашу работу, чтобы все*

* По другим сведениям, кс. Вильневчиц таких указаний гимназистам не давал. Возможно, такое «признание» ими было сделано под давлением во время допроса.

махинации остатков разбитых враждебных классов, партий и молодежных организаций своевременно разоблачать...» [23, л. 11].

Ксендзам инкриминировалась связь с польскими полицейскими органами, доносительство, шпионаж. В Брестской области в руки органов НКВД попало письмо ксендзам, священникам и ректорам Пинского диоцеза со ссылкой на указания епископа Кароля Немиро, в котором они обязывались информировать полицию *«о каждом подозрительном факте, происшествии противогосударственного характера, о каждой подозрительной личности»*. По этому случаю были вызваны и допрошены несколько ксендзов, которые подтвердили, что *«такое письмо действительно было разослано епископом Немиро»* до прихода Красной Армии. Это стало еще одним поводом обвинять духовенство в *«контрреволюционной деятельности»* [32, лл. 82, 89, 90].

Уже осенью 1939 года начался разгром антисоветского подполья. В действительности трудно установить, где ликвидировалось настоящее подполье, а где попросту оно было сфабриковано. Специфика проводимых в советской стране в 20-30-е годы разгромных кампаний и репрессий в отношении сотен тысяч невинных людей дает основание усомниться в масштабах антисоветского сопротивления, законности арестов и справедливости выносимых приговоров.

В ноябре 1939 года органы НКВД *«разоблачили антисоветскую контрреволюционную организацию»* в местечке Кривичи Вилейского уезда, руководство которой приписали ксендзу Иосифу Кропивницкому. К участникам отнесли Эйсмонда, бывшего директора польской школы, Гейшеля, бывшего старосту Вилейского уезда, Владислава Кишкурно, кулака, Семена Спиридовича, бывшего старосту Кривичской волости. Поводом считать существование *«контрреволюционного подполья»* послужило то, что *«еще до прихода Рабоче-крестьянской Красной Армии участники этой группы проводили активную контрреволюционную работу по полонизации и угнетению белорусского народа, создавали на территории Вилейского уезда польские националистические контрреволюционные организации и распространяли об СССР всевозможные контрреволюционные слухи»*.

Данные о контрреволюционной работе этих лиц подтверждаются изъятymi в волостном старостве архивными материалами (анкета, биография ксендза Кропивницкого Юзефа, переписка Вилейского уездного староства о награждении его «Крестом заслуги» [38, лл. 1, 2].

В числе репрессированных оказался Юзеф Кропивницкий, 1882 года рождения. После окончания Виленской духовной семинарии работал благочинным в местечке Лысково Волковысского уезда. Царское правительство в 1909 году лишило его прав благочинного. Вскоре он стал работать в Ошмянах, а в 1912 году переведен в Ставрополь, где проводил активную миссионерскую деятельность среди молодежи и солдат-католиков царской армии. В 1918 году являлся представителем польского правительства по делам сосланных и военнопленных поляков на Северном Кавказе и в Крыму, организуя их возвращение в Польшу. Исполнял обязанности чиновника польского консульства в Ростове-на-Дону по делам мобилизации поляков, подлежащих военной службе. В 1919 году четырежды арестовывался органами Советской власти. В 1920 году в городе Ставрополе был приговорен к расстрелу, но благодаря имевшимся связям среди советских работников ему удалось сохранить жизнь. В том же году, с разрешения смешанной комиссии, возвратился в Польшу, где активно работал по созданию молодежных католических организаций. С приходом Красной Армии в сентябре 1939 года Кропивницкий остался в местечке Кривичи [35, лл. 114-117]. Дальнейшая судьба Кропивницкого, как и остальных подозреваемых, неизвестна.

В докладных записках партийных органов, спецсообщениях НКВД содержатся многочисленные данные об *«активизации контрреволюционных элементов»*, создании *разветвленных повстанческих националистических организаций*, где католическое духовенство выступает как *«наиболее активный контрреволюционный элемент в борьбе с Советской властью»*. <...>

В спецсообщении Белостокского обкома КП(б)Б (ноябрь 1940 года) говорилось: «По данным Управления НКВД, на территории Белостокской области существует разветвленная повстанческая организация, возглавляемая католическим духовенством. 5 ксендзов арестовано как участники контрреволюционной организации, из них 2 ксендза Ломжинского монастыря как руководители повстанческой организации». <...>

Используя костел, ксендзы открыто выступали с проповедями, призывающими объединиться под предлогом защиты католической веры вокруг костела для восстановления бывшего польского государства, распространяют контрреволюционные провокационные слухи против СССР. Проводя персональную обработку, вовлекают в контрреволюционные организации при исповедях верующих — контрреволюционно-

националистически настроенных. Одновременно имеют встречи с участниками контрреволюционных организаций и дают соответствующие указания для дальнейшей контрреволюционной работы. Связь с периферийными контрреволюционными организациями, руководство ее осуществляется через своих агентов, преимущественно женщин, которые разъезжают по селам и городам, проводят вербовку новых членов, собирают сведения о расположении воинских частей и политических настроениях в таковых. <...>

В домах ксендзов под предлогом разрешения вопросов религиозного характера проводятся нелегальные сборища участников организаций, идет инструктаж и обсуждаются планы дальнейшей контрреволюционной деятельности.

Установлено, что контрреволюционные организации имеют переправочные пункты для нелегальной переброски в Германию своих людей, которым угрожает арест» [38, лл. 179, 180].

Возможно, в этих сообщениях присутствует определенная доля истины. Католическое духовенство в силу своего положения, убеждений, мировоззрения, сложившихся обстоятельств не могло молча созерцать происходившие события. На квартирах ксендзов укрывались от ареста бывшие служащие польских государственных структур, участники повстанческих организаций [45, лл. 32-34]. Костел и духовенство все более и более становились тем консолидирующим фактором, вокруг которого группировались силы для борьбы за независимость Польши.

Незадолго до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз политическая ситуация в западных областях стала все больше беспокоить власти. Наибольшие опасения вызывало польское население, в среде которого участились проявления неудовлетворенности советской властью: антисоветские «контрреволюционные» высказывания, недовольство введением обязательных гужевых повинностей по лесозаготовкам, военному строительству, отрезкой земли у зажиточной части крестьянства. В ряде районов среди призывников польской национальности имели место случаи дезертирства. В приграничных районах распространялись слухи о скором начале войны между Германией и СССР, высказывались надежды на обретение Польшей независимости.

В донесениях из западных областей неоднократно указывалось на сильное влияние ксендзов на католическое население, его взгляды, отношение к советской власти и ее порядкам. Ни одно

политическое мероприятие, проводимое новой властью, не оставалось без внимания и оценки духовенства [52, лл. 2-5].

Осознавая, что затягивание узла национальных и конфессиональных противоречий чревато непредсказуемыми последствиями, ЦК КП(б)Б направил 21 октября 1940 года всем партийным организациям письмо «О недостатках в работе партийных и советских органов в Западных областях Белоруссии». В полном соответствии с духом сталинской логики все «искажения» и «недостатки» переключались на низовые партийные организации. ЦК КП(б)Б «осудил» факты грубого отношения к польскому населению, «принудительной реорганизации школ с польской детворой в русские и белорусские школы», «неосновательного отстранения трудящихся поляков от работы и общественной деятельности, которую они несли в низовых советских органах, предприятиях и учреждениях» как «искажение принципов Ленинско-Сталинской национальной политики». Правда, ЦК не преминул при этом отметить, что «партийные организации много сделали для того, чтобы очистить учительский состав школ, в частности польских, от националистических, контрреволюционных элементов», «провели большую работу по очищению аппарата». Бесспорно, следует вывод, что «подобное отношение к польскому населению... помимо всего, облегчает контрреволюционным, националистически настроенным, клерикальным элементам их подрывную работу против Советской власти, создает благоприятные условия для поддержки всякого рода националистических настроений, облегчает им возможность завлекать в свои сети некоторую часть польского населения, которая при правильно проведенной политической линии никогда не пошла бы к ним» [39, лл. 3-4].

...22 июня 1941 года Германия напала на Советский Союз. Костелу и верующим предстояли не менее тяжелые испытания.

Глава 3

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НЕМЕЦКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ В БЕЛОРУССИИ

Идеология национального социализма и христианская религия

Отношение гитлеровцев к религии и церкви на оккупированной территории Белоруссии трудно понять, не обратившись к важнейшим доктринальным положениям нацистской идеологии, не проследив отношений Третьего Рейха с католическим Костелом и его центром — Ватиканом до начала второй мировой войны.

Ядром нацизма был биологически понимаемый расизм с вытекающими отсюда последствиями, которые затем определяли внутреннюю и внешнюю политику Германии: сплошной антисемитизм и борьба за жизненное пространство (*Lebensraum*), которое предполагалось приобрести за счет славян и евреев [184, s. 22-23].

Естественно, что христианство с его универсализмом и общечеловеческими моральными ценностями противоречило духу и букве нацизма. Гитлеровское руководство Германии отрицательно относилось к христианской церкви с ее строгими иерархией и догматикой. Отвергая христианское мировоззрение, обрядность, традиции, нацисты предполагали создать свой, политизированный вариант церкви, являющейся проводником национал-социализма.

Наибольшую неприязнь, однако, вызывал католицизм, который к тому же из-за своих связей с Римом был заклеен нацистами как что-то «ненемецкое». В то же время в протестантизме из-за его отвержения от Рима они видели вступительный шаг к национальному обновлению [184, s. 23].

Тем не менее с целью привлечения на свою сторону народных масс, прежде всего верующих, нацистское руководство вынуждено было завуалировать истинное отношение к религии и проявлять к ней внешнюю лояльность.

Отредактированная Гитлером и Готтфридом Федером программа национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП) от 24 февраля 1920 г. провозглашала в п. 24 свободу всех религиозных верований в государстве, до тех пор, пока они не угрожают его интересам либо не нарушают морально-этических чувств германской расы. В ней, в частности, декларировалось:

«Хотим свободы для всех религиозных верований; ее границей будет являться безопасность государства, а также выступления, нарушающие чувство моральности немецкого народа.

Партия как таковая поддерживает христианство, но в вопросах веры не связывает себя ни с какой религией. Побеждает в нас и вне нас жидовский материалистический дух и убеждение, что наш народ может черпать силы только из принципа: интерес общества над собственным» [122, s. 283-284]. Так с первых шагов своего существования нацисты заявили о приоритете интересов и моральных ценностей немецкого народа и нацизма над всем остальным. «Германия превыше всего!» — этот постулат не требовал никаких объяснений.

И все же не существовало целостной централизованной нацистской конфессиональной политики. Здесь воплощался типичный для нацистского государства компетенционный хаос со своими частично разнородными, а частично противоречивыми тенденциями. Такие радикальные враги Костела, как Альфред Розенберг, Генрих Гиммлер, Рейнхард Гейдрих, Мартин Борман, наталкивались на сопротивление умеренных, но бессильных одиночек, как, например, министр Рейха по церковным делам Ганс Керрль, в то время как сам Гитлер, который в конечном итоге всегда решал, видел в религиозной политике в первую очередь проблемы власти и определенных целей [184, s. 25].

В «Mein Kampf» («Моя борьба») Гитлер недвусмысленно высказался о христианстве, в частности, о католицизме и протестантизме. По мнению фюрера, «*протестантизм всегда будет нам помогать в поддержке всего, что немецкое, либо это будет касаться немецкой чистоты, углубления национальных чувств, либо защиты немецкого образа жизни, языка, а даже немецкой свободы, поскольку это все составляет его основу...*».

Гитлер категорически отверг какие бы то ни было отношения НСДАП с церковью: «*Политические партии не должны иметь ничего общего с религиозными проблемами, пока те не подрывают моральности народа; тем самым религия не должна быть включена в партийные интриги. Если досточтимые священнослужители используют религиозные институты, а также учения, чтобы ранить свою собственную нацию, они не должны иметь последователей. Нужно употребить против них их собственное оружие»* [122, s. 65].

Как показали события, религиозный вопрос никогда не утрачивал своей актуальности для Третьего Рейха. Фюрер и нацистское

руководство постоянно держали его в поле зрения, заявляя о лояльности к религии, которая, тем не менее, имела определенные границы.

В речи, произнесенной в Рейхстаге 30 января 1939 года, незадолго до начала второй мировой войны, Гитлер в который раз подчеркнул, что Германия не является государством, враждебным религии, наоборот, церковь получала здесь государственную поддержку значительно большую, чем во Франции, Англии или США. Фюрер заявлял о недопущении преследований за религиозные убеждения — ни в прошлом, ни в будущем. Одновременно он предостерегал от вмешательства в политику. *«Те же, которые вместо того, чтобы быть слугами Бога, своей миссией попытаются оскорблять достоинство нынешнего Рейха, его институтов или главных руководителей, должны уяснить, что разрушение этого государства с чьей бы то ни было стороны не будет терпимо. Духовные, если только станут выступать против права, будут привлечены к ответственности через это право точно так же, как любой немецкий гражданин. <...> Уничтожение врагов государства является его обязанностью»*. Гитлер не допускал компромиссов с теми, кто, по его словам, в Германии вступил в конфликт с законом: *«Здесь нужно, однако, принять во внимание: духовного немецкого как Божьего слугу будем охранять, духовного как политического врага немецкого Рейха — уничтожать»* [124, s. 49-52].

В итоге стратегической целью НСДАП была ликвидация всех институтов церкви. Об этом свидетельствуют не только высказывания Гитлера и его соратников, но и конкретные акции нацистского государства. В секретной директиве от 9 июня 1941 года, направленной главам областных организаций партии, рейхсляйтер Борман подчеркивал: *«Национальный социализм и христианские взгляды несовместимы. Христианские церкви базируются на человеческом невежестве и стараются закрепить это невежество среди как можно большей части человечества, ибо только таким образом христианские церкви могут сохранить свою власть. В противоположность этому национальный социализм опирается на научный фундамент»* [131, с. 80].

На пути этих замыслов стояла мощная преграда — Ватикан. Борьба с ним предстояла затяжная и бескомпромиссная. В ход пускалось все — от декларативных заявлений до грубого цинизма по отношению к Риму, Костелу и католикам.

С приходом к власти в Германии нацисты сделали продуманный дипломатический ход навстречу Апостольской столице.

20 июля 1933 года между гитлеровским правительством и Ватиканом был подписан конкордат. От имени Третьего Рейха его подписал фон Папен, а от имени папы Пия XI — бывший папский нунций в Германии кардинал Пацелли.

Оценка этого документа до сих пор неоднозначна — от крайне негативной до положительной. Несомненно, конкордат сыграл огромную роль в положении католического Костела как в самой Германии, так и в Европе. В то же время он имел большое значение и для самого Рейха и его нацистского руководства в деле серьезного укрепления международных позиций. Известный католический деятель архиепископ Конрад Грозбэр в 1937 году писал: *«Если говорить об оценке немецкого конкордата, то равно как с заграничной, так и внутривосточной точки зрения был это далеко идущий международный договор нового Рейха, что партия и государство оценили как успех,... что имело результатом благожелательный поворот верующих католиков к национал-социалистическому государству... С религиозно-церковной точки зрения конкордат означал ликвидацию отделения Костела от государства во имя гармонического сотрудничества и правового обеспечения в церковно-политической сфере...»* [194, s. 11-12].

Если замыслы и действия гитлеровцев в отношении заключения конкордата с Ватиканом очевидны, то шаги Апостольской столицы навстречу фашистской Германии можно объяснить тем, что Ватикан боялся возрождения и расширения большевизма на европейские страны, а также желанием защитить католический Костёл в Рейхе [172, s. 100].

События в Германии между тем развивались, несмотря на конкордат, в сторону ликвидации костельных институтов.

Борьба с влиянием Костела в самой Германии носила тотальный характер. В нее включились СС и гестапо. С 1934 года закрывались католические школы, упразднялись религиозные католические организации. В 1940-41 годах сотни монастырей и костельных зданий были заняты и национализированы, запрещены реколекции, паломничества, процессии, выпуск костельных газет. В 1941 году отменен ряд религиозных католических праздников, закрыто большинство костельных детсадов. Нацистский режим уничтожал образ мира и человека, противопоставленный его целям, старался как можно больше людей вырвать из-под влияния Костела [184, s. 30].

Этого не мог не заметить и папа Пий XI. 14 марта 1937 года он направил Костелу в Германии энциклику *Mit brennender Sorge*

(С горящим сердцем). В ней сказано, что он согласился на конкордат 1933 года и только после значительных колебаний, ради сохранения «свободы Костела в его миссии духовного избавления верующих в Германии, а вместе с тем отдать дань миру и прогресса немецкому народу» [172, s. 111]. Но Рейх это сломал. Немцы использовали конкордат самым циничным образом для реализации своих агрессивных замыслов.

Через несколько дней — 19 марта — папа издает энциклику об угрозе коммунизма *Divini Redemptoris* (*Божественный Искупитель*), в которой высказаны отрицательные оценки коммунистической идеологии. Близость этих энциклик указывает на схожесть в трактовании нацизма в Германии и коммунизма в России [172, s. 111]. Что касается позиции Ватикана в дальнейшем, то на нее оказали сильное влияние события на фронтах второй мировой войны, драматическая ситуация Костела в оккупированных гитлеровцами странах, в том числе Польше, СССР. Сначала в декабре 1942, а затем в феврале 1943 года Пий XII публично заявил о непризнании католической церковью тоталитарных режимов, основанных на репрессиях, геноциде, подавлении личности и ее естественных человеческих прав. В рождественском выступлении по радио (декабрь 1944 года) Пий XII осудил тоталитаризм и провозгласил принцип «*этического превосходства демократии над любой другой формой политического устройства*» [131, с. 91].

Дальнейшие события показали, что Гитлер все более дистанцировался от Ватикана, не желая никакого сотрудничества с ним, потому что не желал этому идеологическому врагу № 4 никакого успеха в Восточной Европе, особенно «*за счет тяжчайших кровавых жертв немецкого народа*» [135, с. 162].

Влияние национального и конфессионального факторов на политику гитлеровских оккупантов

Национальный и конфессиональный факторы играли существенную роль в гитлеровской политике на занятых территориях. Их учет позволял немцам играть на межнациональных и межконфессиональных противоречиях, манипулировать амбициями националистически настроенных группировок и их лидеров, выставлять себя покровителями «обиженных» народов, а в конечном итоге — методично и целенаправленно реализовывать идеи господства «арийской расы» над остальными «недочеловеками». Идеологиче-

ские методы отнюдь не исключали террора и насилия, ставших неотъемлемой чертой немецкой оккупационной политики.

Не случайно с первых дней оккупации гитлеровцы тщательно изучали положение на захваченных территориях, поведение различных групп населения, их отношения между собой и к большевикам и немцам. В гитлеровских документах тех лет содержатся любопытные наблюдения и оценка сложившейся ситуации: *«В занятых восточных областях Белоруссии следует делать принципиальное различие между бывшими польскими и русскими областями. На территории бывших польских областей советский режим воспринимался как чужеродный, так что за свои два года хозяйничанья он не мог коренным образом изменить бывший порядок жизни этого населения. Поэтому немецкие войска встречались польским населением, как и белорусским в большей части как освободители и незначительным меньшинством населения дружелюбно–нейтрально».*

По мнению немецких аналитиков, положение в занятых белорусских областях БССР представляло собой совершенно иную картину. *«Национального белорусского самосознания в связи с русификацией и коммунистическим воздействием, а у сельского населения в связи с принудительным переселением в колхозы чуждых народу элементов почти нет или же имеется в слабой форме. Предпосылку к выработке такого национального самосознания создают затребованные и для старой русской части Белоруссии белорусы, которые как в Минске так и в других городах создадут магистраты»* [90, лл. 43-50].

Спецслужбы Германии располагали обширной информацией о хозяйственной, экономической, культурной, общественно-политической, религиозной жизни, историческом прошлом, особенностях менталитета основных наций, проживающих в Белоруссии, — белорусов, поляков, евреев, русских.

На первых порах гитлеровцы попытались использовать просчеты в национальной и религиозной политике советской власти. С согласия немецких оккупационных властей в ряде городов (Белосток, Гродно, Новогрудок, Брест) создавалась вспомогательная гражданская администрация из числа поляков и белорусов, изъявивших желание сотрудничать с немцами. Католическое духовенство участвовало в легальном сотрудничестве с теми административно-управленческими органами, которые состояли преимущественно из поляков [163]. Почти одновременно возникли русский, белорусский, украинский комитеты. Наиболее сильные позиции

имел организованный в Белостоке Белорусский национальный комитет с филиалом в Гродно. В отдельные волости назначались доверенные лица из числа белорусов. Однако в августе 1941 года БНК был распущен оккупантами. Его роспуск и передача территории округа Белосток в состав Восточной Пруссии вызвало ухудшение настроения в белорусских кругах и еще более обострило отношения между поляками и белорусами, сотрудничавшими с немцами [90, л. 133].

Лидеры БНК рассылали в немецкие инстанции письма, меморандумы, выпрашивая минимальные уступки белорусам: возобновить деятельность БНК, организовать белорусские школы, проводить культурно-образовательную деятельность. Они настаивали на том, чтобы *«заменить враждебные польские элементы белорусами во всех инстанциях»*, обвиняли поляков в *«безумной, наглой, бесстыдной и жестокой войне с беззащитными белорусами»*, в поддержке евреев и вреде *«немецким интересам»* [8, лл. 6-7].

Вероятно, подобные «послания» не оставались без внимания, и вскоре польская администрация была разогнана. Довольно красноречиво причина ее устранения проистекала из донесения полиции безопасности и СД (сентябрь 1941 года): *«...поляки в тылу немецкого фронта, на территории почти полностью оголенной и не имеющей надежных сил, создают государственные позиции, которые для немецких интересов в этой области представляют опасность»* [92, л. 59].

За время оккупации у гитлеровцев сформировались определенные стереотипы поляков, белорусов и других наций и отношение к ним.

В немецких документах неоднократно указывалось, что *«находящиеся на территории страны поляки требуют крайне осторожного и чрезвычайно недоверчивого отношения со стороны военнослужащих вермахта. По своей вражде и ненависти их можно сравнить только с евреями. Так как большинство из них ловчее, чем белорусы, и многие понимают немецкий язык, то опасность слишком велика, что в районах, где поляки преобладают, и дальше будет продолжаться угнетение белорусов с их стороны, которые постараются оклеветать белорусов мнимыми доносами в немецкие части и учреждения о якобы принадлежности их к коммунистической партии»*. Следовательно, *«белорусское население нужно повсюду поддерживать и настойчиво защищать от поляков и евреев»* [89, л. 120].

Польша для Третьего Рейха была злейшим врагом, который следовало незамедлительно уничтожить: *«Борьба, которую фюрер намеревается вести до победоносного конца, началась с Польши. Польское высокомерие и мания величия были причинами этой войны. Польша не существует и никогда не будет существовать. Польскому шовинизму нет места, его следует окончательно искоренить»* [77, л. 18].

Стремление фашистов уничтожить Польшу и ее народ стало одной из причин активизации польского движения Сопротивления, которое на территории западных областей Белоруссии приобретало все более антинемецкий характер и широкий размах. В отчетах оперативных групп полиции безопасности и СД о положении на оккупированной территории осенью 1941 года отмечается усиление притязаний Польши *«в бывших северо-восточных областях, вокруг Новогрудка и Баранович»* [91, л. 322].

Существенным фактором, оказавшим влияние на подъем этого движения явилась принадлежность не только поляков, но и некоторой части белорусов к католической вере. Этот фактор, по мнению гитлеровцев, использовала *«польская интеллигенция, агитируя население к сопротивлению немцам под польским знаменем»* [88, лл. 9-10].

Немцы усматривали тесную связь Костела и *«польских повстанцев, которые тесно сотрудничают с католической церковью»*, и относили их *«наряду с евреями и партизанами»* к числу *«враждебных сил Германии»*. Гитлеровцы считали, что *«польская (римско-католическая) церковь смотрит на Белоруссию как на колониальную область и разворачивает здесь совместно с польским повстанческим движением политическую деятельность, которая всеми средствами должна быть прекращена»* [71, лл. 33-34]. Отсюда проистекало, что идейным вдохновителем польского движения Сопротивления является духовенство. Немецкие спецслужбы были убеждены, что *«польское римско-католическое духовенство в национально-политическом отношении разворачивает чрезвычайную активность. Оно является носителем польского шовинизма и умело может маскировать свою антинемецкую позицию и свои замыслы»* [91, л. 322]. *«Снова польское католическое духовенство является подстрекателем, — доносила полиция безопасности и СД 9 марта 1942 года. — Во время ареста ребёнка польский ксендз в Лиде заявил: «Пока существует польская мать, до тех пор будут рождаться польские дети. И Польша не погибнет»* [91, л. 10].

Все это давало основание немцам рассматривать деятельность Костела и духовенства как деятельность политическую, противоречащую планам германского Рейха на Востоке. В этой деятельности выделяли ключевые направления: распространение католицизма на восток за счет вытеснения православия, колонизация, подавление национального самосознания белорусов через принадлежность к католической вере, поддержка притязаний Польши на белорусские земли, тайная антинемецкая политика.

Правовые ограничения деятельности Костёла

Определяя политику в отношении католического Костёла в Остланде, гитлеровцы исходили из того, что он *«требует к себе усиленного внимания... В общем и целом... следует действовать так же, как и по отношению к евангелической церкви, то есть по возможности предоставлять ее самой себе. Но там, где она выходит за рамки религиозного обслуживания верующих, то есть намеревается заниматься миссионерской деятельностью среди верующих другого вероисповедания, особенно ортодоксальных верующих, такая деятельность без исключения должна быть запрещена»*.

В числе первоочередных мер, ограничивающих римско-католический Костел на Востоке, немцы предусматривали удаление из Остланда иезуитского ордена, закрытие католической семинарии в Вильно и запрет всякой католической деятельности на восточном пространстве, которая преследует цель католизации России [101, кадры 000087-000090].

Не меняя своего отношения к церкви как таковой (*«ясно, что церковь — наш враг»*), гитлеровцы категорически утверждали: *«на Востоке не должна господствовать римско-католическая церковь»*. Православная церковь представляла меньшую опасность — в свое время большевики обезглавили ее, уничтожив большинство духовенства, *«а еще не ликвидированный остаток священнослужителей представляет дрянной народ. Остались не самые лучшие. Они деградировали, поскольку не было надзора со стороны церкви. К тому же молодежь полностью отчуждена от православной церкви. Она понятия не имеет о господе Боге»*.

Вывод же следовал лаконичный и не вызывающий возражения: *«Так что мы пришли к единому мнению по поводу того, что католическую церковь здесь нужно сдерживать, а православной оказывать поддержку»* [72, лл. 19-20].

Немецкие документы, составляющие правовую базу деятельности религиозных конфессий, носили противоречивый характер. Провозглашая свободу вероисповедания и деятельности всех конфессий, они дополнялись секретными распоряжениями и указаниями, которые ограничивали сферу влияния Костела. Относительно «ортодоксальной», т.е. Православной Церкви, обеспечивались более благоприятные условия для ее существования и до определенных границ поддержка. Такая тактика позволяла иметь среди православного клира своих сторонников и по возможности использовать их в противовес и католицизму, и Московской Патриархии.

17 июня 1941 года шеф полиции безопасности и СД Рейнхард Гейдрих издал указания шефам оперативных групп по вопросу «национальной политики» на восточном пространстве. В церковной политике, говорилось в письме, *«против устремлений ортодоксальной церкви взять на себя влияния на массы, ничего не предпринимать и напротив, по возможности содействовать таким устремлениям, и против создания религиозных сект не противиться»*.

В середине августа на основании поступивших тем временем отчетов оперативных групп для последующего обращения с церковью в занятых советских областях *«в соответствии с данными фюрером основными направлениями»* Гейдрих дал измененную директиву. Она подтверждала, что против *«развития сектантства на советско-русской территории ничего не предпринимать»*, но уже подчеркивала, что *«о содействии ортодоксальной церкви речь может идти ровно столько, как и католической церкви. Деятельность последней должна находиться под особым наблюдением и путем далеко идущих ограничений управления еще действующего на оккупированной территории католического духовенства, а также путем немедленной высылки нарушающих запрет и ограничения вновь прибывших»*.

Там, где население желает и где без поддержки оккупационных властей в распоряжении имеется духовник, может быть *«терпимо»* возобновление церковной деятельности, но *«ни в коем случае с немецкой стороны демонстративным образом не должно быть проявлено содействие церковной жизни»*. Предлагалось *«обратить внимание на то, чтобы возникшие церковно-ортодоксальные круги прежде всего ни в коем случае не получили вышестоящее организационное объединение»*. О восстановлении прежней патриархальной русской церкви не могло быть и речи,

напротив, желателен *«раскол ее на... отдельные группы. В отошедших к Восточной Пруссии и к генерал-губернаторству частях оккупированных областей (Белостока и Восточной Галиции) следовало стремиться, чтобы находящиеся там еще католические учреждения взяла под свое попечительство ортодоксальная церковь, что касается государственного церковного имущества, то на первых порах не могло быть и речи о его возврате»* [178, s. 132-133].

Секретная директива определяла линию оккупационных властей относительно церковного вопроса: проявлять максимальную сдержанность, не препятствовать, но и не способствовать оживлению религиозной жизни, под особый контроль взять католическую церковь.

Аналогичные установки содержались и в документах министерства по занятым восточным областям. На основании §8 указа Гитлера *«Об управлении вновь занятыми восточными областями» от 17 июля 1941 года* рейхсминистр издал в феврале 1942 года *«Постановление о свободе религии в занятых восточных областях»*, согласно которому всем верующим гарантировалась свобода их вероисповедания, а лица одного вероисповедания имели право объединяться в религиозные общины [101, кадры 000052-000053].

В *«Директиве об обращении с религиозным вопросом»*, изданной тем же рейхсминистерством (дата не указана), религия рассматривалась как личное дело каждого. Запрещалось преследовать местное население по религиозным мотивам. Церковным организациям могли возвращаться отнятые еще при большевиках храмы.

Религиозная деятельность ограничивалась определенными рамками. Не разрешалось проводить церковные конгрессы и им подобные организационные мероприятия, запрещалась политическая деятельность священников и в особенности конфессиональных союзов, участие военнослужащих вермахта и военных священнослужителей в богослужениях с местным населением. Налагался запрет на *«въезд из эмиграции в занятые восточные области или особых посланников церковных организаций из других стран»*. Деятельность верующих, духовенства, церковных организаций ограничивалась, таким образом, сферой их сугубо духовной деятельности без права вмешательства в политику [101, кадр 000244].

Общее политическое руководство, а тем самым и реализация церковной политики на оккупированных территориях СССР, входило в обязанность рейхскомиссара по занятым Восточным

областям, подчиненных ему рейхскомиссаров, генеральных и гебитскомиссаров [75, л. 16].

В Генеральном комиссариате Белорутения деятельность религиозных конфессий находилась в компетенции 5-го реферата «Конфессиональные общества» (Referat 5: Konfessionele Verbände), который в свою очередь входил в отдел II «с» «Культурная политика» (Abteilung II c: Kulturpolitik), последний — в главный отдел II «Политика» (Hauptabteilung II: Politik) [70, лл. 130-132]. Весь оккупационный период 5-й реферат возглавлял Леопольд Юрда. Он регулярно информировал генерального комиссара Вильгельма Кубе, а затем фон Готтберга, по всем вопросам религиозной жизни, получал их указания, контролировал все, что относилось к сфере деятельности религиозных конфессий.

Одним из первых шагов, предпринятых немцами после принятия занятой территории под гражданское правление, стала регистрация действующих в Белоруссии священнослужителей всех конфессий. Она проводилась гебитскомиссарами в ноябре 1941 года. Ранее выданные вермахтом разрешения на духовную деятельность считались недействительными и подлежали сдаче гебитскомиссару. Всем церковным служителям предписывалось заново подать заявление в местную управу на выдачу разрешения на совершение церковной деятельности. К заявлению / ходатайству прилагались личная анкета и автобиография. В анкете указывались фамилия, имя, место жительства, дата и место рождения, семейное положение, гражданство, национальность и религия (в том числе родителей и дедушки с бабушкой), отношение к военной службе в прошлом, профессия и образование.

Разрешение выдавалось гебитскомиссарами с санкции генерального комиссара только после проверки личности ходатайствующего и установления его происхождения и национальной принадлежности, а также лояльности к немцам. В случаях *«с неместными священниками при предъявлении ходатайства о выдаче разрешения полагалось сообщать, действительно ли местные условия вызывают необходимость духовного обслуживания населения и существует необходимость церковной деятельности»*. В сопроводительных документах гебитскомиссары нередко делали приписку о нецелесообразности выдачи разрешений на богослужения ксендзам-полякам и просили отклонить ходатайства [69, л. 2; 64, лл. 3, 4].

Но даже получив разрешение, ксендзы польской национальности находились под пристальным вниманием оккупационных

Personal-Fragebogen Асабістая анкета

1. Name, Vorname(n), (Geburtsname bei Namensänderung) Казимир Коричин
 Прозвішча і імя (прозвішча змяняе характэрны, калі ёно змянялася)
2. Jetziger Wohnort Strasse und Hausnummer Константинов ул. Костыной д. 2
 Цяперашняе месца жыхарства: вуліца і № дому
3. Geburtstag u.-Ort Ур. 16-го-1908г. Новодзел, раён Савелька
 Дата і месца нараджэння
4. ledig, verheiratet, geschieden, verwitwet? Кавалец
 Кавалец, жанаты, разведзены, удавец
5. Zahl der Kinder — — нет —
 Колькасць дзяцей
6. Staatsangehörigkeit германская
 Прыналежнасць да дзяржавы
7. Volkszugehörigkeit Тоталітэцкая
 Нацыянальнасць
8. a) Vater Віда c) Grossvater Тодзі
 бацькі дзед
 b) Mutter Толька d) Grossmutter Тодзі
 маткі бабы
9. Religion Рым-кат.
 Рэлігія
10. a) Vater Рым-кат. c) Grossvater Рым-кат.
 бацькі дзед
 b) Mutter Рым-кат. d) Grossmutter Рым-кат.
 маткі бабы
11. Früheres Militärverhältnis на вайсковай службе не быў
 Адносіны да вайсковай службы ў мінулым
12. Beruf, Berufsausbildung: Р.кат. інжынер в.тэхнік.
 (Fachprüfung wann und wo abgelegt?)
 Званне, спецыяльная адукацыя:
 Дзе і калі здаў экзамены па спецыяльнасці в 1933г. в.тэхнік.

Личная анкета служителя культуры

властей и спецслужб, белорусских деятелей. Самые жесткие меры применялись к тем из них, кто был замечен в *«польской политической пропаганде в римско-католической церкви»*. К *«пропаганде»* относилось и употребление в богослужениях польских патриотических выражений, таких, как название Матери Божьей Польской Королевой, упоминание польской Короны и т.п. Если такие факты становились известны властям, ксендз тут же лишался разрешения на духовную деятельность [65, л. 40].

Такая участь постигла, например, ксендза Антона Скорко из Воропаево Поставского района. Он был удален из прихода и *«передан службе безопасности для принятия дальнейших мер»*. В беседе с начальником районной управы Лапырем по этому делу кс. Скорко заявил: *«И если даже Римский папа запретит, я все же буду делать это»* [65, л. 41].

В округах местные органы власти добивались сужения сферы влияния религии, регламентировали богослужебную деятельность. Так, 12 декабря 1941 года генеральный комиссар Белоруссии распорядился *«предоставить населению в 1942 году отпраздновать рождество снова по старым народным традициям»*. Во всех учреждениях и на предприятиях местным рабочим предоставлялся двухдневный отпуск: православным — 6 и 7 января 1942 года, а в районах с преимущественным римско-католическим населением — 25-26 декабря 1941 года [69, л. 13].

Он же 17 апреля 1942 года распорядился считать церковными праздниками римско-католического Костёла Новый год, Три короля, первый день Пасхи, Вознесение Христа, первый день Троицы, Петра и Павла, Вознесение (Успение) Пресвятой Девы Марии, Всех святых, День непорочной Марии, первый день Рождества [69, л. 28]. Аналогичные указания следовали и в других округах.

Местные органы власти отдавали распоряжения удалить религиозные атрибуты из общественных мест. Уездный комиссар Гродненского уезда 22 декабря 1942 года дал указание *«убрать из всех рабочих помещений и заводов церковные изображения. <...> Снятие церковных изображений обосновать гарантией нейтралитета по отношению ко всем вероисповеданиям»* [9, л. 90].

В планах гитлеровцев было ликвидировать универсальный характер и единство христианской религии, разделить конфессии по национальному принципу. Немцы игнорировали исторически сложившееся административно-костельное деление, полагая, что оно должно совпадать с административно-территориальным. Такое

видение религиозной политики изложил рейхсминистр по занятым восточным областям Альфред Розенберг в письме от 13 мая 1942 года рейхскомиссару Остланда Генриху Лозе и рейхскомиссару Украинны Эриху Коху. *«Во избежание противовеса силе власти и немецкому правлению, — отмечалось в письме, — в занятых восточных областях не может быть религиозного запрета. Духовные потребности населения должны обслуживаться священниками родственной им национальности, а не универсально назначенными другими церквями и религиозными обществами лицами. Принципиально следует стремиться, чтобы религиозные общества ограничивались одним генеральным округом».*

Относительно католического Костёла следовало *«принимать во внимание, что деятельность его в Литве ограничивается только генеральным округом Литвы, и католический епископ Литвы должен быть литовцем, а не поляком. Поскольку в генеральном округе Литвы имеются польские католики, то последние должны иметь свою польскую духовную верхушку, которая, однако, ни в коем случае не должна иметь церковно-политических полномочий в генеральных округах и прежде всего в генеральном округе Белорутения. Всякая попытка нарушения этого положения должна всеми средствами пресекаться, тем более если здесь речь идет не о религии, а о польской политике».*

Подобные указания следовали и в отношении Русской Православной Церкви. *«Русская ортодоксальная церковь не может стать владельницей душ белорусских православных верующих, она ... ограничивается только неоспоримой русской территорией населения и не распространяется на другие области. Таким образом, в Белоруссии будет иметь место, среди прочих, белорусско-ортодоксальное, русско-ортодоксальное и римско-католическое правление, причем преимущество должно отдаваться белорусскому»* [100, кадры 001182-001186]. Основываясь на указаниях рейхсминистра, 19 июня 1942 года рейхскомиссар Остланда Генрих Лозе подписал постановление о правовом статусе религиозных организаций на оккупированной территории.

Оно предусматривало условия и порядок обязательной регистрации существующих и создания новых религиозных обществ, назначения членом их правления. В течение трех месяцев со дня выхода постановления каждое религиозное общество обязано было сообщить генеральному комиссару подробные сведения о своем названии, структуре, территории действия, усадьбе, веро-

исповедании или религиозном направлении, президиуме или иных органах, руководящих лицах, их обязанностях и задачах.

В руководящий состав не могли входить лица, подозреваемые в политической неблагонадежности. Религиозные общества и их неместные и местные органы должны были ограничивать свою деятельность исключительно выполнением религиозных задач. Нарушение предписаний постановления, и особенно превышение сферы деятельности религиозных общин, их органов или функционеров, влекло наказание денежным штрафом, накладываемым генеральным комиссаром. В случаях, если деятельность общества не ограничивалась выполнением религиозных задач или угрожала общественному порядку и безопасности, оно могло быть распущено [13, л. 40; 101, кадры 000238-000239].

Реализация положения о религиозных обществах приводила к тому, что Костелы утрачивали свое общественно-правовое положение и переводились в разряд обычных организаций, которые находились под надзором оккупационных властей и подчинялись исходящим от них предписаниям. Деятельность религиозных обществ и духовенства становилась все более затруднительной. Создавались препятствия ксендзам в проведении душпастьерской опеки над верующими, усиливался надзор оккупантов за деятельностью священнослужителей.

Епископ Мечислав Рейнис, сменивший в июне 1942 года на посту виленского архиепископа Ромуальда Ялбжиковского, пытался установить контакты с властями и исправить положение. 16 ноября 1942 года он направил рейхскомиссару Остланда письмо с просьбой дать указание гебитскомиссарам и районным руководителям не препятствовать перемещению и направлению Виленской курией ксендзов в приходах, относящихся к Виленской епархии. Рейнис жаловался, что *«если назначенный или перемещенный курией духовник хочет получить разрешение на въезд от соответствующих гебитскомиссаров, то со стороны гебитскомиссариатов ему отказывают в этом. Вышесказанное касается гебитскомиссариатов Вильно и Виленской области, а также гебитскомиссариатов Белоруссии. Так верующие остаются без духовной опеки, без личного духовника, без религиозного утешения»* [65, л. 64].

Рейхскомиссар переправил письмо гауляйтеру Белорутении фон Кубе. Ответ последнего был незамедлительным и категоричным: *«Из принципиальных соображений я не могу разрешить деятельность духовников Вашей курии на территории*

моего генерального округа. Такая деятельность тем самым ограничивается территорией вне границ моего генерального округа, то есть территорией Литвы» [65, л. 63].

Большие затруднения создавались для деятельности духовенства в результате разделения самого большого и мощного Виленского архидиоцеза на сепаративные районы.

Административно-территориальное деление¹, проведенное немцами, привело к тому, что Виленский архидиоцез вошел в состав 3 территориальных единиц: рейхскомиссариата Литва, округа Белосток и генерального округа Белорутения.

Католики, проживающие на территории генерального округа Белорутения, находились в юрисдикции двух епископов — Виленского (вначале Р.Ялбжиковского, затем М.Рейниса) и Пинского — К.Букрабы. К Виленскому отходили округа Глубокое, Вилейский, Лидский, Слонимский, к Пинскому — Новогрудский, Барановичский, Ганцевичский, а Минский, Слуцкий и Борисовский округа номинально подчинялись находящемуся в Латвии епископу Слоскану [68, л. 6].

Рейхсминистр по занятым восточным областям не признал деление римско-католического Костела на епархии и не согласился с компетентностью Виленской епархиальной курии в отношении территорий генерального округа Белорутении [65, л. 43].

¹ В первые месяцы оккупации гитлеровцами были созданы 2 рейхскомиссариата — Украина и Остланд. В состав рейхскомиссариата Украины была включена южная часть территории Белоруссии. В Остланд (резиденция г. Рига) вошли Литва, Латвия, Эстония, часть Белоруссии и часть Ленинградской и Псковской областей. Рейхскомиссариат Остланд был разбит на генеральные комиссариаты Литву, Латвию, Эстонию и Белорутению. Впоследствии к генеральному комиссариату Белорутении присоединены Калининская, Смоленская области, г.Орша. В генеральный комиссариат входило 5 главных округов: Барановичи, Минск, Могилев, Витебск и Смоленск. Они делились на 38 сельских и 5 самостоятельных городских районов. Округ Белосток в составе Белостокской и северной части Брестской области директивой Гитлера от 1 августа 1941 г. получил статус немецкого управления. Осенью 1941 г. из рейхскомиссариата Остланда была изъята территория севернее и юго-восточнее Гродно и присоединена к Белостоку. Округ был разделен на город и район Белосток, районы Бельск, Граево, Августов, Гродно, Ломжа, Соколка и Волковыск. Витебская, Могилевская, основная часть Гомельской, северная часть Полесской и восточная часть Минской областей в связи с близостью фронта находились в ведении военного командования (Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны. — М.: РОССПЭН, 2000. — С. 205-209).

Архиепископ Мечислав Рейнис, желая хоть как-то сохранить связь с деканатами за пределами Литвы, назначил в каждую из территориальных единиц епископскую делегатуру: вице-декана из Гродно кс. Антония Куриловича — на округ Белосток, декана из Глубокого кс. Антония Зенкевича — на территории гебитскомиссариатов Глубокое и Вилейка, а лидского декана кс. Ипполита Боярунца — на региональные комиссариаты Лида и Слоним. Епископские делегаты имели более широкие полномочия, чем генеральные vikарии. Существовала многоступенчатость власти: апостольский администратор, архиепископские делегаты и деканы как генеральные vikарии. Такая структура сохранилась до конца оккупации. Только в августе 1944 года в Вильно возвратился архиепископ Ромуальд Ялбжиковский и продолжил руководство архидиоцезом [209, s. 22].

Правовое положение Костела в каждом из округов, на которые была разделена территория Белоруссии, зависело во многом от того, кто возглавлял округ, какие политические силы здесь группировались и в какой мере хотели использовать религию в своих интересах.

Наиболее остро шла борьба за Костел в округе Белорутения, который с сентября 1941 по сентябрь 1943 года возглавлял гауляйтер Вильгельм Кубе. Здесь же активную деятельность развернула группа белорусских национальных и религиозных деятелей. Они возлагали немалые надежды на Кубе, добиваясь изменения статуса Костела (провозглашения его автокефалии) и использования его в узконациональных интересах.

Свою принципиальную позицию относительно роли религии и церкви гауляйтер Кубе изложил в беседе с корреспондентом газеты «Deutsche Zeitung im Ostland» (дата не указана. Не позднее осени 1942 года). Как лидер НСДАП и один из ближайших соратников Гитлера, Кубе настойчиво проводил линию нацистской партии в религиозном вопросе: *«Церковь, которая остается отделенной от школы, имеет задачу установления мира в обществе и воздержания от всякой политики. Старая тенденция злоупотребления пропольскими стремлениями со стороны римской церкви не может быть терпима. В этой области белорусины также пользуются покровительством национал-социалистического управления. Православная белорусенская церковь, не зависящая от Варшавы, Вильно и пресловутого московского епископа «Сергия» поддерживает нас в борьбе с большевизмом.*

С нашей стороны не препятствуется тому, чтобы желающие частным порядком давать своим детям религиозное воспитание могли это делать, ибо национал-социализм отвергает всякое атеистическое стремление и предоставляет каждому избирать себе религию по своему усмотрению» [51, л. 67; 53, л. 70].

Такая же политика ограничения сферы влияния Костела проводилась и в округе Белосток. Религиозные вопросы находились в компетенции Гражданского управления. Власти округа препятствовали связям католических священников с виленской курией. Им запрещалось выдавать паспорта для переезда через границу на территорию рейха. Выезд из округа в рейхскомиссариаты Остланд и Украина осуществлялся на основе положений от 7 июля и 18 июля 1942 года [6, л. 10].

Богослужения обоих вероисповеданий (за исключением свадеб и похорон) разрешались только в нерабочее время. Исповеди могли приниматься лишь в дни, объявленные немецкими законами выходными и праздничными, *«либо если власть в Белостоке объявит праздничным другой день»* [6, л. 27].

Нередки случаи, когда немцы переносили время богослужений даже в выходные дни. К примеру, распоряжением крайкомиссара Гродненского уезда с 19 апреля по 10 мая 1942 года, в связи с полевыми работами, утренние богослужения могли проводиться лишь с 6 до 9 утра [6, л. 39]. В Белостокском округе законными праздниками объявлялись воскресенье, Пасха, Троица, Рождество, Новый год и Страстная пятница. Все остальные дни считались рабочими. Прочие праздники могли устанавливаться лишь с разрешения обер-президента Гражданского управления Белостокского округа. Без разрешения местных властей запрещалось устраивать богослужения или какие-либо мероприятия в рабочие дни. Нарушение этого указания влекло за собой строгое наказание [6, л. 28]. *«Мы, немцы, стоим на той точке зрения, что каждый может служить богу по-своему. Во всяком случае работа должна быть на первом плане»,* — такое заключение прозвучало на заседании волостных комиссаров и волостных бургомистров 23 октября 1941 года в выступлении Гродненского ландрата фон Плетца [5, л. 9].

В некоторых регионах обострились отношения между католиками и православными на почве споров за храмы. В свое время царское правительство отнимало костелы у католиков и передавало их православным под церкви. В межвоенный период происходил обратный процесс, но кое-где в силу давности собы-

тий как православные, так и католики оспаривали нередко свои права на один и тот же храм. С приходом немцев эта борьба не только не прекратилась, но и стала протекать еще более остро. Такая ситуация возникла в деревне Жидомля недалеко от Гродно. Католики написали письмо крайзкомиссару Гродно с просьбой вернуть костел, отнятый большевиками в 1939 году и переданный православным. Приходской актив в свою очередь обосновал собственное право на храм, мотивируя, что в XVIII веке он построен православными. Крайзкомиссар решил спор в пользу православных: *«оставляю за собой право предоставления католическому приходу другой церкви»* [7, л. 13 об.].

Этот факт свидетельствовал, что в спорах между католиками и православными немцы склонялись в пользу последних. Возможно, сыграла свою роль и позиция православного епископа Гродненского и Белостокского Венедикта Бобковского, который выступал ярким противником и обличителем большевизма, сторонником германского «нового порядка», призывал верующих покорно подчиняться новой власти [163].

Оккупационный режим в рейхскомиссариате Украина, к которому отошла часть территории юга Белоруссии, отличался таким же цинизмом и изощренностью в отношении к подневольному населению, его правам и религии, как и на других занятых территориях. *«Немецкие солдаты завоевали вам свободу и уничтожили большевизм, — цинично писал в обращении рейхскомиссар Украины Эрих Кох. — Кто противопоставит себя воле немецкого руководства, того постигнет неумолимая суровость права... кто безукоризненно выполнит свои обязанности, тот будет благодетельствован новой властью. Каждый будет иметь возможность жить в своей вере и взглядах и быть счастливым...»* [121, Т. 2, s. 194].

Правовой статус Костела в этом рейхскомиссариате принципиально не отличался от других регионов. Об этом можно судить по уже цитированному письму рейхсминистра Альфреда Розенберга рейхскомиссару Украины Эриху Коху от 13 мая 1942 года: *«Для Украины в принципе также следует стремиться, чтобы каждый генеральный округ имел у себя ту церковь, число верующих, ее посещающих, которой составляет большинство жителей генерального округа. В смешанных областях следует поступать, как в Белоруссии, — так, чтобы здесь православные русские от православных украинцев или украинских униатов обслуживались церковью раздельно и каждая имела*

собственное духовное руководство. Украинским религиозным обществам принципиально гарантируется преимущество, за исключением чисто русских поселений. В части украинской автокефальной церкви следует учитывать, что эта церковь является мощнейшим инструментом».

Что касается Православной Церкви, подчиненной Московскому Патриархату, то следовало «*путем внутреннего объединения генеральных округов способствовать ее подрыву и обречению на раскол, с другой стороны, создать противовес опасности образования политически властной силы*» [100, кадры 001182-001186].

По оценке немецких спецслужб, на территориях, отошедших к рейхскомиссариату Украина, влияние поляков оставалось сильным. Такая ситуация сложилась вследствие проводимой польским государством после 1921 года «*радикальной и систематической полонизации*», которая была прервана в результате начала германо-польской войны.

Поляки и евреи составляли значительное число жителей в городах генерального округа Волынь и Подолия, в которые входили Ковель, Брест-Литовск, Пинск и Кобрин, а если учесть, отмечали немцы, «*что почти каждый поляк рассматривается как шовинистический активист, то политическое значение поляков значительно больше, чем это выражено в цифрах. Стремление поляков направлено на то, чтобы с помощью ловкого поведения завоевать доверие немецких инстанций, укрепить под немецкой охраной еще больше свои позиции вплоть до ожидаемого ими поражения немцев и создания великого польского рейха*».

Гитлеровцы и здесь считали идейными вдохновителями польских подпольных структур католическое духовенство: «*Как всегда в новой польской истории, ... в Волынии играет также и сегодня большую роль польское католическое духовенство как носитель шовинистической политики. Местные польские священники почти постоянно являются также духовными вождями польского сопротивления и активности*» [93, лл. 44-46].

Политика гитлеровских оккупантов в отношении Костела ставила целью ликвидацию всяческих проявлений «польскости» в костельной жизни, до полной ликвидации католического Костела как польской организации и превращение его в социальный институт, лишенный какого бы то ни было права участия в публичной жизни и влияния на нее.

Конфессиональная политика германских властей распространялась не только на мирное население. Среди служащих вермахта (военных и гражданских), военнопленных в лагерях на территории Белоруссии было немало католиков и верующих других конфессий. Нацистское руководство вынуждено было с этим считаться. Однако удовлетворение религиозных потребностей этой категории верующих было ограничено еще в большей степени, чем мирного населения.

Жесткой регламентации подвергалось отправление религиозных обрядов военнослужащими вермахта, фольксдойче, членами их семей. Им запрещалось посещение церквей, участие в каких-либо *«иностранных конфессиональных организациях с религиозной целью и внеслужебное общение с их священниками»*. Богослужения для них проводились в установленные дни, место, время [66, лл. 14, 16]. Так, по приказу коменданта города Минска от 25 февраля 1942 года каждое воскресенье во фронтовом театре на Комендатурштрассе, с 9 часов 30 минут исповедовались католики, с 9 часов проводил богослужение католический священник, а с 10 часов 15 минут проходило богослужение евангелистов с участием военного проповедника [66, л. 2].

Распоряжением рейхсфюрера СС и начальника полиции в имперском министерстве внутренних дел Генриха Гиммлера от 13 июня 1938 года и 18 октября 1941 года категорически запрещалось *«участие членов полиции в форме в собраниях и мероприятиях религиозных и мировоззренческих общин»*. Не допускалось ущемление прав верующего, если он являлся членом *«наружной полиции»*. В личных делах указывалась принадлежность к конфессии или к мировоззренческой общине либо атеизм (неверие) служащего. Пастыри или другие служители конфессий не могли использовать в религиозных целях служебные помещения или места размещения полиции, продавать предметы культа. Исключение составляли праздники *«с религиозным освящением, которые проводятся вермахтом, партией, их организациями или другими входящими туда союзами (например, богослужения в полевых условиях, «вечерняя заря», присяга, празднования по случаю памятных дат, освящение памятников и знамен и так далее)»* [74, лл. 57-60].

Сложно говорить об организации богослужений в лагерях для военнопленных и получении ими духовной опеки. В разработанной в Берлине 2 августа 1939 года *«Инструкции о жизни и поведении военнопленных. Ч. II. Служебные указания для начальника рабочей команды военнопленных»* содержались предписания относительно

удовлетворения их религиозных потребностей. Посещение военнопленными церкви могло носить лишь добровольный характер. Начальник рабочей команды с согласия коменданта стационарного лагеря по вопросу церковных богослужений для военнопленных должен был договориться с местными или близлежащими церковными учреждениями. Посещение следовало организовывать во вне-рабочее время, оно не должно было совпадать с посещением церкви гражданским населением. Решение о выделении духовных проповедников из числа военнопленных принимал комендант лагеря. Охрану во время богослужений следовало организовать таким образом, чтобы исключить малейшую возможность для побега военнопленных [87, лл. 100-101].

Возможно, первоначально немцы могли допустить в лагеря духовных лиц для проведения опеки над пленными. В советских источниках и историографии таких сведений не имеется. Зарубежная историография отмечает отдельные факты помощи со стороны ксендзов военнопленным — как духовной, так и материальной.

Обращает на себя внимание факт снижения интенсивности «законотворческой» деятельности высших органов власти в отношении религии в 1943–1944 годах. Очевидно, немцы не считали целесообразной разработку каких-то особых законодательных актов в отношении религии и церкви. Соблюдение принятых ранее было достаточно для реализации поставленных целей. Да и положение на советско-германском фронте складывалось не в пользу немцев. А это было важнее, чем религиозные проблемы. К тому же в 1943–1944 годах на территории Белоруссии все меньше оставалось действующих костелов. Так, в Гродно, в котором до июля 1943 года было 5 действующих костелов, к концу оккупации остался только один, обслуживаемый кс. Антонием Куриловичем. В письме архиепископа Рейниса к Маглионе от 23 июня 1943 года говорится о 26 вакансиях в округе Белосток и Белорутения. К Минскому округу не допускали священнослужителей из Вильно. Рейнис выражал недовольство свободой действий, которую получил православный епископ Сергей. Искусственно развязываемые споры о языке дополнительно исключали ксендзов из богослужения из-за незнания «нужного» языка. Происходило сокращение духовенства вследствие репрессий, преследований, ухода в польские партизанские формирования [196, с. 346].

Гитлеровская политика натиска на Костел к концу оккупации Белоруссии имела очевидные негативные результаты.

Глава 4

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ В ОККУПИРОВАННОЙ БЕЛОРУССИИ

Попытки возрождения религиозной жизни

К осени 1941 года территория Белоруссии была занята немецкими войсками. Повсеместно установленный «новый порядок» не обошел и религиозную жизнь, ставя ее в зависимость от многих факторов.

В первое время в религиозном вопросе гитлеровцы пытались предстать покровителями церкви. Разрешалось открывать ранее закрытые большевиками костелы, церкви, проводить богослужения. Население могло беспрепятственно посещать храмы, совершать религиозные обряды. Запрещалась атеистическая пропаганда.

В *«Памятке солдатам германской армии «Директивные указания о поведении войск в Советском Союзе»* предписывалось *«не препятствовать и не мешать богослужению»*, поскольку *«у беспартийных людей (не большевиков) национальное сознание связано с религиозным чувством. Радость и благодарность, связанные с освобождением от большевизма, находят часто свое выражение в религиозной форме...»* [51, л. 71]. Ставка делалась на то, что изменением отношения новых властей к религии (открытием церквей, возвращением священнослужителей) немцы сумеют привлечь на свою сторону значительную часть населения.

В ряде случаев вместе с воинскими частями приезжали священники из Греции, Югославии, Литвы, Латвии. Они привозили с собой необходимые церковные принадлежности — рясы, ризы, кадила, передвижные алтари и иное. На богослужениях иногда присутствовало местное население.

О возрастании роли религии на оккупированных территориях сообщал командующий тыловой армией Северных областей в отчете *«Об отношении к русскому гражданскому населению»* от 26 ноября 1941 года: *«Церковь начинает приобретать в народной жизни растущее значение. С успехом и усердием трудится население над восстановлением церквей. Церковная утварь, припрятанная ГПУ, вновь начинает находить свое место. Старое поколение через церковную жизнь входит в сношение со старыми привычками и обычаями, с реальностью, которая, само собой разумеется, присуща русским в религиозных вещах. Молодое по-*

коление, выросшее при большевизме, относится к старому поколению с удивительно преднамеренным любопытством. Различие между старым поколением (до мировой войны) и молодым (послевоенное поколение) очень резкое, оно выступает теперь еще сильнее потому, что почти все молодые люди призваны в армию и в силу этого невозможно оказать влияние на старое поколение на этой ступени старости» [53, л. 69].

Такая ситуация вполне объяснима. В условиях стремительно развивающихся событий — наступления немцев и отступления советских войск, обрушившейся на людей трагедии — религия для многих стала единственным фактором, помогающим обрести утешение и надежду на спасение. Порой население воспринимало безразлично, кто проводил богослужения: православные, лютеране или католики; важен был сам факт богослужений. *«Вера в Бога выдвигается на передний план, нет деления этой веры на вероисповедания, а если такое разделение и существует, то очень расплывчатое и неосознанное»,* — отмечалось в одной из сводок сообщений из СССР полиции безопасности и СД (ориентировочно — июль-август 1941 года) [92, лл. 45-46].

Факты оживления религиозной жизни засвидетельствованы и в письмах виленского архиепископа Ромуальда Ялбжиковского кардиналу Маглионе. Он отмечал, что богослужения в костелах проходили без трудностей. Произносились проповеди, проводилась катехизация, отправлялись реколекции во время великого поста. В 1941 году все приходские костелы имели почти полные составы духовенства, а архиепископ мог даже выслать из виленской части архидиоцеза 17 викариев в помощь настоятелям приходов на территории Белоруссии [186, с. 154].

В западных областях Белоруссии духовенство приступало к обучению детей и подростков религии, воспитанию их в религиозном духе.

Так, в сентябре 1941 года в Вилейке началось обучение в начальной школе и в гимназии. Организатором был кс. Потоцкий, дети учились в частном доме. Обучение проходило и в других местностях. Организаторами были ксендзы: Ипполит Хрустель в Ворнянах, Павел Чаловский в Жодишках, Владислав Мацковяк и Станислав Пырток в Иказни, арестованные в декабре 1941 года. 15 октября 1941 года началось обучение в Глубоком. Отсутствуют данные о количестве приходов, где проходило обучение.

Однако период свободы обучения продолжался недолго. В октябре-ноябре 1941 года произошли изменения в отношении

властей к полякам-католикам. Гитлеровцы больше поддерживали белорусов, для них были открыты белорусские школы, отдавалось предпочтение православию. Польские школы ликвидировались, ксендзы арестовывались. Однако кое-где, например, в Лиде и Вилейке, происходило тайное обучение религии — подготовка к приятию первого причастия.

В некоторых католических приходах округа Белосток в июле 1941 года было организовано тайное обучение детей религии. Его проводили сестры-монахини, ксендзы, иногда светские лица [196, s. 351].

Однако интенсивность религиозной жизни в различных регионах Белоруссии не была одинаковой. Сказывались и степень религиозности населения, преимущественное влияние конфессий, наличие и авторитет духовенства, традиции и другое. Существенную роль играла политика оккупационных властей.

В восточных областях, где до войны католицизм был почти полностью уничтожен большевиками, оживление религиозной жизни первоначально происходило благодаря совместным церковным службам, проводимым военными капелланами вермахта с участием местного населения [98, кадры 226405-226406].

Оживилась религиозная жизнь в Минске. Возобновились богослужения в кафедральном соборе на площади Свободы, в Красном костеле св.Симона и св.Елены, в костеле на католическом Кальварийском кладбище. В помещении бывшего женского монастыря по улице Интернациональной, где до войны помещался клуб физкультуры, открылась православная церковь. В одном из зданий на улице Немига открыли молитвенный дом баптисты, за Татарским мостом открылась мечеть.

Гитлеровцы строго-настро-го запретили духовенству касаться в своих проповедях политики. Это было вызвано тем, что со стороны духовенства, особенно среди польских ксендзов, были неоднократные выступления с

*Красный костёл
св.Симона и св.Елены
в Минске*

антигитлеровскими проповедями. По этому случаю костелы в Минске одно время были закрыты, а ксендзы обоих костелов расстреляны.

Священнослужители получали зарплату и хлебные карточки в городской управе. Разрешалась продажа икон, свечей, крестиков, других культовых атрибутов.

Гитлеровцы принуждали все население к обязательному крещению детей и юношей до 15-летнего возраста. Очень часто люди вынуждены были крестить детей и менять советские имена на старинные русские или немецкие, чтобы получить на ребенка продовольственную карточку [57, лл. 88, 88 об.].

Разрешалось обучение детей религии. В Минске оно проводилось на белорусском языке. «Менская газета» за 12 октября 1941 года сообщила о первом причастии около 200 детей в кафедральном костеле: *«Выспаведаўшыся, прыгожа адзеўшыся, з сьвечкамі ў руках, з роднай беларускай песняй на вуснах прыступалі яны да Богага стала. Прыгожыя беларускія дзіцячыя сьпевы, а таксама прыгожае беларускае казаньне ксяндза — доктара Ст. Глякоўскага стварылі ў катэдры прыўзняты настрой»* [110].

16 августа 1942 года на Главной улице Минска торжественно открылся «новый» костел, в котором до войны большевики устроили театр юного зрителя. *«Пасьвячэньня даканаў ксёндз В. Гадлеўскі, які пасья адправіў імшу і сказаў адпаведнае мамэнту патрыятычнае беларускае казаньне. Патрыятычнае казаньне, як і ўся ўрачыстасьць, зрабіла на вернікаў вялікае ўражаньне і ўзбудзіла беларускія патрыятычныя пачуцьці»* — так писала об этом событии «Беларуская газета» [103].

С начала оккупации оживилась религиозная жизнь на Витебщине. Поскольку там преобладало православное население, наиболее активно возрождалась Православная Церковь. В числе первых начали действовать церкви в Витебске и д.Волковичи. В некоторых местах верующие по своей инициативе собирали средства на ремонт церквей. К концу 1941 года таким образом были отремонтированы 4 церкви в Витебском и 2 — в Лиозненском районах [54, л. 223, 223 об.].

К середине 1942 года в Витебской области действовали православные церкви: Свято-Покровская и Свято-Казанская в г.Витебске и около 20 церквей в селах и деревнях. Кроме православных, имелось около 10 старообрядческих общин. Однако на все православные церкви было только 8 священников, из них 6 в деревнях. По этой причине одному священнику приходилось совершать богослужения в двух и более приходах [53, л. 72].

УРАЧЫСТАЕ АДЧЫНЕНЬНЕ АДРАМАНТАВАНАГА КАСЬЦЭЛУ

У нядзелю, 16-га жніўня, адбылася ўрачыстасьць пасьвячэньня адрамантавага, гэтак званага «новага» касьцэлу, пры Галоўнай вуліцы. Гэты касьцёл бальшавікі былі перарабіўшы на польскі тэатр, а пасля на г. зв. «Тэатр Юнага Глядача».

Вялікі касьцёл і цьвінтар накол яго былі перапоўненыя вернікамі. Каля касьцельных загародаў—сялянскія фурманкі, людзі здалёк ехалі на ўрачыстасьць. У касьцэле на ганаровых месцах—прадстаўнікі тутэйшага беларускага каталіцкага грамадзяства на чале з старшынём гораду і начальнікам Менскага раёну.

Пасьвячэньня даканаў ксёндз В. Гадлеўскі, які пасля адправіў імішу і сказаў адпаведнае мамэнту патрыятычнае беларускае казаньне. Беларускі касьцельны хор і людзі спявалі беларускія касьцельныя песьні. Патрыятычнае казаньне, як і ўсім ўрачыстасьць, зрабіла на вернікаў вялікае ўражаньне і ўзбудзіла беларускія патрыятычныя пачуцьці.

Пасля ўрачыстасьці касьцельны

камітэт наладзіў сьціплую гарбатку, запрашаючы прадстаўнікоў тутэйшага каталіцкага беларускага грамадзяства.

Сябра касьцельнага камітэту Юльян Пятухоўскі падаў нашаму карэспандэнту шэраг інфармацыяў, якімі дзелімся з чытачамі.

Адрамантаваны касьцёл будаваўся ад 1905 да 1908 году. Фундатарам яго быў Адварды Вайніловіч, уласнік двара Саавічы на Меншчыне. Вайніловіч быў сьведым беларусам і цікавіўся беларускаю прашай. У 1918 годзе разам із Скірмунтам і Радзівіліхай Забытыўна ставіўся да тагочасных падзеяў беларускага адраджэньня.

— Бальшавікі нас, каталікоў-беларусаў, гвалтам упісвалі ў палікі. Пасля ператварэньня гэтага касьцэлу ў польскі тэатр яны зьбіралі подпісы ад кожнага каталіка ў тым, што ён будзе хадзіць у польскі тэатр. Але дарма, тэатр пуставаў, а калі часам і напавуўся, дык толькі жыдамі. А сяньня вось бяз подпісаў касьцёл ня можа зьмясьціць нашых людзей—закочыў сваю гутарку Пятухоўскі.

Статья в «Беларускай газэце» 20 августа 1942 г.

Немцы ввели для местного населения обязательное крещение и венчание. Тот, кто не выполнит это распоряжение, указывалось в одном из объявлений в г. Витебске, «будет считаться евреем или коммунистом и будет расстрелян».

Разрешалось издавать массовым тиражом изображения икон Божьей Матери, св.Николая Чудотворца и других, которые распространялись среди населения городов и деревень, продавались на базарах, в церковных киосках.

В состав местных органов оккупационной власти входили отделы, ведающие конфессиональными вопросами. Руководство церковными делами в Витебске возлагалось на церковный отдел

при городской управе. Деятельность этого отдела заключалась в подборе церковных кадров, организации работы церквей и даже составлении расписаний богослужений [53, л. 78].

Местные коллаборанты видели в церкви сильный фактор идеологического воздействия на массы населения и формирования мировоззрения у молодого поколения. Витебская газета «Новый путь» 5 апреля 1942 года писала: *«Церковь в России, как ни в какой другой стране, всегда стояла в стороне от политической жизни. Ее главной целью было нравственное воспитание людей, она же содействовала сохранению известной патриархальности в семье и в быту, сохранению добрых обычаев. Через церковь с раннего детства людям внушались понятия о добре и зле, основанные на христианской религии... К счастью, много еще осталось людей в России, которые несмотря на 24-х летнюю жизнь в советском аду, сохранили все то хорошее, что им было привито религией. С их помощью церковь будет работать над моральным оздоровлением и воспитанием молодого поколения в духе христианской морали, чтобы оно смогло стать достойным членом обновленной Европы»* [53, лл. 75-76].

В ином положении находился католический Костел. Его деятельность в некоторых районах Витебщины (Дриссенский, Лепельский, Ушачский) первоначально по неизвестным причинам была запрещена, что вызвало недовольство более чем «20 тысяч сильно полонизованных католицизмом белорусов, говорящих на белорусском языке, — отмечалось в сводке полиции безопасности и СД. — Это исключительно старые люди, которые выражают свое недовольство, так как среди молодежи склонность к католицизму до сих пор не наблюдается» [97, кадр 341].

В самом Витебске воинские части оборудовали здание под молитвенный дом для католических и протестантских богослужений. Это же здание использовалось затем верующими католиками, которые молились на польском языке и пели польские религиозные песни. Местное православное население по этому поводу говорило, что *«немцы снова доставили польских попов»* [92, лл. 13-14].

Осенью 1941 года в Полоцке возобновила деятельность прежняя иезуитская семинария. Во главе ее вновь стал польский иезуит Мирский. Однако все это шло вразрез с линией немецких оккупационных властей, стремившихся ни в чем не допускать влияния поляков, даже если они, как тот же Мирский, выдвигали на первый план борьбу против *«большевистской заразы»* [135, с. 165].

Деятельность Мирского во многом благоприятствовала возрождению католицизма. Он проводил акции от Полоцка, Горбачева, Невеля до Рукшениц на территории длиной до 70 километров, обслуживая до 10 тысяч верующих. Ежемесячно проезжал до 300 километров на подводах. Опорным пунктом душпаствырства стал костел св.Иосафата в Полоцке.

За период с июля по декабрь 1941 года 7 ксендзов из Глубокского деканата крестили 6892 человек, освятили 114 браков, исповедовали 5702 верующих, 39 человек перешли из православия в католицизм [196, s. 342].

Постепенно немцы стали препятствовать деятельности ксендзов. В сообщении кардиналу Мальоне от 14 февраля 1942 года Ялбжиковский жаловался, что генеральный комиссар Белорутении допускал к выполнению католических религиозных обрядов лишь священников русской и белорусской национальностей [135, с. 165].

Еще хуже было положение Костела на Могилевщине. Удар, нанесенный здесь большевиками, оказался настолько сильным, что в т.н. «Зоне армейского тыла» в период оккупации действовал лишь один костёл в Могилеве, настоятелем которого служил кс.Спыхальский. Зато действовали 42 православные церкви и 38 протестантских общин [48, л. 30].

Попытки возрождения католицизма в этом регионе предпринимались бывшим епископом Минско-Могилевской епархии Болеславом Слосканом, проживающим со времени оккупации в Аглоне крайза Динабург (Латвия).

22 сентября 1941 года он направил рейхскомиссару Остланда прошение, в котором сообщал, что в 1927 году его насильственно выслали большевики из СССР, и просил разрешения на поездку в Могилевскую и Минскую области. Рассмотрение вопроса, однако, было отложено до весны. 21 апреля 1942 года Слоскан направил повторную просьбу. На этот раз получил отрицательный ответ [65, лл. 30, 39].

В очередной раз оживить религиозную жизнь в восточных областях Белоруссии предпринял епископ Теофил Матулёнис, проживавший в то время в Ковно. 19 октября 1933 года его и 10 ксендзов Могилевской епархии большевики освободили из плена и путем обмена возвратили в Литву [166, s. 325].

Епископ Матулёнис, очевидно, надеялся, что оккупационные власти не станут препятствовать миссионерской деятельности католического духовенства в Могилевской епархии. 26 апреля 1942 года он направил генеральному комиссару Вильгельму Кубе пись-

мо, в котором дипломатично подчеркивал, что *«уже сейчас благодаря мужеству германского вермахта освобождены от большевистского рабства многие области, в которых проживают католики»*. Матулёнис просил Кубе, ссылаясь на желания католиков из всех частей Белоруссии, разрешить *«сейчас снова возвратиться в свои прежние места духовной деятельности, в Могилевскую епархию, освобожденную от ярма прежних безбожников-властелинов, чтобы работать духовниками среди живущих там католиков»* [65, лл. 11, 11 об.].

Письмо было рассмотрено во 2-м отделе генерального комиссариата. В посланном епископу ответе от 9 мая 1942 года Юрда по поручению Кубе сообщал: *«По достоинству оценивая основания для Вашего ходатайства, я пока не в состоянии разрешить Вам и Вашим священникам возвращение к месту прежней духовной деятельности»* [65, лл. 17-18, 27^а]. Аналогичное уведомление получил генеральный комиссар в Ковно и рейхскомиссар Остланда.

Немногочисленное католическое население восточных областей, тем не менее, полагало, что немцы и впрямь покровительствуют религии и обеспечат свободу всем вероисповеданиям. В немецкие учреждения поступали письма от католиков с просьбой прислать ксендза в пустующие приходы. Как правило, они переправлялись в вышестоящие инстанции для решения. Ответ обычно был отрицательным.

Так, 19 сентября 1942 года местная комендатура города Мстиславля, *«идя навстречу пожеланиям населения»*, просила гражданского губернатора Белоруссии *«направить оттуда римско-католического священника с постоянным проживанием в Мстиславле»*. В ответном письме за подписью Юрды говорилось, что *«предоставление духовного попечительства верующим всех конфессий является исключительно делом церковного управления и не входит в задачу моего учреждения, равно как и не представляет особый государственный интерес»* [62, лл. 16-17].

На всем протяжении оккупации католический Костел в восточных областях Белоруссии так и не сумел обрести полноценной жизни.

Трагическое положение Костела в Пинском диоцезе, вошедшем в рейхскомиссариат Украина, описывал в своих посланиях в Ватикан польский кардинал Аугуст Хлонд. *«Диоцезиальный епископ, который выехал во Львов на лечение по случаю тяжелой болезни, не может получить от оккупантов согласия на возвращение в Пинск, — писал он. — Немцы все делают для того, чтобы*

как можно успешнее ликвидировать католические позиции как латинского, так и византийского обряда. Диоцезиальное руководство эффективно устранено, костельная жизнь дезорганизована и католицизму угрожает скорое уничтожение на этих землях, на которых понес мученическую смерть за веру и единство Костела святой Андрей Боболя».

Кардинал, очевидно, владел информацией со всей Белоруссии. На основании этого он сделал выводы о трагической ситуации Костела на занятых немцами территориях: *«Вне Виленского округа католический Костел на этих землях обречен на быстрое отмирание. За счет католицизма поддерживается на каждом шагу православие, которое стало послушным орудием в руках оккупантов. Но, по правде, уничтожение католицизма не происходит здесь таким кровавым способом, как в Генеральном Губернаторстве, но оно изощреннее и последовательнее, чем во времена русификации этих земель более ста лет назад при царе Николае I, а затем Александре II. Католический Костел не имеет здесь никаких прав. Закрываются приходы. Костелы передаются православным или заменяются на военные склады. Почти полностью уничтожается монашество»* [123, s. 39-40].

Вскоре такое отношение к Костелу стало почти повсеместным. Верующие в большинстве своем не пошли за немцами, несмотря на то, что некоторые представители духовенства, особенно на первых порах после прихода немцев, призывали население поддерживать немецкие порядки. По мере того, как для населения, в том числе и для верующего, становилась все более очевидной человеконенавистническая сущность оккупационной политики, оно все более ненавидело оккупантов. Во враждебную позицию по отношению к немцам становилось и католическое духовенство.

«Восточная миссия» Ватикана: цели и результаты

Наступление немцев по всему советско-германскому фронту, оккупация в короткие сроки значительной части советской территории пробудили у Ватикана надежду на восстановление и укрепление позиций католицизма на Востоке.

Для миссионерского обслуживания оккупированной части Белоруссии (Минской и Могилевской областей) Апостольской столицей через нунция в Берлине назначался Виленский архиепис-

коп Ромуальд Ялбжиковский. Еще до нападения Германии на Советский Союз 17 июня 1941 года он направил в Рим прошение о предоставлении ему для духовной опеки бывших белорусских епархий в Минске, Могилеве, Пинске и Полоцке.

20 сентября 1941 года через апостольского нунция в Берлине Ялбжиковский получил от высшей римско-католической инстанции чрезвычайное полномочие Святейшего Престола о взятии под духовное попечительство оставшиеся без ксендзов костелы в восточных областях. В письме нунция сообщалось, что католическая миссия в России из Минска, Могилева, Саратова и Украины должна продвигаться дальше на восток [96, кадры 214-215].

То, что Ватикан заботился о «восточной миссии», показывает и сообщение кардинала Тиссерана кардиналу статс-секретарю Мальоне от 20 ноября 1941 года об официальном назначении Прием XII четырех экзархов для всей территории Советского Союза, предложенных митрополитом Шептицким [135, с. 165].

Еще до официального распоряжения из Ватикана в конце июля 1941 года в Минске появился первый посланник синода католической «восточной миссии» кс. Виктор Рыбалтовский из Вильно. Очевидно, он получил задание архиепископа Ялбжиковского изучить обстановку и возможности для миссионерской работы. Направляя кс. Рыбалтовского, Виленская митрополия рассчитывала на поддержку ксендзов-миссионеров белорусской католической эмиграцией в белорусском управлении (БНС). Не случайно, видимо, кс. Рыбалтовский был протезирован доктором Тумашем, в то время бургомистром Минска. Однако вскоре кс. Рыбалтовский был арестован немцами и удален из Минска.

Но даже после его устранения Виленская епархия продолжала направлять специальных посланников для проведения духовной работы. Вскоре в Минске появился ксендз Станислав Гляковский с письмом Виленского Белорусского комитета за подписью профессора Вацлава Ивановского и с визой на въезд немецкого коменданта Вильно. Он имел задание взять под попечительство и духовное обслуживание местных католиков. Кс.С.Гляковского тоже протезировал д-р Тумаш и немецкий католический священник вермахта в Минске (фамилия неизвестна) [97, кадры 213-214]. Вслед за кс. Гляковским с визами на въезд, подписанными комендантом Вильно, прибыли в Белоруссию и получили от тогдашнего коменданта полевой комендатуры города Минска разрешение на отправление духовной службы еще несколько ксендзов.

О замыслах Ватикана, несомненно, стало известно спецслужбам Германии. Ими отслеживалась деятельность Апостольской столицы, ее связь с католическими структурами на оккупированных территориях. В секретной брошюре немецкой службы безопасности, изданной в июле 1941 года, говорилось, что в руководящих кругах римско-католической церкви господствует убеждение, будто решительная борьба советских коммунистов против православной церкви привела к значительному ослаблению последней, и это создает предпосылки для духовного восстановления римско-католической церкви в России после того, как будет свергнута советская власть. Подготовкой к этому «восстановлению» занимается ватиканская восточная миссия. Но, сказано в заключении, *«нужно помешать тому, чтобы католицизм, воспользовавшись новыми условиями на русской территории, завоеванными ценой немецкой крови... не стал подлинным победителем в этой войне»*. Такова была официальная точка зрения Третьего Рейха. Гитлер не желал делить победу ни с кем, особенно с Ватиканом [135, с. 162].

О «восточной миссии» были информированы немецкие спецслужбы и оккупационные власти Белоруссии. Гитлеровцы полагали, что *«в дальнейшем следует рассчитывать на усиленное возрастание активности римско-католической работы и, значит, на усиление польской активности»* [97, кадры 215-216].

В одной из немецких сводок отмечалось: *«Наряду с большой профессиональной опасностью эти польские католические ксендзы являются сильной опорой организуемого польского движения Сопротивления, которое инспирируется польским духовенством через назначенных вермахтом и гражданским управлением польских административно-управленческих чиновников и польских крупных землевладельцев, въезд которых во многих случаях легализован вермахтом»*.

Вскоре в руки немецких спецслужб попали документы, проливающие свет на «восточную миссию». В сообщении полиции безопасности и СД лаконично сообщалось об изъятии разработанного виленским епископом плана *«замещения должностей подчиненных виленскому митрополиту областей»*. Этот план *«смогли получить от нелегально въехавшего католического ксендза Глебовича, который, будучи уполномочен курией в Вильно, окончив восточный семинар в Риме, доцент апологетики, намеревался проводить великопольскую пропаганду от моря и до моря и даже глубоко в Белоруссии»* [97, кадры 214-216].

Немцы полагали, что Виленская курия действовала согласованно с польскими подпольными структурами и получала от них поддержку в проведении миссионерской деятельности. *«Наряду с духовной работой римско-католической церкви из Вильно аналогичная работа проводится из генерал-губернаторства, — сообщила полиция безопасности и СД в сводке за ноябрь 1941 года. — Здесь особенно усердствуют назначенные вермахтом и гражданским управлением в западной части Белоруссии польские бургомистры, которые не уступают своим римско-католическим ксендзам и смогли активизировать практическую работу. Со всех частей территории Западной Белоруссии поступают сведения о появлении польских католических священников»* [97, кадр 213]. Эти предположения подтверждались гитлеровцами неоднократно.

В «Сводке событий из СССР» от 12 января 1942 года полиция безопасности и СД сообщила: *«В тесном взаимодействии с чисто польскими подпольно действующими шовинистическими элементами находится замаскированное под «восточную миссию» наступление католицизма на территорию Белоруссии. Официальное руководство находится в руках Виленского митрополита Ялбжиковского, который свою миссионерскую деятельность в Белоруссии обосновывает изданным папством и пересланным через папского нунция в Берлине поручением. Он уже направил многочисленных польских католических духовников в облюбованные ими места в Белоруссии, которые, переодевшись крестьянами, на обычных повозках прибыли сюда в Белоруссию.*

Предположительно при создании католической церкви в Белоруссии они старались исключить влияние национально-преданных кругов» [99, кадр 723556].

Трудно говорить о результативности миссионерской деятельности тех немногочисленных ксендзов, которые заведомо знали, что жертвуют собственной жизнью, отправляясь в столь опасное путешествие. В ноябре 1941 года полицией безопасности и СД были расстреляны как польские агенты ксендзы Генрик Глебович, Станислав Гляковский. Такая же участь постигла кс. Дениса Мальца, Казимира Рыбалтовского [69, л. 1].

Репрессии гитлеровцев в отношении миссионеров не остановили «восточную миссию». Виленская курия продолжала направлять ксендзов в свободные приходы Минско-Могилевской епархии. В марте 1942 года в Койданово появился кс.Альфред

Комовский с удостоверением, подписанным канцлером курии, для службы в качестве викария Койдановского прихода. Гебитскомиссар Минского округа потребовал его немедленного возвращения в Вильно. Это был не единичный случай *«нежелательной деятельности римско-католического духовенства в старых советских областях Белоруссии»*. По просьбе Юрды начальник гарнизона СС и полиции Вильно через виленское СД в марте 1942 года получил указание в дальнейшем не выдавать паспорта римско-католическому духовенству, направляемому в Белоруссию по заданию архиепископа Ялбжиковского [65, лл. 22-24].

«Восточная миссия» не достигла своей цели. Усиленное проникновение католических миссионеров на территорию Белоруссии вызывало у немцев опасения, что распространение католицизма повлечет за собой проникновение на восток польского влияния. *«С принципиальной точки зрения следует подчеркнуть, что если ортодоксальное население всегда чувствует себя белорусами или, по меньшей мере, русскими, то национальное самосознание белорусов римско-католического вероисповедания даже на исконно русской территории и вопреки родному белорусскому языку было польским. Причина этого, вполне понятно, кроется в том факте, что римско-католическая восточная миссия была инспирирована поляками и церковная служба в костелах, например, даже сейчас в Минске, совершается на польском языке. При умелом подключении ксендзов белорусского происхождения римско-католическая церковь пытается начать проводить свою духовную деятельность в тылу немецких войск, тем более, что белорусское население в своей духовной примитивности зависит от церкви, а православных священников в распоряжении не имеется»* [97, кадр 213]. Таково было заключение оккупантов.

В конце концов гитлеровцы решили устранить от должности самого виленского архиепископа Ромуальда Ялбжиковского. На него имелось достаточно компромата. Епископ не устраивал их принципиально. Он не поддержал оккупационный «новый порядок», не проявлял инициативы к сотрудничеству с гитлеровцами. Помимо того, он вызывал недовольство в руководящих кругах Генерального комиссариата еще и тем, что *«с 1925 года, когда он был назначен в Вильно, целеустремленно и сознательно через церковь подавлял самосознание белорусов. Имевшиеся немногие белорусские священники были изгнаны из своих приходов, и церковь всеми средствами содействовала ополячиванию белорусов»* [97, кадры 223-224].

22 марта 1942 года архиепископ Ялбжиковский вынужден был покинуть Вильно и в сопровождении своего канцлера отправиться в монастырь в Мариамполе. Отъезд произошел тихо, незаметно, без сенсаций и без происшествий [86, л. 27]. Новым епископом Виленского архидиоцеза с согласия оккупационных властей стал литовец Мечислав (Мечиславас) Рейнис.

В отчете за декабрь 1942 года о положении дел на занятых восточных территориях германские спецслужбы подводили своеобразный итог «восточной миссии»: *«Архиепископ Вильно Ялбжиковский, известный представитель активного польского национализма, развернул наступление по католизации белорусской территории. Предусмотренные для Слонима и Могилева миссионерские духовники оперативной группы полиции безопасности и СД были выявлены еще в Минске и выдворены»* [98, кадр 226698].

В ликвидации гитлеровцами «восточной миссии» отразились подлинные отношения Третьего Рейха к Ватикану и католическому Костелу.

Благотворительная деятельность. Помощь евреям

Благотворительная деятельность Костела является свидетельством проявления христианской морали, добродетели, милосердия. Особое значение она приобретает в трудные периоды, когда тысячи и тысячи людей попадают в тяжелые жизненные обстоятельства, когда возникает необходимость помощи и спасения наиболее нуждающихся, особенно детей, престарелых, беженцев, лишенных крова и работы, заключенных в лагерь, не имеющих средств к существованию, укрывающихся от преследований, их семей и т.д. Повсеместная посильная помощь попавшим в беду, независимо от национальности, вероисповедания и политических взглядов становилась одной из целей благотворительности Костела.

Ярким проявлением этой миссии Костёла стала кратковременная деятельность в Гродно благотворительной организации «Гражданский комитет помощи жертвам войны». Комитет был создан 14 августа 1941 года с разрешения коменданта города. Инициатива исходила от католического декана ксендза-профессора Альбина Ярошевича, возглавившего комитет. В него вошли Иван Рей, вице-бургомистр, заместитель председателя, Иосиф Вевюрский, секретарь, Георгий Боришкевич, благочинный православного собора, Роман Савицкий, бывший вице-президент

Гродно, Вагнер, торговец, Мария Чаплинская, Янина Гальская, бывшие учительницы польской школы, Антон Шаполович, адвокат [2; 6, л. 30].

Деятельность комитета находилась в поле зрения местного городского комиссара. С его разрешения комитет выпустил 4 звонания к населению города. Задачей комитета, говорилось в одном из них, являлось *«оказание помощи наиболее пострадавшим от войны — в первую очередь, преследовавшимся при советской власти и их семьям, погорельцам и всем оставшимся в живых без продовольствия и работы. Комитет образован для того, чтобы все граждане города, которые сейчас находятся в трудных условиях, однако не все одинаково страдают от нужды, ибо среди них есть безработные, у которых нет ни куска хлеба для себя и своих детей, помогли самым бедным найти заработок и продовольствие»* [6, л. 36].

Комитет рассчитывал найти понимание и поддержку не столько у оккупационных властей, сколько у населения, имеющего хоть какие-то средства к существованию. *«Движимые чувством сострадания, давайте внесем свой вклад в комитет по пожертвованиям самым бедным и самым нуждающимся, — говорилось в обращении от 2 октября 1941 года. — Наш долг прийти к ним на помощь, защитить их от голодной нужды и зимних холодов. Все должны внести свой вклад и предложить в зависимости от своих возможностей деньги, продукты питания, одежду, обувь и другие незаменимые вещи»* [6, л. 32].

Комитет состоял из 5 секций: мебельная, продовольственная, денежная, одежды, топлива. Средства изыскивались как за счет сбора у населения на улицах, в магазинах, учреждениях и других общественных местах, так и добровольных пожертвований. Комитет располагал небольшой денежной суммой — около 10 тысяч рублей добровольных взносов граждан. Сюда поступали заявления горожан, потерявших кормильцев, погорельцев, сирот, репрессированных органами советской власти. В поле зрения комитета находилось около 900 семей [2; 6, л. 30–31].

Помощь нуждающимся оказывалась независимо от национальности и вероисповедания — деньгами, продовольствием, дровами, одеждой и бельем, которые передавались по распоряжению гебитскомиссара со складов, захваченных немцами при отступлении советских войск, а также за счет добровольных пожертвований граждан. Однако вскоре немцев стала беспокоить активность комитета, и в начале октября городской комиссар Штейн направил

кс. А.Ярошевичу письмо, в котором потребовал прекратить благотворительность и распустить комитет, «а в будущем отказаться от проведения мероприятий, выходящих за рамки церковной деятельности» [6, л. 29].

В некоторых приходах Гродненского деканата в феврале 1942 года ксендзы под видом колядования попытались провести сбор продуктов питания. Возможно, они предназначались нуждающимся людям. Об этом стало известно гродненскому крайкомиссару фон Плетцу. В письме от 16 февраля декану кс.Альбину Ярошевичу он потребовал незамедлительно прекратить сбор продуктов питания и предложил (по усмотрению) заменить его денежным [6, л. 25]. Скрытие продуктов питания расценивалось немцами как тягчайшее преступление. Это объяснялось острой нехваткой продовольствия, строго нормированным его распределением по карточкам.

Весной 1942 года немцы арестовали ксендзов Гродненского деканата Антона Яскельда и Антона Гридгорда из д. Ратница за укрытие «продуктов питания и предметов потребления». Возможно, продукты предназначались польским партизанам или бедствующему населению — в деле об этом сведений нет. Ксендзов оштрафовали на сумму 2 тысячи марок. Однако они штраф не выплатили и сбор продолжали. За это вновь были арестованы 25 августа 1942 года и доставлены в Гродно в полицейскую тюрьму. Гродненский амтскомиссар потребовал к провинившимся высшей меры наказания. Начальник СС и СД Белостокского округа в марте 1943 года направил обоих ксендзов в концлагерь [9а, лл. 36-37, 44].

Католический Костел разделял судьбы людей, попавших в беду. Незаметную, но очень нужную повседневную благотворительную помощь оказывали людям сёстры-назаретянки в Новогрудке. Они помогали материально местному населению, оставшемуся без средств к существованию. Их помощь касалась не только поляков, но также евреев и всех нуждающихся. К весне 1943 года они организовали хор, который пел во время богослужений, подготовили три группы детей к Первому св. Причастию. В тяжелых условиях гитлеровского режима жители Новогрудка искали утешения в Фарном костёле, который стал для многих символом надежды [155, с. 10-11]. Сёстры-монахини женского монастыря в Кобрине Брестской области, настоятельницей которого была Сыпиевская, содержали на воспитании около 20 детей-сирот [48, л. 23].

Помощь терпящим бедствие людям была сопряжена с огромным риском для жизни. И все же на это шли многие Слуги Костёла, невзирая на опасность.

Ксендз Бернард Ковалевский во время войны служил настоятелем костела в д. Николаево Плисского района. Во время немецкого наступления был разбит детский дом, дети разбежались. Голодные и раздетые, они ходили по домам, прося милостыню и приют. Двое как-то пришли к ксендзу. Он приютил сирот. Одному из них помог устроиться у местного жителя Ксаверия Предкеля, а другой, по имени Янек, остался у ксендза и служил ризничим. Через два года ксендз Ковалевский переехал в Задорожье. По ночам к нему заходили партизаны, он их кормил, снабжал одеждой, обувью, лошадьми. Вскоре к партизанам ушел и Янек.

Почти год у ксендза Ковалевского проживали беженцы из Великих Лук — семья советского партизана: жена Александра Алексеева и их дети Петя и Вася, 8 и 12 лет. Кто-то донес, что ксендз приютил партизанскую семью. Вскоре приехали немцы и забрали мать. Ксендз поехал в Плиссу и упросил немцев не расстреливать ее. Мать направили в Боровуху работать на кухню, а дети всю войну прожили у ксендза. После войны они вернулись к родителям в Великие Луки.

Около 4 месяцев ксендз прятал на хуторе Гойдушево, в 4 километрах от Задорожья, двух еврейских детей — Михалка и Галину Лекаго. Их родители убежали из Лужек от расстрела. Когда полиция в Плиссе узнала, что ксендз из Задорожья укрывает еврейских детей, их срочно пришлось переправлять в партизанский отряд [78, лл. 28-30].

Наиболее сложным делом, сопряженным с огромным риском и опасностью для жизни, была помощь евреям. Очевидно, что речь не шла о широкой благотворительной поддержке ввиду той политики геноцида, которая проводилась немцами по отношению к евреям. В тех экстремальных условиях можно было помогать лишь отдельным лицам или семьям, детям в укрывании их за пределами гетто. Известны случаи, когда в костелах и монастырях находили убежище целые еврейские семьи.

Моральную и материальную опеку получали евреи во время их пребывания в гетто. От преследований скрывали евреев ксендзы Ян Селевич из Ворнян и его викарий Ипполит Хрустель, Владислав Кашчиц, настоятель прихода в Вороново, Юзеф Обремский, викарий из Тургелей, Павел Чеслав Бобулевич, настоятель

прихода в Наче и другие. Ксендз Болеслав Грамз, настоятель прихода в Идолте Миорского деканата, проводил тайное обучение религии, укрывал евреев в подвале около плербани. По доносу был арестован 7 июня 1944 года и впоследствии замучен власовцами [196, s. 352-355].

Ксендз Альбин Горба из д. Межеричи Зельвенского района выдавал евреям справки, что они являются поляками. Наиболее нуждающимся ксендз помогал продуктами и деньгами. Некоторое время у него нелегально проживал оказавшийся в окружении советский боец [1].

Ксендз Казимир Гроховский по настоянию немцев некоторое время был бургомистром Слонима. Использовал свое положение для контактов с евреями, оказывал посильную помощь, выписывал метрики, в которых указывал другую национальность. В апреле 1942 года был арестован, находился в тюрьме в Слониме и Барановичах, впоследствии расстрелян.

За помощь и укрывательство евреев погибли ксендзы Витольд Саросек из Кундина, иезуит Адам Штарк из Слонима, молодечненский декан ксендз прелат Кароль Любянец [196, s. 352-355].

Менее всего известно фактов о помощи католического духовенства советским партизанам. Это объясняется, возможно, более тесной связью ксендзов с Армией Крайовой, а также тем, что такая помощь проводилась тайно. Партизанские документы, хранящиеся в Национальном архиве Беларуси, вскользь упоминают о благосклонном отношении католических священнослужителей к советским партизанам. Так, ксендз Иван Завистовский из города Миоры Полоцкой области поддерживал связь с народными мстителями. Ксендз не только снабжал партизан продовольствием, но и передавал сведения о немцах. Очевидно, у фашистов возникли подозрения, и ксендз Завистовский был арестован, но из-за отсутствия улик вскоре выпущен [49, л. 35].

Глава 5 КАТОЛИЧЕСКИЙ КОСТЁЛ В ОКРУГЕ БЕЛОРУТЕНИЯ

Религия и церковь в планах белорусских национальных деятелей

С началом гитлеровской оккупации в Минск стали съезжаться эмигранты-белорусы, в большинстве своем католики. Будучи за границей, они не теряли надежду на создание белорусского государства, независимого от России и Польши. Гитлеровская оккупация Белоруссии ими была воспринята как исторический шанс реализации своих планов.

Гитлеровцы не отказывались от услуг новоявленных белорусских деятелей, но держали их под постоянным контролем. Красноречивая оценка новыми властями бывших политэмигрантов дается в документах гитлеровских спецслужб. По их мнению, *«белорусская интеллигенция, которая в основном концентрируется в Минске, с самого начала полностью настроена пронемецки. Эта интеллигенция, которая в результате проводимой Польшей политики угнетения белорусского народа в прошлых столетиях, а в последние 150 лет со стороны Великобритансии сохранилась лишь в мизерном количестве и вынашивает старую белорусскую традицию возрождения многочисленных княжеств еще домосковского периода. Самостоятельная Белоруссия — их мечта, причем в связи с Германией. Они надеются на государственное образование подобное словацким государствам. Так как подобное государство может быть создано только с помощью Германии, то с самого начала было понятно пронемецкое настроение этих кругов»* [88, лл. 9-10].

И еще один немаловажный фактор, ведущий к альянсу белорусских деятелей с оккупантами. Гитлеровцы столкнулись со сложным переплетением проблем и противоречий — экономических, национальных, религиозных и иных, разрешить которые (в интересах Рейха, несомненно) без опоры на местный элемент представлялось делом весьма трудным и сомнительным. Со своей точки зрения положение в Белоруссии гитлеровцы оценивали как *«наиболее сложное среди всех четырех регионов рейхскомиссариата по Восточным землям»*. Причину усматривали в *«жизни Белоруссии под Польшей и большевистским игом в течение двадцати двух*

лет... Если в Западных областях Белоруссии поляки пытались искоренить жизнь белорусов как нации, то в Восточных этого же добивались большевики. А последние к тому же уничтожили до основания экономическое благосостояние региона» [73, лл. 59-60].

Немногочисленная белорусская интеллигенция, проявившая готовность к сотрудничеству с гитлеровцами, видела в этом шанс «пробудить» национальное самосознание белорусов, развивать национальную культуру и образование, обеспечить «годные места» белорусскому народу в «новой Эўропе» под покровительством «великой Германии».

Важная роль в реализации этих замыслов отводилась религии и церкви. Весь период активной деятельности этой группы белорусских интеллигентов религиозные проблемы выставлялись в числе первоочередных и тесно увязывались с проблемами национальными и политическими.

Стремясь привлечь всеобщее внимание, их постоянно выносили для обсуждения на страницы белорусскоязычных изданий. На все лады превозносился «новый порядок», благодаря которому «*пад аховай пераможнага войска Нямеччыны закладваюцца падвалі новага беларускага гаспадарства*». Охаивались «*звечныя ворагі беларусаў*» Польша и Россия: «*Імкнучыся да завалоданьня як найбольшай часткай Беларусі, і Маскоўшчына і Польшча думалі ня толькі аб завалоданьні зямлёю, але й людзьмі — мала што людзьмі — душою гэтых людзей*, — писал некто В.Тройца в «Менской газэце» 11 декабря 1941 года. — *I Польшча й Маскоўшчына імкнуцца зрабіць з беларуса паляка, другая — маскаля*» [112].

Поляки и русские обвинялись в денационализации белорусского народа. «*Для гэтай мэты яны не сароміліся нават выкарыстаць аўтарытэт царквы й касьцёлу, як сродкаў русыфікацыі й полёнізацыі*, — писал в «Менской газэце» один из белорусских лидеров Владислав Козловский. — *Служачы такім мэтам, як царква, так і касьцёл для беларускага народу былі ня толькі бескарысныя, але ў вялікай ступені шкодныя*» [111].

Вопреки здравому смыслу и исторической логике белорусские деятели считали, что в Белоруссии нет поляков, а есть ополяченные белорусы католического вероисповедания, и поэтому делили людей на белорусов-православных и белорусов-католиков. Вина за такую путаницу возлагалась на «*расейскіх царскіх чыноўнікаў*», которые «*разам і з расейскім духавенствам уважалі, што добрым расейцам можа быць толькі праваслаўны*. Думаючы гэтакімі пры-

мітыўнымі катэгорыямі, — рассуждал Вл. Козловский, — яны чыстакроўных беларусаў, якія вызнавалі каталіцкую веру, залічалі да палякаў, і толькі тады, калі гэтакі «паляк» прыймаў праваслаўе — ён раптам рабіўся ў вачох гэтых чыноўнікаў расейцам, ці «тожэ белоруссам» [103].

Белорусские деятели категорически отрицали идентичность национальности и вероисповедания. *«Некаторыя, можна сказаць, яшчэ цёмныя людзі мяшаюць нацыю з рэлігіяй, — утврждаў тот же Вл.Козловский. — Прыкладам, беларус–каталік часта сябе называе польскім, толькі дзеля таго, што ёсць каталіком, а беларус–праваслаўны называе сябе рускім толькі таму, што ёсць праваслаўны» [109].*

В полонизации белорусов обвинялись также польские миссионеры. Католические ксендзы *«вучылі беларусаў, якія прынялі каталіцтва, маліцца па-польску і нават самую веру называюць польскай верай, ... такім чынам беларусы–католікі пачалі пакрысе палянзавацца і нават да сянняшняга дня яшчэ шмат мала сьведамых людзей называюць беларусаў–католікаў палякамі» [102].*

Католический Костел и Православная Церковь, в зависимости от того, кто использовал их в политических целях — поляки или русские, выступали, по мнению белорусских деятелей, орудием либо полонизации, либо русификации белорусского народа. В новых условиях представлялось исключительно важным освободить и Костел, и Церковь от «чуждых влияний» и направить их усилия в русло национального возрождения.

В период немецкой оккупации выделилась группа религиозных деятелей, известных не столько своей душпастырской, сколько политической деятельностью. Для них проблемы религии и нации составляли единое целое. В религии они видели прежде всего средство решения национального вопроса в Белоруссии [156; 157].

Осенью 1941 года в Минск прибыл ксендз Винцент Годлевский, известный белорусский религиозный деятель, борец за «белорусский» Костел. В Минске он занял должность школьного инспектора в только что созданной Белорусской Народной Самопомощи (БНС), возглавляемой доктором Иваном Ермаченко.

Приезд ксендза Годлевского значительно оживил религиозную жизнь в Минске. Однако на первом плане у него были не религиозные проблемы, а национальные, политические. Короткий отрезок времени пребывания ксендза Годлевского в Минске, судя по сохранившимся документам, был периодом его активной подвижнической деятельности, в центре которой стояла национальная

идея [162]. Ксендз Годлевский поддерживал тесную связь с Белорусским комитетом в генерал-губернаторстве, штаб-квартира которого находилась в Варшаве.

26 сентября 1941 года Белорусский комитет направил меморандум апостольскому нунцию в Берлине. Его подписали председатель комиссии по католическим делам Янка Гапанович, члены комиссии д-р Янка Станкевич, ксендз П. Татаринович и ксендз В. Годлевский. Желая привлечь внимание папского престола, деятели комитета представили мрачную картину положения белорусского католического населения и ксендзов-белорусов *«в бывших польских областях... и на территории бывшей Советской Белоруссии»*. Не преминули при этом воздать хвалу немецкой армии, благодаря *«победоносному*

Ксендз В. Годлевский

продвижению» которой на Восток создаются *«угнетенному населению снова мир и возможность новой жизни»*.

Суть этого послания сводилась к тому, что *«этот народ (т.е. белорусский — Э.Я.) должен получить собственное духовенство высшей и низшей ступени, а также церковную митрополию в генеральном комиссариате Белоруссии»*.

В меморандуме содержались конкретные предложения: *«1. Создание на территории генерального комиссариата Белоруссии архиепископства с резиденцией в Минске и епископатов в Гродно (возможно в Слониме) и Могилеве и назначение трех белорусских епископов. 2. Назначения для других уже существующих или создаваемых епархий (Виленской и Белостокской) «белорусских вспомогательных епископов»*.

Предлагались и кандидаты на эти должности: ксендз-магистр Фабиан Абрантович, ксендз Андрей Цикота, ксендз Иосиф Германович из отцов-мариан, ксендз Ремец, ксендз Бетто, прелат соборного капитула в Ломже, ксендз Татаринович из Пинской епархии и ксендз Ольшевский из Рижской епархии. До создания духовной иерархии на территории Генерального комиссариата Белорутении

комитет просил *«назначить для этих областей апостольского викария или дать соответствующие полномочия кому-либо из белорусских ксендзов»* [65, лл. 10-12].

Вероятно, папский нунций по каким-то причинам не дал ответа. Не исключено, что письмо попало в руки немецких спецслужб. Во всяком случае, копия его вместе с указом рейхминистра по занятым восточным областям от 9 февраля 1942 года была направлена гауляйтеру Кубе. В документе отмечалось, что *«вытеснение польского клерикального влияния в Белоруссии необходимо, несмотря на то, что все же создание белорусского католического епископата для этого кажется необходимым»* [65, л. 9].

Проблема польского клерикального влияния беспокоила и оккупационные власти Белоруссии. Однако при этом они крайне негативно восприняли усилия Белорусского комитета в генерал-губернаторстве и его предложения реорганизации католического Костела. *«Интересы страны и народа Белоруссии после приема под гражданское управление может представлять исключительно генеральный комиссар Белоруссии, — сообщалось в ответном письме II отдела рейхкомиссару Остланда. — Я предлагаю при правительстве генерал-губернаторства добиться мероприятий, которые в будущем сделают невозможным Белорусскому комитету в генерал-губернаторстве непосредственно обращаться с ходатайством к апостольскому нунцию в Берлине. Инициативы Комитета в церковно-политическом отношении целесообразно всегда направлять генеральному комиссару Белоруссии».*

Руководство Белорутении в тот момент считало, что реорганизация римско-католической церкви *«не соответствует церковно-политической необходимости и пользе... возобновление деятельности римско-католической церкви может быть желательно только в чисто католических областях Белоруссии, в восточных областях ... с самого начала путем соответствующих мероприятий она должна быть запрещена»* [65, л. 21].

Что касается «настоятельной необходимости» вытеснения польского клерикального влияния, то в письме говорилось, что *«достижение этой цели в духе указа г-на рейхминистра по занятым восточным областям от 9.2.1942 вполне возможно без создания белорусского римско-католического архиепископства. Будет достаточным создание апостольского викариата с резиденцией из областных центров Западных римско-католических областей. Минск — как резиденция администратора также нежелателен, как и создание архиепископства в Могилеве или Гродно».*

Из этого следовал вывод: «в интересах организационного развития церковной жизни Белоруссии кажется необходимым общую реорганизацию церкви отложить до окончания войны» [65, л. 21].

И все же держать постоянно в поле зрения деятельность Костёла гитлеровцев вынуждали складывающиеся обстоятельства. Немецкие спецслужбы отмечали возросшую с первых дней оккупации и продолжающуюся активность римско-католического Костела не только среди польского, но и белорусского населения: «В политическом отношении такая деятельность вызывает сомнение, так как установлено, что под воздействием этой церкви белорусы римско-католического вероисповедания выдают себя за поляков. Кроме того, римско-католическая Церковь пытается использовать в своей деятельности привезенных нами (т.е. немцами — Э.Я.) из Варшавы эмигрантов, частично являющихся католиками, как, например, доктор Тумаши в Минске. Далее планируется перевести орден белорусских братьев из Марианского собора, находящийся в настоящее время в Варшаве, в прежнее место его пребывания в Друе».

На первое время для ограничения влияния Костела оккупационными властями предполагалось «воспрепятствовать въезду римско-католического духовенства в Белоруссию, а если же таковые духовные лица уже приехали, то под благовидным предлогом возвратит их обратно; ограничить деятельность оседлых римско-католических священников приходом по месту жительства, запретить поездки в другие населенные пункты под предлогом их личной безопасности; проверять белорусских эмигрантов, прибывших в Белоруссию и которые еще придут, особо проверять в отношении их связей с римско-католической Церковью и вести наблюдение за ними; всячески содействовать активизации деятельности Православной Церкви, для чего назначать прежде всего белорусских православных попов; предпочтительное назначение белорусских национальных сил на руководящие административно-управленческие должности в бывших польских областях и постепенное вытеснение и замена ими поляков...» [90, лл. 103-105].

«Историческая необходимость» белорусизации Костёла

Проблема освобождения Костёла из-под польского влияния занимала видное место в планах белорусских деятелей. С ее позитивным решением связывались большие надежды на nive на-

ционального возрождения. Кроме того, белорусизацией Костела можно было вытеснить поляков и «расейцаў». Однако, чтобы в глазах общественного мнения это выступало более весомо, белорусские деятели пытались обосновать свои действия исторически.

В Национальном архиве сохранился любопытнейший документ — доклад Юрия Соболевского «Дело политики римско-католического костела в Белоруссии». Очевидно, в его подготовке участвовал ксендз В.Годлевский. Документ выдержан в лучших традициях белорусской христианской демократии и представляет собой попытку исторического анализа роли Православной Церкви и католического Костела в судьбах белорусского народа.

В докладе говорилось, что Россия и Польша еще с XV века вели борьбу за политическое влияние на Белоруссию. Результатом этой борьбы, деятельное участие в которой принимали Православная Церковь и католический Костел, стало причисление православных белорусов к русским, а католиков — к полякам. *«Белорусский католик, слыша ежедневно с польской костельной трибуны прославление и возвышение поляков и злословия по адресам белорусизации, постепенно начал придерживаться этих взглядов, — отмечалось в докладе. — В дополнение был выпущен усилительный момент — материальной пользы: ополячивание и окатоличивание давали большую пользу в получении должностей, приобретения имущества и всяких материальных льгот».* Далее констатируется, что мощным противодействием «принудительного ополячивания» выступил белорусский ксендз, который *«использовал костельный амвон, употребив все свои авторитетности, и развернулась жесткая борьба против ополячивания на территории костела».* Белорусские ксендзы *«проявили чрезвычайную стойкость, отбросили наибольший компромисс, организовали прессу и до последнего часа служили делу национальной концентрации сил, смело шли на судебные политические процессы и таким образом заработали высокий авторитет как национальных борцов не только среди католического населения, но и среди православных и магометан (православное духовенство в противовес им было услужливое и авторитетом как национальных борцов не пользовалось)»* [81, лл. 74-77].

Основная тяжесть обвинений, как обычно, направлялась против поляков — польской интеллигенции, польской женщины, польской вспомогательной администрации, созданной кое-где немцами. *«Польская опасность у нас большая, чем коммунистическая, —*

внушал докладчик. — *Советско-коммунистическая очевидна и ее проявления остаются под наблюдением. Польская очень иезуитская, хитрая, коварная и мстительная, и читать ее может только сведущий глаз*. Автор подводил к выводу: *«Польские вредительские тенденции на территории католического костела можно ослабить только перестановкой стремлений на белорусский лад, и тогда костельная индустрия начнет работать на белорусов и потянет за собой даже многих среди поляков»*.

«Взвешивая вышеизложенное, — резюмировал докладчик, — считаю за необходимость в целях оздоровления политического состояния костела сделать следующее:

1. Выделить католического администратора на всю Белоруссию — одного из пионеров национального католического движения ксендза-белоруса.

2. Выселить всех ксендзов-поляков, которые прибыли в Белоруссию после 1920 г., за пределы Белоруссии.

3. Запретить пребывание в Белоруссии иезуитам» [81, лл. 78-82].

Таким образом, первоочередным делом была структурная перестройка костельной администрации и замена кадров духовенства. Последнее решалось относительно просто — путем замены всех ксендзов-небелорусов белорусами. *«Калі каму з беларусаў патрэбны ксёндз, дык ён мусіць быць толькі беларус, — писала «Менская газета». — Калі другому зноў патрэбны праваслаўны сьвяшчэннік, гэты апошні мусіць быць таксама толькі беларусам. З царквы мусіць быць выгнана расейшчына, а з касцёла — польшчына» [109].*

Препятствием для проникновения польских ксендзов в Генеральный округ могла стать регистрация духовенства. *«Пры рээстрацыі павінна быць звернена спецыяльная ўвага на паходжаньне духавенства і на яго падгатоўку для рэлігійнай працы пасярод беларускага народу. Галоўнымі варункамі гэтай падгатоўкі лічым: 1) беларускае паходжаньне і беларускія нацыянальныя перакананьні; 2) прыязныя адносіны да Нямецчыны і Беларусі, а гэтым самым да новага парадку ў Эўропе; 3) веданьне беларускай мовы і карыстаньне ёю ў практыцы. Усё іншае духавенства павінна быць адсунута ад працы» [76, л. 13].*

Очевидно, генеральный комиссар Белорутении В. Кубе учел некоторые предложения белорусских деятелей. В ноябре 1941 года он издал распоряжение всем гебитскомиссарам и главным комиссарам относительно перерегистрации священнослужителей обе-

их конфессий. Принципиальный момент, отличающий перерегистрацию в генеральном комиссариате от остальной территории Белоруссии: здесь не создавались препятствия в получении разрешений священникам обеих конфессий белорусской национальности, если их политическая благонадежность не вызывала сомнений. Неместные священники подвергались особо тщательной проверке, результаты которой сообщались гебитскомиссару. Выдача разрешений священникам польской национальности оставалась исключительно в компетенции генерального комиссара [69, л. 3, 3 об.]. Эти меры были вызваны еще и тем, что осенью 1941 года в восточные области Белоруссии виленский архиепископ Р.Ялбжиковский стал направлять польских ксендзов-миссионеров. Вскоре, однако, с ними последовала короткая расправа оккупантов. Но среди выдворенных оказалось несколько ксендзов белорусской национальности.

Бесцеремонное обращение с ксендзами-белорусами вызвало недоумение белорусских деятелей. Кс. В.Годлевский отреагировал на это пространном письмом рейхсминистру по занятым восточным областям (датировано 20 декабря 1941 года). В нем, в частности, он жаловался на непонимание религиозных проблем местными представителями немецкой администрации, безапелляционно выдворившими из своих парафий «*беларускіх патрыётаў*» Гляковского, Мальца, Рыбалтовского, Татариневича: «*В церкви они пользовались только белорусским языком. Насколько им было возможно, они боролись с польским духом, который прочно укоренился у католиков. Все мы были мнения, что эта работа будет на пользу белорусскому и немецкому народам*». Такой шаг местных властей «*открывает польской пропаганде ворота, так как последняя в Западной Белоруссии (35 км от Минска) имеет свои многочисленные опорные пункты и будет притягательно действовать на католиков в восточной части Белоруссии*». Ксендз Годлевский усматривал в этом шаге «*большую историческую ошибку, так как ортодоксальная церковь, как бы благожелательно с ней ни обращались, все время будет притягивать народ к Москве*» [65, л. 16].

9 февраля 1942 года рейхсминистр по занятым восточным областям направил из Берлина через рейхскомиссара Остланда Вильгельму Кубе и начальнику II отдела Юрде выдержки из письма кс.Винцента Годлевского относительно положения католического Костела в Белоруссии. В сопроводительном письме отмечалось: «*Замечания о положении католического духовенства белорусской национальности, мне кажется, заслуживают внимания. Прежде*

всего тем, что среди белорусов католического вероисповедания мы найдем интеллигентнейших сотрудников и, с другой стороны, тем, что ортодоксальная церковь находится под сильным русским влиянием. Упомянутые в письме белорусские католические ксендзы известны издавна как белорусские патриоты, которые всегда отстаивали антипольское и антирусское направление. Рекомендовал бы, по меньшей мере, таким людям содействовать в их деятельности» [65, л. 15].

Послание из Риги было внимательно прочитано в генеральном комиссариате, и по поручению В.Кубе 4 марта 1942 года Юрда направил ответ. Соглашаясь с оценкой белорусских деятелей, руководство Белорутении сохранило, однако, принципиальную позицию относительно католического Костёла. *«Миссионерская деятельность католической Церкви в некатолических восточных областях Белоруссии нежелательна и тогда, когда она проводится священниками, которые лично считаются белорусскими патриотами, — писал он. — Беспокойство ортодоксального большинства населения налицо, так что по политическим мотивам перегибы миссионерской работы католической церкви должны быть запрещены. По этой причине упомянутые в письме ксендзы службой безопасности по согласованию с генеральным комиссаром были удалены из своих приходов».* Одновременно настойчиво подчеркивалась необходимость принятия *«принципиальных мер для подавления польского влияния в католической церкви».* В числе первостепенных указывалось на *«разделение епархий в генеральном округе»* с целью устранения влияния в Белоруссии виленского архиепископа, *«известного как польского шовиниста»*, и замены его *«национально сознательным, надежным белорусским администратором».* Помимо того, от Ватикана требовалось заверение, что *«римско-католическая церковь не будет действовать в духе полонизации».*

Юрда благосклонно отозвался об ортодоксальной церкви, в которой *«все близлежащие русские влияния последовательно путем проведения нами церковной политики исключены».* В заключение отмечалось, что кс. Годлевский *«занимает совершенно одностороннюю точку зрения в церковном положении Белоруссии и церковно-политические мероприятия генерального комиссариата по вполне понятным причинам не осознает» [65, лл.14, 14 об.].*

И все же идея белорусизации Костела, *«каб навучыць беларусаў маліцца й сьпяваць рэлігійныя песьні ў сваёй беларускай мове, бо яны дасюль не мелі магчымасьці навучыцца гэтага»*, ста-

новилась все более привлекательной. «Беларуская газета» по этому поводу писала: *«Праца сярод каталікоў пачалася ў беларускім нацыянальным дусе, выжываючы польскую мову й вызваляючы гэтым каталіцкую веру ў Менску ад палітычнага польскага зьместу. Цяжкая была праца. З малодшым пакаленьнем справа йшла лягчэй. Яно зразу навучылася беларускіх рэлігійных песьняў і малітваў. Горш было і з старэйшым пакаленьнем, якое прывыкла да малітваў у польскай мове. Але дзякуючы разумным растлумачаньням крыўднай і карыгоднай ненармальнасьці, што беларусу-католіку польская палітыка накінула чужую яму мову ў малітвах і што беларус-каталік павінен маліцца ў сваёй роднай беларускай мове — народ пераканаўся»* [104].

Предпринимались шаги по переводу на белорусский язык богослужебных книг. В 1941 году ксендз Ирежеч издал в типографии Минской народной управы «Кароткі катэхізіс для беларусаў-каталікоў», а в Вильно некто И.Острийко «Кароткі малітоўнік для беларусаў-каталікоў» [83, л. 25].

Белорусизация Костела могла быть успешной лишь при поддержке Вильгельма Кубе. В его адрес в августе 1942 года белорусские деятели направили меморандум, в котором просили *«каб забараніць польскія казаньні ў касьцёлах і праводзіць іх у беларускай мове»*. Стремясь использовать Костел в своих интересах, они предлагали даже запретить богослужения тем ксендзам, которые не будут этому подчиняться. Одновременно следовало бы *«даць магчымасьць узгадаваньня ў беларускім духу ксяндзоў»*, и с этой целью *«вызначыць сп. ксяндза Гадлеўскага адміністратарам усёй каталіцкай царквой на Беларусі»* [24, л. 21].

Вильгельм Кубе поддержал предложения о замене в костелах языка богослужения, считая, что *«внедрение белорусского языка в римско-католической церкви генерального округа непременно желательно»*. Административным органам и учреждениям предписывалось *«поддерживать все усилия, преследующие цель заменить всех польских ксендзов белорусскими духовниками»* [65, л. 43].

Одновременно вынашивалась идея о более глубоких изменениях в реорганизации Костела.

Попытки создания автокефального Костёла

Весной 1942 года вопрос попечительства над католическим Костёлом активно обсуждался белорусскими деятелями. Через нунциат в Берлине они направили меморандум папскому престолу о

духовном обслуживании белорусского населения своими белорусскими епископами, который, однако, остался без ответа [94, лл. 38, 42].

Тем временем в среде православного духовенства шла подготовка к провозглашению автокефалии Православной Церкви Белоруссии. Гауляйтер Кубе привлек к себе круг русских православных священников, которые под руководством архиепископа Минского и митрополита всей Белоруссии Пантелеимона, пребывающего в Жировичском монастыре, занимались возрождением жизни Православной Церкви. Их задачей было создание «*белорусской ортодоксальной автокефальной национальной церкви*», деятельность которой находилась бы под контролем немцев.

За исключением отдельных церковных действий, предусматриваемых старославянским церковным языком, все церковные обряды и проповеди предлагалось совершать на белорусском языке, равно как и административным языком должен стать белорусский. Территориальная организация церквей имела границы в пределах административно-территориального управления Белоруссии. 3 марта 1942 года по постановлению Святейшего Синода Белоруссии под председательством Высокопреосвященнейшего митрополита Пантелеимона открылись 4 самостоятельные епархии: Минско-Слуцкая, Новогрудско-Гродненская, Могилевско-Мстиславская и Полоцко-Витебская. Резиденцией митрополита стал Минск [55, л. 70].

30 августа — 2 сентября 1942 года в Минске под предводительством архиепископа Филофея (Нарко) состоялся собор, провозгласивший автокефалию белорусской Православной Церкви и отделение ее от Московской Патриархии. Присутствующие на соборе православные иерархи направили Гитлеру письмо, в котором благодарили за «самостоятельность» Православной Церкви в Белоруссии и «*освобождение от московского большевистского ига*». И хотя канонического признания автокефалия не получила, помимо того, ее не поддержало большинство православного духовенства и мирян, генеральный комиссар Белорутении считал вопрос с Православной Церковью решенным [135, с. 165].

В рейхскомиссариат по восточным землям Кубе направил письмо, в котором с удовлетворением сообщал: «*В церковных делах ситуация приведена в почти полный порядок. Однако неорганизованной пока является римско-католическая церковь. Мы просим лишь возможного, а именно: назначить в бывшие отделы Виленской епархии, относящиеся ныне к Минскому Генеральному комиссариату, генерального викария от имени Виленского архи-*

епископа. То же касается архиепископа Слоскана в Риге для главного комиссариата в Минске. Остается лишь южная часть главного комиссариата Барановичи, которая находится в ведении пинского епископа Букрабы (поляка)» [64, л. 11].

Кубе прекрасно понимал, что на области Белоруссии территориально не распространялся конкордат Рейха с Ватиканом, не могла быть подтвержденной также действительность соглашений Ватикана с Польской республикой, заключенных еще в 1925 году, правительство которой находилось в эмиграции. Преследования Костела большевиками исключали определение его правового статуса и в восточной части Белоруссии.

Исходя из этого, генеральный комиссар счёл, что *«католическая церковь в Белоруссии... находится в состоянии правового изгнания»* [65, л. 13].

Провозглашение под давлением немцев автокефалии белорусской православной национальной церкви вызвало, тем не менее, опасения у руководства полиции безопасности и СД. Не внушали доверия лица, на которых сделал ставку генеральный комиссар, — они *«находились в зависимых отношениях с Сергием в Москве и тем самым отстаивали пробольшевистскую линию»*. Вызывала беспокойство дружба белорусских эмигрантов римско-католического вероисповедания, занимавших должности в белорусском управлении, с носителями автокефалии. Но самый весомый аргумент — *«нет сомнения в том, что современная белорусская ортодоксальная автокефальная церковь вследствие ее внутренней зависимости от Москвы проповедует цели панславизма»* [97, кадр 212].

Иного взгляда придерживались белорусские деятели. Они приветствовали автокефалию Православной Церкви, которая *«ужо скінула з сябе адміністрацыйную залежнасьць, асталося ёй скінуць яшчэ расейскі культурны налёт і палітычныя расейскія ўплывы»*. Теперь на очереди был католический Костел, который *«у сваёй масе знаходзіцца ўсё яшчэ пад уплывам польскага духавенства і польскай палітыкі. Польская палітыка яшчэ і цяпер карыстаецца каталіцкім касьцёлам дзеля дэнацыяналізацыі беларусаў і праводжаньня сваіх мэтай на беларускіх землях»* [76, л. 9].

Форсированная подготовка к провозглашению автокефалии Костела шла полным ходом. В августе 1942 года (точная дата не установлена) делегацию *«белорусской римско-католической стороны»* (состав не известен) принял генеральный комиссар. Визит преследовал цель привлечь внимание (в который раз!) оккупационных властей к настоящему положению католического Костела

в Белоруссии и убедить гауляйтера в необходимости поддержать усилия белорусских католических кругов по его коренной реорганизации. Кубе был представлен письменный меморандум.

Для «*строительства глубоко укоренившейся в Белоруссии католической церкви*» предлагались «*полезные руководящие католические священники: Винцент Годлевский, Минск; Адам Станкевич, Вильно; Виталий Хамёнок, Марианский монастырь Биланы под Варшавой; Петр Татаринovich, Варшава, и Лев Горошко, Полесская область*». В меморандуме предлагалось территорию Белоруссии разделить на четыре генеральных викариата: 1 — для областей с каноническим подчинением Виленскому епископу (районы Глубокский, Вилейский, Слонимский); 2 — для районов Новогрудского, Барановичского, Ганцевичского и части Слонимского. Резиденцией генерального викариата Виленской епархии могла стать Вилейка, резиденцией второго — Барановичи. Для территории бывшей Советской Белоруссии предлагались два других генеральных викариата — в Минске и Могилеве. До посвящения необходимых белорусских епископов предлагалось назначить администратора в генеральном округе Белорутения — ксендза-белоруса.

Очевидно, аргументы делегатов были столь убедительны, что Кубе согласился «*непременно необходимо признать и римско-католическую церковь, как полезный культурный фактор в жизни белорусского народа и с этой целью избавить ее от всяких польских влияний*» [63, л. 2].

Взгляды Кубе и белорусских деятелей, таким образом, во многом совпадали. «*Вопрос организационной структуры римско-католической церкви в Белоруссии становится все более срочным, — писал Кубе рейхсминистру по занятым восточным областям 20 августа 1942 года. — В качестве первоочередного решения по-прежнему остается немедленное подчинение всех римско-католических церковных общин генерального округа Белоруссия созданному лучше всего в Новогрудке римско-католическому епископату. До тех пор, пока создание этого епископата не будет одобрено папской курией, то следует назначить в этом населенном пункте апостольского викария, которого бы представлял надежный белорусский католический священник*» [63, л. 3].

От высшего руководства, однако, согласия не последовало. О причинах можно лишь догадываться. Вероятно, в рейхсминистерстве по оккупированным восточным землям не считали религиозный вопрос заслуживающим серьезного внимания. К тому же ситуация на Восточном фронте все больше становилась неблаго-

приятной для немцев. Не исключено, что в «верхах» твердо придерживались «генеральной линии» в конфессиональной политике, в частности, в отношениях с католическим Костелом — ни под каким предлогом не допускать усиления его влияния.

Вскоре вопрос автокефалии Православной Церкви и католического Костела был обсужден в БНС. 15 сентября 1942 года состоялось заседание Рады БНС. Среди присутствующих — д-р Ермаченко, д-р Валькович, инженер Касяк, д-р Скурат, редакторы Адамович, Сенькевич, Козловский, проф. Ивановский, гл. инспектор кс. Годлевский, Сакович, Найдюк, Марков, Гуцька, Миколаевич, Чабатарович. Третьим вопросом в повестке дня значилось: «*Справы праваслаўнай і каталіцкай царквы*». Но по каким-то причинам «*Справу праваслаўнай аўтакефальнай царквы і каталіцкай царквы пастаноўлена адкласьці да наступнага паседжанья*».

В очередной раз Центральная Рада БНС собралась через неделю, 22 сентября 1942 года. На этот раз обсуждались два вопроса, касающихся религии: 2. *Справаздача з абрад сабору праваслаўнай царквы, які адбыўся ад 30/VIII. — 42г. да 2/IX — 42г. у Менску.* 3. *Інфармацыя аб палажэньні каталіцкай царквы на Беларусі.*

Выступление присутствующего на заседании епископа Филофея, заместителя митрополита, целиком посвящалось роли Православной Церкви в национально-культурной жизни белорусского народа. Владыка Филофей в своей речи много внимания уделил организации и проведению собора, на котором произошло провозглашение автокефалии и утвержден Устав Церкви. Выступление произвело впечатление. «*Сябры Рады выказалі задавальненне з правядзеньня саборам аўтакефаліі — важнага гістарычнага акту для разьвіцця ў праваслаўнай царкве, —* отмечалось в протоколе. — *Апрача таго выказалі пажаданьне, каб царкоўныя ўлады парупіліся ў далейшым правесці сярод праваслаўнага духавенства, якое яшчэ часамі не зусім зьвязана з беларускімі ідэямі, узгаданьне ў беларускім нацыянальным дусе. Між іншым для гэтай мэты пастаноўлена залажыць у Менску праваслаўную духоўную сэмінарыю.*

Др. Ермачэнка злажыў Уладыку Філафею ад імя Рады шчырую падзяку за правядзеньне аўтакефаліі і за ахвярную працу над адбудовай праваслаўнай царквы, зварочваючы ўвагу на тое, што аўтакефалія мае вельмі важнае гістарычнае значэньне для сучаснага будучага беларускага народа».

Хотя, как свидетельствует документ, Рада БНС не возлагала больших надежд на автокефалию Православной Церкви, поскольку

«исторически она настолько сильно была связана с Русской Православной Церковью и ее Московским Патриархатом, что даже провозглашение автокефалии этих связей не могло разрушить».

Относительно автокефалии католического Костела выступил кс. В.Годлевский. Его речь была взвешенной и аргументированной. Главный вывод, который прозвучал, — *«аўтаномія каталіцкай царквы на Беларусі ў сучасны момант і ў сягонняшніх палітычных абставінах зьяўляецца немагчымай да правядзеньня».*

Очевидно, кс.Годлевский к такому выводу пришел после долгих раздумий. Всю жизнь он стремился к тому, чтобы Костел содействовал подъему белорусской национальной культуры и стал щитом на пути польского влияния. Однако провозглашение самостоятельности не только противоречило католическим канонам, но и было бы политической близорукостью. *«Адарваньне каталіцкай царквы ад Рыму дасьць магчымасьць польскім дзейнікам для вярочай агітацыі сярод беларусаў каталіцкага веравызнаньня. Як вядома, польскія каталіцкія дзейнікі базавалі сваю палітычную палітыку на веравызнаньні сярод беларускага каталіцкага насельніцтва. Дзеля таго адарваньне каталіцкага Касьцёлу ад Рыму стварыла — бы аргумэнт супроць беларусаў і магло—бы адхіліць беларускае насельніцтва ў бок Польшчы. Гэта была—бы страта для беларусаў каля трох мільянаў насельніцтва».*

Очевидно, это был тот критический момент в жизни кс. В.Годлевского, когда в нем возобладали не лидер белорусского национального движения, а Слуга Костела. Он остался сторонником единства и неделимости римско-католического Костела: *«На аўтаномію каталіцкага касьцёлу маглі пазволіць такія народы, як ангельцы, чэхі, якім нічога не пагражала пад поглядам нацыянальным з боку іншых народаў, але беларускі народ, дзе сьвежыя яшчэ сьляды польскай акупацыі, на гэта цяпер дазволіць няможжа. Хіба праз некалькі год. Цяпер жа нам трэба вырашыць гэтую справу іначай. Трэба ў Менску стварыць беларускую метраполію, залежную ад Рыму, але якая—бы стаяла на нацыянальным грунце, і адсюль распачаць аднаўленьне каталіцкага касьцёлу»* [67, лл. 1, 4, 12-14].

Очевидно, кс. Годлевский осознавал, что разделение Костела на «белорусский» и «польский» могло привести к насильственному разделению универсалистического характера католицизма. В таком случае Костел утратил бы свое общественно-правовое положение и был бы реорганизован до уровня обыкновенных объединений, которые во всем подвергались бы надзору и давлению государства.

Данное заседание Рады БНС и выступление кс. В.Годлевского, по нашему мнению, можно считать кульминационным моментом в «исканиях» белорусских деятелей относительно автокефалии Костела. К такому выводу, очевидно, их подтолкнула и явно пропагандистская, проведенная под давлением немцев автокефалия Православной Церкви. Однако и после этого активная проработка религиозной политики и попытки изменить статус Костела продолжались. Идеи этого переустройства изложены в обширном документе. *«Даклад аб патрэбе арганізацыі рэлігійнага жыцця беларускага каталіцкага насельніцтва» (Менск, 4.X.1942 г.): «Рэлігійная справа ў Беларусі не зьяўляецца справай толькі і выключна рэлігійнай, так як, напрыклад, у Заходняй Эўропе, але яна тут зьяўляецца справай нацыянальнай, цесна звязанай з палітычным жыццём. Беларускі народ ня можа аставіць у сваім нацыянальным арганізме такіх шкодных элементаў, як «польская» або «руская» рэлігія, якімі ў сапраўднасьці зьяўляліся ў нашым краі, а часткова і цяпер зьяўляюцца, каталіцтва і праваслаўе. Трэба, каб адно і другое сталіся **беларускім**. Праваслаўная царква ў Беларусі атрымала юрыдычна сваю аўтакефалію, асталося толькі правесці яе ў жыццё і зьбеларушыць духавенства. Нешта падобнае трэба зрабіць і з каталіцкім касьцёлам»* [76, л. 10].

Вместе с тем, отмечалось в документе, эта задача не из легких. По католическим канонам автокефалия Костела не допускается и юридически Римом не признается. Возможно лишь создание митрополии, которая имеет право автономной костельной провинции.

Поскольку территориально Костел в Белоруссии относился к Виленской и Могилевской митрополиям, руководство которых находилось в Вильно и Ленинграде, к тому же оно польского происхождения, то единственный выход виделся в создании в границах Генерального комиссариата белорусской католической митрополии. Это дало бы возможность митрополиту иметь определенную самостоятельность в решении местных, в том числе и национальных, вопросов. Непосредственное подчинение митрополита Риму исключало бы нарушение канонических прав.

Не могла быть реализована идея создания белорусского национального Костела, ибо такой шаг мог повлечь большие трудности как юридического, так и практического характера. Как отмечалось, это шло бы вопреки каноническому праву, *«і прыхільнікі ідэі незалежнага Касьцёла муселі-б у кансэквэнцыі здэцыдавацца на схізму або гарэзью. Значыць, юрыдычнай*

падставы для стварэння беларускага каталіцкага касцёлу няма. Няма таксама іншых патрэбных пры рэалізацыі гэтай ідэі варункаў» [76, л. 11].

Важным моментом в реализации изложенных идей оставались кадры духовенства. Деканами или настоятелями приходов, достойными выполнить возложенную на них миссию «для рэлігійнай працы пасярод беларускага народа», предлагались 29 ксендзов, проживающих в то время в Белоруссии либо за ее пределами: Альберт Аляшкевич (Удел, Глубокский округ), Вацлав Аношко (Делятичи возле Новогрудка), Альберт Бакиновский (Шерешево возле Пружан), Михаил Борик (Нестанишки, Вилейский округ), Люциан Хвецько (Хатово возле Пинска), Францис Чернявский (Франция), Антони Дулинец (Гранное возле Бельска-Подляского), Ян Дошута (Скуржец возле Седлец в генерал-губернаторстве), Филиппович (Люблин, генерал-губернаторство), Язеп Гайлевич (Двинск), Леон Горошко (Барановичи), Юрий Кашира (Вильно), Казимир Кулак (Лендварово возле Вильно), Донат Лапошко (Лицманштадт), Михаил Москалик (Мюнхен), Чеслав Наумович (Волынь), Антон Альшевский (Рига), Виктор Пупин (Рига), Падзява (монастырь Биланы под Варшавой), Вацлав Романовский (Поречье возле Гродно), Казимир Рыбалтовский (Ивенец Новогрудского округа), Ян Семашкевич (Михалово-Незбудка возле Белостока), Казимир Смулка (Скурец возле Седльца), Михаил Шалкевич (Трокели возле Лиды), Зенон Шымкевич (Полесье), Виктор Шутович (Хорощ возле Белостока), Владислав Толочко (Аглона возле Двинска), Михаил Жалудзевич (Геранёны возле Лиды).

Трудно предположить, каким образом мыслилось их всех собрать в генеральном округе. Дальнейшие события показали, что немцы не вняли гласу белорусских деятелей, убеждающих, что «честная работа на пользу белорусского народа и сотрудничество с немецким народом будут служить лучшим доказательством белорусского духовного расположения ксендза» [76, л. 14].

В очередной раз предлагались изменения костельно-территориальной организации. Центром Белорусской митрополии мог стать Минск. Территорию Белоруссии предлагалось разделить на епископаты: Минский, Барановичский, Могилевский и Полоцкий. Минский епископ мог быть одновременно митрополитом. На эту должность предлагалась кандидатура кс. Винченца Годлевского.

Должности барановичского епископа мог бы занять кс. Петр Тараринович, сотрудник Белорусского Комитета в Варшаве, могилевского — кс. Адам Станкевич, проживающий в Вильно, полоцкого — кс. Виталий Хамёнок, проживающий в монастыре Биланы под Варшавой. Одновременно следовало приступить к организации духовной семинарии. *«Рэалізацыя гэтых пастулятаў ёсць канечнай дзеля правільнага функцыянаваньня і арганізацыі рэлігійнага жыцьця беларускага каталіцкага насельніцтва, якое ўрэшце павінна быць звольнена ад польскіх уплываў у Гэнэральным Камісарыяце ў Беларусі»* [76, л. 12].

18 декабря 1942 года д-р Ермаченко направил Вильгельму Кубе предложения по созданию костельной иерархии в Белоруссии: *«Даклад аб устанавленні Генэральных Вікарных дзеля каталіцкай царквы на тэрыторыі Генэральнага Камісарыяту Беларусі»*. Документ был написан кс. Винцентом Годлевским, о чем свидетельствуют его собственноручные записи.

Для руководства теми частями Виленского архидиоцеза и Пинского диоцеза, которые вошли в Генеральный комиссариат Белорутении, предлагалось, по согласованию, очевидно, с соответствующими епископами, назначить *«заступнікаў, званых Вікарнымі Генэральнымі (канон 266). Генэральныя Вікарныя кіруюць вызначанымі ім часткамі тэрыторыі, ад імя біскупа, і ёсць ад яго залежнымі (канон 368)»*. Для руководства *«рэлігійным жыцьцём беларусаў-каталікоў»* возможно назначить либо трех, либо одного Генерального Викария. Однако по политическим соображениям И.Ермаченко полагал, что *«беларускае каталіцкае жыцьцё патрабуе ў даны момант одной кіруючай асобы, добрага сьвядомага беларуса, які-бы аўтарытэтной рукою адстраніўся дзеючыся непарадкі ў каталіцкай царкве і шырока квятушчую сярод каталіцкага духавенства палёнізацыю»*. Несомненно, что таким человеком д-ру Ермаченко виделся кс. Годлевский, *«сьвядомы беларус, прыхільнік нямецка-беларускага супрацоўніцтва і добры барацьбіт проці палякаў»* [68, лл. 6, 7].

На этом дело переустройства Костела зашло в тупик. Наступающий 1943 год приносил все больше доказательств краха гитлеровской политики на оккупированных территориях. Неудачи Германии на фронте усиливали сопротивление местного населения, партизанскую борьбу. Это привело к нарастанию репрессий, в том числе и против Костела.

Стали наблюдаться разногласия между некоторыми группировками белорусских деятелей и немецкими властями. Кое-кто разочаровался в политике гитлеровцев, стал вынашивать тайные планы освобождения Белоруссии от немецкого господства, а также участия её в «блоке государств», направленном как против Германии, так и против России. В донесении одного из офицеров СС, который лично занимался этой проблемой, говорилось: «СД узнала о таких планах и была неприятно ошеломлена, ибо эта «зарегистрированная группа» состояла именно из тех людей, которые являлись ее протеже, и она отговорила применять против них полицейские меры. Такого рода меры оказали бы роковые результаты на «новый курс» в Белоруссии. Удовлетворились тем, что этим лицам дали понять, что их планы известны немцам» [75а, лл. 8–10].

В сентябре 1943 года минские подпольщики убили гауляйтера Кубе, у которого белорусские деятели находили понимание и поддержку. Осенью 1943 года возле имения Тростенец был расстрелян кс. Винцент Годлевский, которого, несомненно, можно считать главным идеологом в неудавшихся попытках преобразований Костела в Белорутении. Его смерть в чем-то символична. В ней — проявление трагедии тех, кто желал достичь лучшей жизни своему народу с помощью оккупантов, тех, кто пытался манипулировать религией и верой в политических, узконациональных целях. Ксендз Годлевский вел опасную двойную игру. За ним прочно утвердилась «слава» националиста и коллаборациониста. Он автор или соавтор многих документов и статей, где настойчиво проповедовались идеи сотрудничества белорусского народа с гитлеровцами. Так, 4 июля 1942 года «Беларуская газета» напечатала по указанию Вильгельма Кубе за подписью д-ра Ермаченки, д-ра профессора В.Ивановского, Юльяна Саковича, Владислава Козловского, архиепископа Филофея и кс. Винцента Годлевского обращение к белорусам (*Адозва да Беларускага Народу*). «Адозва» была выдержана в традиционном стиле: обвинение во всех бедах белорусского народа «расейцаў–маскалёў і палякаў–ляхаў», «злачынных жыдоў», «крывавых сабак Масквы — бальшавікоў», восхваление немцев и Адольфа Гитлера, которые «сваім гэраічным паходам нарэшце прынеслі нам свабоду». Утверждалось, что именно гитлеровцы «адалі нам зямлю, якую адказалі нам нашыя бацькі й якая нам належыць, арганізавалі беларускія школы, у якіх гучыць наша мова, дапамагаюць нам

узьяняць із руінаў мінуўшчыны беларускае нацыянальнае жыццё і нашу культуру і адбудаваць іх нанова». Весь агитационный запал «адозвы» был направлен на то, чтобы призвать белорусов «да стварэння «БЕЛАРУСКАЕ САМААХОВЫ» супраць тых высланых Масквою бандаў, якія, праўда, завуць сябе «партызанамі», але толькі рабуюць нас» [24, лл. 4-5].

Но тот же кс.Годлевский со временем, очевидно, осознал, что фашисты не станут никогда друзьями белорусского народа. И это привело его в другой лагерь, который провозгласил в качестве достижения национальной цели борьбу с Россией и Германией. Эти идеи отразились в программе Белорусской Независимой Партии (БНП), одним из лидеров которой был и кс.В.Годлевский [162, с. 25-27].

Со смертью кс.В.Годлевского фактически терпят крах планы белорусских деятелей относительно Костела. Иной тон звучал и в белорусской прессе. Журнал «Беларус на варце» (март 1944 года) писал: *«Каталіцтва і праваслаўе так даўно з'явіліся на Беларусі і так з сабой зжыліся, што самі беларусы блізу ніякай паміж імі ня робяць розніцы і ніколі-б яе не рабілі, каб адно веравызнаньне не нацкоўвалі на другое нашы ворагі — палякі і расейцы. Тэрытарыяльна гэтыя два веравызнаньні вельмі паміж сабой перамяшаліся» [102].*

Вскоре ход событий заставил белорусских деятелей уйти от решения религиозных проблем. На советско-германском фронте развивалось наступление Красной Армии. Приближалось освобождение Белоруссии от гитлеровских оккупантов.

Глава 6

КАТОЛИЧЕСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В АРМИИ КРАЙОВОЙ

Традиции и организационная структура воинского душпастырства

Деятельность католического духовенства в Армии Крайовой в западных областях Белоруссии — почти не изученная и потому односторонне оцениваемая страница истории Костела. Во времена гонений на религию, когда велась сознательная дискредитация Костела и духовенства, душпастырство в воинских формированиях АК расценивалось не только как антисоветская деятельность, но и в ряде случаев как измена Родине. Это послужило в послевоенный период поводом для репрессий против ксендзов, одним из «законных оснований» для закрытия костелов и ликвидации религиозных общин.

Роль и место католического духовенства в условиях военного времени обуславливались рядом факторов — исторических, психологических, морально-этических, национальных, патриотических и других. Католический Костел на всех этапах истории играл консолидирующую роль в борьбе польского народа за независимость и возрождение Польского государства. Он оказывал сильное воздействие на самосознание народа, подъем его патриотических чувств и настроений.

Не случайно еще во время советско-польской войны 1919-1920 годов стало формироваться воинское душпастырство. В 1919 году Полевой Епископ издал внутренний приказ № 29, который определял задачи и обязанности военных капелланов, в частности, *«кроме духовных услуг, заботиться о повышении этического уровня военнослужащих, служить им примером и советом, нести утешение, умиротворять конфликты и пробуждать чувства товарищества, поощрять добросовестное выполнение обязанностей и соблюдение дисциплины, поддерживать присутствие духа в минуты усталости и опасности. Военные капелланы во время войны обязаны: а) совершать обход окопов; б) во время битвы быть на командном пункте своего полка или месте, указанном командиром полка»*.

Организация воинского душпастырства была окончательно завершена после подписания 10 февраля 1925 года конкордата

между Апостольской столицей и польским правительством. В мае 1925 года с санкции правовой конференции Епископата Польши появился Устав Воинского Душпастырства, пункт 16 которого определял задачи религиозного воспитания солдат: *«В обязанности военного капеллана, осуществляющего душпастырскую опеку воинского прихода, входит религиозное просвещение своих прихожан, в частности, рядовых и новобранцев».*

Территория II Речи Посполитой, в состав которой до 1939 года входила Западная Белоруссия, была разделена на 5 обшаров: столичный, варшавский, западный, восточный, южный. Обшары делились на округа (10), соответствующие воеводствам, те в свою очередь — на инспектораты, обводы, районы и посты (плящувки) как первичные ячейки. Такое территориальное деление сохранилось и во время второй мировой войны [190, с. 119].

Во главе воинского душпастырства стоял Полевой Епископ (Biskup Polowy), исполнительным органом которого была Полевая Курия Епископа. При главнокомандующем Войска Польского функционировал генеральный декан, которому подчинялись деканы обшаров и воинских округов. Одновременно он являлся посредником между военными капелланами и Полевой Курией Епископа.

Осенью 1939 года на территории Польши стало формироваться польское подполье. В ноябре была создана всепольская военная организация — Союз Вооруженной Борьбы — СВБ (Związek Walki Zbrojnej — ZWZ). По согласованию с его руководством устанавливалась целая иерархия тайного воинского душпастырства.

Со 2 февраля 1940 года польская сторона начала формировать Обшар № 2 СВБ с округами: Белостокским, Полесским и Новогрудско-Виленским без Вильно и земель, занятых Литвой. Обшар охватывал 1–3 воеводства, округ — одно воеводство. Часть виленского воеводства с центром Вильно составляла самостоятельный округ. По разным причинам партизанские отделы в округе Вильно были организованы в бригады (их было 20), в Новогрудском округе в батальоны (всего 9). В соответствии с организационным приказом от 7 февраля 1942 года полковника Стефана Ровецкого, одного из руководителей, СВБ становился единой военной организацией, участниками которой могли стать лица, которым исполнилось 17 лет. Вступающие давали клятву: *«Во имя Бога Всемогущего и Пресвятой Девы Марии, Королевы Польши, положив руку на святой Крест, символ мученичества и избавления, — присягаю, что буду верно и стойко стоять на страже чести Польши, и за освобождение ее из неволи буду сражаться изо всех*

своих сил вплоть до жертвы моей жизни. Буду беспрекословно выполнять все приказы, стойко сохранять тайну, что бы мне ни угрожало». Принимающий присягу провозглашал: *«Принимаю тебя в ряды солдат свободы, твоей обязанностью будет бороться с оружием в руках за возвращение Отечества, победа будет твоей наградой, измена будет наказана смертью».* Организационная схема СВБ с различными изменениями впоследствии была перенята АК [204, s. 244].

Еще в период битвы за Варшаву (сентябрь 1939 года) сформировалась подпольная Полевая Курия. Полевой епископ Войска Польского генерал Юзеф Гавлина (впоследствии, находясь в эмиграции, исполнял функции полевого епископа Польских Вооруженных Сил и епископа-ординария польской эмиграции) с момента возникновения АК назначил ксендза полковника прелата Тадеуша Яхимовского (псевдоним «Будвич»), бывшего канцлера Полевой Курии Епископа Главным Капелланом АК. Кс. Т.Яхимовский был наделен юридическими полномочиями на исполнение обязанностей Шефа Службы Душпапства Вооруженных Сил в Крае. Одновременно кс.Яхимовскому поручалось создание конспиративной Полевой Курии АК, впоследствии названной «НАКАШ» (NAKASZ — Naczelny Kapelan Sii Zbrojnych — Главный Капеллан Вооруженных Сил).

В состав Полевой Курии АК «НАКАШ» входили:

– кс. полковник прелат Тадеуш Яхимовский (пс. «Будвич») — Главный Капеллан и Генеральный Викарий Полевого Епископа в Крае;

– кс. полковник прелат Ежи Сенкевич (пс. «Гузэнда», «Юраха») — 1-й заместитель Главного Капеллана;

– кс. подполковник Юзеф Малек (пс. «Пилица») — 2-й заместитель Главного Капеллана;

– кс. подполковник Збигнев Каминский (пс. «Ксендз Антоний») — канцлер Полевой Курии;

– кс. капитан Вацлав Карлович (пс. «Анджей Боболя») — интендант Полевой Курии.

Члены Полевой Курии:

– кс. полковник Стефан Ковальчук (пс. «Библия»);

– кс. полковник Франтишек Юшчик (пс. «Свирад»);

– кс. капитан Янчик (пс. «Журавэк»);

– кс. капитан Антоний Чайковский (пс. «Бадур») (с 1943 года секретарь Главного Капеллана) [204, s. 240-242].

Главные капелланы:

– кс. полковник доктор прелат Тадеуш Яхимовский (пс. «Будвич») — февраль 1942 — август 1944 года;

– кс. полковник Стефан Ковальчук (пс. «Библия») — август–сентябрь 1944 года;

– кс. полковник профессор доктор Мечислав Пашкевич (пс. «Оброжа», «кс.Игнацы») — сентябрь–ноябрь 1944 года;

– кс. полковник прелат Ежи Сенкевич (пс. «Гузэнда») — ноябрь 1944 — май 1945 года.

Деканы обшаров:

Северного обшара (Виленский и Белостокский округ) — кс. инфулат доктор Адам Савицкий (пс. «Стэмпэль»), кс. подполковник Чеслав Брулиньский (пс. «Чеслав»).

Деканы округов:

– Белостокского — кс. подполковник прелат Адам Абрамович (пс. «Старый», «Ромуальд»), кс. подполковник Ян Скжечковский (пс. «Котвич»);

– Виленского — кс. подполковник Петр Рынкевич (пс. «Петр»);

– Новогрудского — кс. подполковник Гедымин Пилецкий (пс. «Длугош») [204, s. 471-472].

Во исполнение приказа Полевого Епископа в Полевой Курии АК были созданы отделы (рефераты): юрисдикции (регулировал отправление св.Тайнств — например, св.Мессу, исповедь, браки, благословения и т.д.); координации (ведал вопросами унификации различных душпастьерских групп с точки зрения организации и системы воспитания); организационный и персональный (номинации, назначения); материальный (бюджет, полевые каплицы, обеспечение воинских костелов, снабжение их вином, свечами и т.д.); метрикальный (запись актов гражданского состояния и регистрация потерь); судебный (сбор актов, информации, посредничество).

Уже в 1943 году все уровни «НАКАШ» были укомплектованы, большинство партизанских отделов АК имели своих капелланов. Тайная Полевая Курия АК размещалась в 3-х конспиративных квартирах в Варшаве. Главный Капеллан имел связь с польским

эмиграционным правительством и Полевым Епископом в Лондоне. Он информировал о работе капелланов в отделах АК, о ситуации в стране. В свою очередь из Лондона поступали инструкции, указания, которые по мере возможности доводились до ксендзов-капелланов АК. Полевая Курия поддерживала связь с подчиненными капелланами в партизанских формированиях АК [204, s. 242].

В низовых структурах АК, в штабах округов, инспекторатов и обводов, при постах (пляцувках) и диверсионно-партизанских отделах, а также в службе связи, в пропаганде, в санитарной службе, рефератах общественной помощи, на должности капелланов находилось немало духовных представителей Костела. Их точное количество установить не представляется возможным. На каждое воинское подразделение, от батальона до полка, приходился один капеллан.

Ксендзы, добровольно принимая на себя обязанности военных капелланов АК, разделяли тем самым задачи борьбы польских вооруженных формирований: восстановление Польши в границах до сентября 1939 года, освобождение ее от немецких оккупантов, наделение крестьян земель без выкупа, предоставление белорусам равных прав с поляками [171, s. 32-33].

Полномочия ксендзов-капелланов в воинских и подпольных структурах АК

В условиях подполья воинское душпастырство руководствовалось рядом инструкций и положений, регулирующих деятельность ксендзов-капелланов. В них, в частности, предусматривалось юридически правомочным брачное благословение солдат лесных отделов, а также лиц под псевдонимами, ведение метрических книг, в том числе и тайных картотек браков и рождений, в которых указывались настоящие имена и фамилии. Ксендзы участвовали в церемониях похорон и вели книги учета умерших и убитых.

Ксендзы-капелланы подпольных структур имели права и привилегии, данные Апостольской столицей капелланам регулярных армий на период войны. В боевых действиях они не участвовали.

Ксендзы-капелланы подполья обеспечивали душпастырскую опеку над лесными отделами. Солдаты АК были включены в религиозную жизнь соответствующих приходов. В некоторых формированиях АК проводились свои богослужения или даже реколекции. Торжественными богослужениями отмечались годовщины народных восстаний в Польше и Конституции 3 Мая.

Существенную роль играли капелланы в сохранении памяти об отдавших жизнь за независимость Польши. Накануне 1 ноября (католический праздник поминовения умерших) проводили беседы о героизме воинов и поминали молитвой погибших и умерших. 2 ноября организовывали траурные богослужения. Торжественные мессы справлялись в дни Рождества Христова, Пасхи и иных религиозных праздников [190, s. 120].

Помимо сугубо религиозных, капелланы выполняли и другие обязанности: проводили учет преследуемых, арестованных, расстрелянных и замученных ксендзов; перевозили тайную почту и распространяли подпольную прессу; собирали информацию по части религиозной, политической, военной и хозяйственной; обеспечивали конспиративные квартиры, контактные пункты, т.н. «ящики» для людей, сражающихся с оккупантом; сотрудничали с «БИП»-ом (Бюро информации и пропаганды), проводили акцию «Пром» (*propaganda muwiona* — устная пропаганда). Кроме капелланов, этим занимались и приходские священники, и монахи, и даже монахини [204, s. 245].

Ксендзам-капелланам АК вменялось в обязанности торжественное принятие присяги от солдат и участников подпольных структур. Акт присяги обычно предваряла речь ксендза, в которой он подчеркивал значение присяги для каждого солдата, сражающегося за свободу польского народа.

Много внимания уделялось воспитанию солдат в духе польского патриотизма и католической веры, любви к Польше, чести и достоинства солдата. При этом нередко обращались к истории Польши, приводили примеры победоносных битв, польского рыцарства. Слово капеллана, обращенное к солдатам, часто утверждало: *«во имя Отчизны вы взяли за оружие, готовьтесь к наибольшему жертвам, включая жертвование жизнью»*. Нередко капелланы брали на себя обязанность организации и проведения работы среди молодежи и участников различных тайных организаций.

Для ксендзов-капелланов АК ксендз-декан организовывал специальные курсы, на которых давались практические советы, как должны вести себя ксендзы в случае ареста или провала, как отвечать на вопросы во время следствия и т.д. Каждый курс собирал от 7 до 10 ксендзов и проводился, как правило, высшим офицером АК.

Ксендзы поддерживали связь с Полевой Курией через агентурную сеть, получали оттуда указания, инструкции, материальную помощь [190, s. 132-135].

Ксендзы-капелланы в формированиях АК в Белоруссии

Душпастырство Белостокского округа АК. После вступления Красной Армии на территорию Западной Белоруссии в ряде населенных пунктов стали возникать польские подпольные антисоветские организации. Одна из них, под названием «Сикоровцы», осенью 1939 года начала формироваться в д.Межеричи Зельвенского района. Во время гитлеровской оккупации ее участники собирали оружие и боеприпасы, распространяли листовки-обращения к полякам с призывом участвовать в борьбе за независимость Польши, сражаться с немцами и большевиками. Организация имела хорошо законспирированные группы агентуры, почтовые ящики, явки, мастерские, печатала на гектографе листовки. «Сикоровцы» имели связь с Брестским подпольным антифашистским комитетом, однако совместных акций не проводили.

В 1942 году в Межеричи прибыл из м.Свислочь кс. Альбин Горба (пс. «Бялый»). Он стал оказывать помощь «сикоровцам». Под предлогом добровольных пожертвований на костел, на служителей культа, уплаты за обряды и иные собирались средства для АК. Организация тайно получала указания из руководящих центров, активно проводила их в жизнь как среди польского, так и белорусского населения. В марте 1943 года в Межеричский костел под видом помощника ксендза приехал представитель штаба АК из Варшавы. Вместе с кс.А.Горбой они объезжали хутора и деревни, проводя тайные инструктажи в низовых звеньях АК [1].

По мере разрастания воинских структур АК формировалась душпастырская служба. Деканом округа стал кс. майор прелат Адам Абрамович (пс. «Старый», «Ромуальд»), а с 1942 года — кс.подполковник Ян Скжэчковский (пс. «Котвич»). В штаб округа входили кс. Марек Бурак (пс. «Вербум») и кс. Александр Вежбовский (пс. «Робак»), кс. Чеслав Брулиньский (пс. «Чеслав», «Серафин», заместитель декана округа). Ксендзы Антоний Апанович, шеф душпастырства обвода Гродно (пс. «Остэндум»), Владислав Сарацен и Витольд Саросек (пс. «Верный») стали капелланами формирующихся подразделений Войска Польского. Активно работал в БИПе кс. Ян Дмоховский (пс. «Зарэмба»). Ксендз Никодим Зажецкий издавал в Гродно «Бюллетень радионовостей» (Biuletyn Wiadomości Radiowych). Расстрелян немцами в 1943 году.

Количество капелланов в лесных отделах увеличивалось, поскольку немцы развязали против католического духовенства жестокий террор. Многие вынуждены были уходить в отряды, спасаясь от преследований. Всего в округе за время гитлеровской оккупации имели связь с АК около 130 ксендзов [204, s. 476-482].

Душпастырство Виленского округа АК. Виленский округ образован в декабре 1939 года. Его комендантом стал подполковник Никодим Сулик (пс. «Йодко», «Йемела»). Округ подразделялся на 5 инспекторатов, которые в свою очередь состояли из обводов. Три инспектората включали в себя часть западных районов Белоруссии: инспекторат «В» — Браславский и Свенцянский; инспекторат «С» — Поставский, Дисненский; инспекторат «Д» — Ошмянский, Старовилейский, а с 1943 года — Воложинский, Молодечненский.

Структура округа и инспекторатов включала в себя и душпастырскую службу. В состав Комендантской Рады, которая являлась совещательным органом, митрополитская курия делегировала кс. Ромуальда Сверковского. Шефом финансов и санитарной службы стал кс. Казимир Кухарский (пс. «Шымон»). Душпастырство возглавлял декан округа, кс. подполковник Петр Рынкевич (пс. «Пётр», «Алекс»). Капелланом инспектората «В» назначен Юзеф Прайсер (пс. «Протазы») [202, s. 494-496].

Польское движение Сопротивления в округе стало активно разворачиваться с осени 1941 года. Немцам удалось напасть на след новых конспиративных связей поляков. При этом они выяснили, что *«польский католический клир отчасти тесно взаимодействовал с польскими конспиративными кругами. По неподтвержденным данным архиепископ Вильно дал указание подчиненным ему священникам призывать население половину из произведенной им продукции укрывать с тем, чтобы в случае ожидаемого переворота возвратившаяся польская армия могла быть обеспечена продовольствием».*

Костел служил не только духовной опекой, но и помогал другими способами. Специальный фонд АК в наличных деньгах и золоте хранился в одном из монастырей Вильно. Оружие и снаряжение хранилось более чем в 30 пунктах города и окрестностей [98, кадры 226528-226529].

Виленская курия и, в частности, архиепископ Ромуальд Ялбжиковский, канцлер курии кс. Адам Савицкий (пс. «Стэмпэль») сыграли немалую роль в организации подпольной борьбы против гитлеровцев. С благословения архиепископа Р. Ялбжиковского

были определены два шефа душпастырства: кс. подполковник Петр Рынкевич (пс. «Петр», «Алекс»), впоследствии декан Виленского округа, и кс. подполковник Гедымин Пилецкий (пс. «Длугош») — декан Новогрудского округа. К конспиративной сети вскоре подключились около 200 капелланов, монахов и монахинь. По мере разрастания АК в нее влилось еще около 200 лиц из числа духовенства.

В Трокелях храбрым и самоотверженным капелланом слыл кс. капитан Михаил Шолкевич (пс. «Зубр»). Капелланом 3-й Виленской бригады был кс. Болеслав Яскульский (пс. «Кордецкий»), 5-й Виленской бригады — кс. капитан Александр Грабовский, в 6-й Виленской бригаде — кс. Петр Сьяльский (пс. «Ляска»). Капелланом Ошмянского объединения и одновременно капелланом 8-й Виленской бригады был кс. Виктор Голинский (пс. «Виктор»).

Весомый вклад в дело подготовки кадров Виленского гарнизона внес кс. доктор, профессор Генрик Глебович (пс. «Болеслав Шавик», «Камень»). Являлся также организатором и редактором подпольного издания — ежемесячника «Завтра Польши» («Jutro Polski»), издаваемого тиражом 300-500 экземпляров (совместно с доктором Добжаньским). Осенью 1941 года арестован гестапо и убит в лесу возле Минска 16 ноября того же года.

Оккупационные власти жестоко преследовали католическое духовенство за связь с АК. Уже в первом квартале 1942 года в Вильно были арестованы и посажены в тюрьму Лукишки 14 ксендзов — профессоров Университета Стефана Батория и Высшей духовной семинарии [204, s. 494-497].

В дальнейшем связь с АК стала одной из причин жестоких репрессий гитлеровцев против католического клира.

Душпастырство Новогрудского округа АК. Активную роль в создании душпастырской службы сыграл кс. подполковник Гедымин Пилецкий. Будучи деканом округа, он регулярно наносил визиты в отряды, встречался с капелланами, помогал в проведении душпастырской работы среди бойцов. Он предлагал чаще говорить проповеди религиозного характера, петь с солдатами песни религиозно-патриотического содержания, принимать присягу от вновь вступивших в АК солдат [3].

Католическое духовенство округа активно участвовало в информационно-пропагандистской работе. Кс. подполковник Геды-

мин Пилецкий редактировал официальный орган Новогрудского округа АК «Swit» («Свит») (тираж 7 тыс. экземпляров). Типография находилась в д.Германишки в сарае. Здесь же издавался подпольный журнал для капелланов и офицеров «Sursum corda» («Возвышение сердца») и «Biuletyn Informacyjny» («Информационный бюллетень»). В зависимости от ситуации и необходимости там же печатались листовки.

В мае 1942 года немцы произвели в округе первые крупные аресты. В качестве заложников взяли католических ксендзов, местных жителей и учителей, всего около 200 человек. Большинство из них освободили, за исключением 17 ксендзов, которых расстреляли. В их числе кс. Боровский из Щучинского района, ксендзы из Василишек, Юратишек, Трокелей, Новогрудка, Несвижа и др.

Среди ксендзов, активно действовавших в Новогрудском округе АК, известны имена капеллана 3 батальона 77 полка кс. Мечислава Сувала (пс. «Оро»), кс. Петра Сичека, капеллана 5 батальона, кс. викария Юзефа Барадына (погиб в 1943 г. в Налибоках). Организатором радиосвязи в районе Налибокской пуши являлся декан из Рубежувичей кс. Юлиан Тарасевич (пс. «Пухач») [204, s. 496-497].

В конце 1943 года по подозрению в связях с польским подпольем немецкая полевая жандармерия арестовала ксендза из м.Заболоть Радунского района Вацлава Нурковского. За неимением доказательств его вскоре освободили, но следить продолжали. Немцам было известно, что ксендз помогал укрываться преследуемым гражданам. Не единожды ему приходилось смягчать отношение гитлеровцев к местным жителям. В очередной раз 17 января 1944 года гестаповцы окружили костел и плебанию, где проживал кс. Нурковский, в момент, когда там находились еще несколько участников подполья. Однако ксендзу удалось бежать. Более месяца он скрывался в разных деревнях, пока не пришел в феврале 1944 года в польский повстанческий отряд «Антонио» (соединение «Крыся»), действовавший на Вороновщине и Радунщине. Здесь он стал капелланом (пс. «Вацлав»). С мая по 19 июля находился в отряде «Паля». 19 июля оба отряда были окружены и разгромлены красноармейцы. Многие аковцы попали в плен, среди них и кс.Вацлав Нурковский. Вскоре его отпустили, и с 30 июля кс. Нурковский продолжил службу в Заболотском костеле, вплоть до ареста органами МГБ в ноябре 1944 года [3].

В 1944 году польские формирования значительно активизировали свою деятельность. Руководство АК готовилось совершить переворот во время отступления немцев до прихода Красной Армии и установить свою власть на территории, вошедшей в состав СССР в сентябре 1939 года.

В начале 1944 года из Вильно поступила директива всем формированиям АК на местах *«расширить свои ряды, вовлечь в них больше католиков и польских патриотов»*, без различия, поляки они или белорусы, и привести к присяге на верность Польше. Вероятно, католическое духовенство не оставалось в стороне от грядущих событий и способствовало этому. Так, в Браславском районе Вилейской области, согласно донесениям партизанской разведки, одним из организаторов польских подпольных групп и связным с центром являлся ксендз Завистовского костела (фамилия не указана) [56, лл. 154-156, 168].

В мае 1945 года Армия Крайова официально была распущена, а ее солдаты освобождались от присяги. И все же постаковские структуры продолжали действовать, но уже в подполье. Некоторые ксендзы по-прежнему держали с ними связь. В Волковысском районе, например, с ними были связаны ксендзы Иосиф Лавринович, Казимир Валентинович, Казимир Рослевский из Волковыска, Ян Чернецкий из д.Шиловичи [4] и ряд других.

После изгнания гитлеровцев из Белоруссии католическое духовенство попадает под прицел органов МГБ.

Глава 7

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ДУХОВЕНСТВА, ВЕРУЮЩИХ И КОСТЁЛА

Потери духовенства в начале войны

С началом второй мировой войны духовенство Западной Белоруссии понесло первые потери. Первыми жертвами стали капелланы Войска Польского. По некоторым данным, в трех лагерях для военнопленных на территории СССР — Старобельске, Козельске, Осташкове — в 1939–1940 годах находились 38 духовных лиц различного вероисповедания. К осени 1940 года в живых остались только двое: кс. Франтишек Тычковский и кс. Камиль Кантак, профессор Духовной семинарии в Пинске.

Вскоре неизвестными лицами были убиты 4 ксендза Виленского архидиоцепа: Бронислав Федорович, Бронислав Корень, Ян Крынский, Антон Тваровский [149, с. 19].

Однако массовых репрессий против духовенства в 1939–1941 годах органами советской власти не проводилось. В основном их облагали высокими налогами, конфисковывали земельные угодья и часть приходских помещений, затрудняли душпастьерскую деятельность и время от времени арестовывали и высылали вместе с другими группами населения по приговору «за участие в антисоветских конспиративных организациях». По некоторым сведениям, не менее 8 ксендзов, высланных в то время в лагерь, откуда не вернулись [149, с. 20].

Среди депортированных в 1941 году были Станислав Матыщик, викарий прихода Видзы, активный участник католического молодежного движения, вывезен 22 июня 1941 года в Архангельск, пропал без вести; кс. Ян Гой (1898–1950), настоятель прихода в Роготно, арестован 22 октября 1939 года за антисоветские высказывания, впоследствии 3 года находился в тюрьмах в Слониме, Барановичах и Минске.

В отличие от Литвы в Западной Белоруссии духовенство было вдали от политических конфликтов. Полковник Стефан Ровецкий в своем донесении генералу Соснковскому от 21 сентября 1940 года указал на *«полное отсутствие сотрудничества со стороны ксендзов. Епископ Лукомский запретил ксендзам связь с подпольной работой»* [196, с. 333].

Однако органы НКВД причисляли духовенство всех конфессий к числу «антисоветских», «контрреволюционных элементов»,

потенциальных врагов советской власти. Католическому духовенству инкриминировалась организация польских повстанческих антисоветских организаций. В мае 1941 года Управление НКГБ по Брестской области ликвидировало «Всепольскую военную организацию» («Ogólnopolska organizacja wojskowa»). К руководителям причислили и кс. — декана г. Пружаны Казимира Свѣнтэка (ныне кардинал, апостольский администратор и епископ Беларуси). Он был арестован и содержался в тюрьме. С приходом немцев кс. Свѣнтэк был освобожден [48, лл. 21-22].

В 1939 году в 3 километрах от местечка Глубокое нынешней Витебской области был создан лагерь для арестованных НКВД (действовал до 22 июня 1941 года). В нем погибли несколько сотен человек. В числе жертв, расстрелянных в июне 1941 года, находились католические священники: декан и настоятель прихода в Миорах кс. Франтишек Куксевич и настоятель прихода в Идолте кс. Станислав Эльяш [196, s. 334].

Количество жертв увеличилось с началом нападения Германии на Советский Союз. По различным данным, от 6 до 11 ксендзов только Виленского архидиоцеза погибли при отступлении Красной Армии в июне 1941 года [149, с. 20-21; 196, s. 334].

Трагический эпизод произошел в Зельвенском районе Барановичской области. Отступающие в июне 1941 года через д.Межеричи части Красной Армии были обстреляны с колокольни костела неизвестными лицами. В тот же день красноармейцы задержали ксендза этого костела Томаша Каминского, органиста Звежевича и местного жителя Наумчика. И хотя их причастность к обстрелу не подтвердилась, ксендза расстреляли [1].

По данным кс. Мечеслава Пашкевича, в числе погибших в первые дни гитлеровской агрессии на Советский Союз — кс. Эдвард Юнг из Кнышина (расстрелян в лесу около Храболы), кс. Эдвард Эугениуш Кулеша МІС* (около Полоцка), кс. Адольф Олдзейовский (Дойлиды около Белостока), кс. Зыгмунт Станкевич, кс. Томаш Каминский (д. Межеричи). В лесу между Трабами и Гольшанами был убит кс. Вацлав Родзько, настоятель прихода в Трабах [196, s. 334]. 24 июня в Трабах был убит кс. Станислав Зубкович, а 2 июля — кс. Станислав Сташелис, настоятель при-

* МІС — Congregatio Clericorum Regularium Marianorum sub titulo Immaculatae Conceptionis Beatissimae Virginis Mariae) — мариане (Конгрегация мариан во имя Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии).

хода в Сурвилишках Евгений Кулеша, настоятель Дома отцов мариан в Друе. Судьба многих неизвестна до сих пор [196, s. 314].

После установления в Белоруссии немецкого оккупационного режима против духовенства и Костела начались массовые репрессии.

Аресты, преследования, расстрелы духовенства и верующих

Отношение немецких оккупационных властей к католическому Костелу и духовенству в Белоруссии было продиктовано прежде всего целями гитлеровской политики в отношении народов, которых предстояло, по замыслу оккупантов, превратить в рабов германской расы. Особую ненависть вызывали поляки и Польша. Гитлеровцы отдавали себе отчет, какой опорой для поляков являются католический Костел и духовенство. Оно-то и навлекло на себя преследования и террор оккупантов, которые на восточных землях старались использовать в своих целях деформации и антагонизмы в национальных и религиозных отношениях, имевшие место в Белоруссии.

Уничтожение католического духовенства было частью общей политики истребления польской интеллигенции. Еще до нападения на Польшу ОКВ (верховное командование вооруженных сил), ОКХ (верховное командование сухопутных войск) и РСХА (Главное управление имперской безопасности) Германии договорились о том, что после окончания военных действий необходимо подвергнуть аресту примерно 30 тысяч человек, по спискам, заранее подготовленным агентурой СД. Выступая 7 сентября 1939 года, Гейдрих требовал физической ликвидации представителей польской элиты, к которым отнес дворянство, духовенство и евреев. Гитлер, в свою очередь, как свидетельствует запись Бормана от 2 октября 1939 года, приказал *«уничтожить польскую интеллигенцию»* [134, с. 76].

Духовенство ликвидировали не только как представителей польской интеллигенции, но и как *«носителей польского шовинизма»*, имеющих влияние на общество. Были причины и политические. 2 октября 1940 года Гитлер сказал: *«Когда какой-то ксендз этому противится (т.е. германским властям — Э.Я.), то с ним нужно коротко расправляться»* [203, s. 9].

Кроме того, предлогом могли быть связь с польским антифашистским подпольем, с советскими партизанами, помощь

еврейскому населению. Нередко духовенство брали в качестве заложников.

Формы уничтожения священнослужителей и монашествующих в Белоруссии не отличались от тех, которые использовали фашисты на ранее оккупированных землях, проводя политику геноцида в самых изощренных формах. Их подвергали аресту, сажали в тюрьмы, отправляли в концлагеря, расстреливали. За ксендзами устанавливалась тайная слежка немецких спецслужб. Их подозревали в связях с Армией Крайовой. Во многих случаях трудно даже установить, чем руководствовались гитлеровцы, преследуя и уничтожая духовный клир.

С первых дней войны наибольшие удары пришлось на Виленский архидиоцез. В начале июля 1941 года его территория оказалась под немецкой оккупацией. Само Вильно было занято немцами уже 24 июня.

Территория архидиоцеза была разделена границами административных единиц, а запреты немецких властей затрудняли или даже делали невозможными сообщения между отдельными ее частями. Многочисленные аресты и убийства ксендзов привели к тому, что костелы оставались без душпастырей. Это касалось особенно той части архидиоцеза, которая находилась в Генеральном комиссариате Белорутения, где встречались приходы без ксендзов, переданные под опеку соседним ксендзам. Запреты немецких властей делали невозможной присылку ксендзов из виленской части диоцеза.

В марте 1942 года архиепископ Р.Ялбжиковский вместе с канцлером курии кс.Адамом Савицким были вывезены в Мариямполь и лишены всяческого контакта с архидиоцезом. Власть перешла к архиепископу Мечиславу Рейнису. Еще раньше была закрыта Духовная семинария, арестованы профессора теологического факультета и семинарии, а также 70 клериков*, из которых 50 вывезены на работы в Германию. Арестованы были и другие ксендзы в Вильно, в том числе и члены капитулы, за исключением трех каноников.

Репрессиям подверглись обитатели мужских и женских монастырей. 26 марта 1942 года немцы арестовали около 160 монахинь и около 60 монахов. Однако через некоторое время они были освобождены [186, с. 155].

22 августа 1942 года архиепископ Рейнис писал кардиналу Маглионе, что, по неподтвержденным данным, на протяжении

* Клерик — студент духовной семинарии.

последних двух месяцев немцы арестовали в белорусской части архидиоцеза около 50 ксендзов, а 6 расстреляли. Очевидно, архиепископ имел в виду расстрелянных в начале июля Ромуальда Дронича, Болеслава Мацевевского, Адама Масюляниса, Антония Скорка, Владислава Вечорека. Есть предположение, что погибли по причине «польскости», в частности, за употребление в богослужениях выражения «Королева Короны Польской» и нарушение запрета о колокольном звоне.

В 1941 году и позже ксендзы-поляки направлялись на Минщину в душпастырских целях. Первыми были Юзеф Белявский и кс. д-р Генрик Глебович. Затем погибли ксендзы Антоний Святополк-Мирский, иезуит, салезиане Изыдор Марциниак и Владислав Вечорек.

На Минщине самоотверженно работали ксендзы-белорусы из Виленского архидиоцеза — Станислав Гляковский, Винцент Годлевский, из Пинского диоцеза — кс. Дионисий Малец и Казимир Рыбалтовский. Немцы вначале терпимо относились к их деятельности, а затем уничтожили их [196, s. 339].

В Белостокском округе преследование духовенства шло с общей тенденцией уничтожения польской интеллигенции. Во время реколекций, торжественных месс иногда проводили облавы для вывоза на принудительные работы. Такие случаи были в Домброво, Ясенувце, Шидловичах, Сураже, Калиновце и других [196, s. 343].

Арестам гитлеровцев во время оккупации подвергались католические священники Гродно. Дважды — в октябре 1942 года и 23 сентября 1943 года — гестапо арестовывало гродненского декана ксендза-профессора Альбина Ярошевича. Первый раз три недели он содержался в гродненской тюрьме в качестве заложника, вторично заключен под стражу в белостокскую тюрьму и освобожден 9 ноября 1943 года.

В октябре 1942 года гестапо арестовало несколько духовных лиц из Гродно — ксендза Бернардинского костела Антония Куриловича, викария Валериана Войтаха, гвардиана Францисканского мужского монастыря Михаила Дениса Климчака OFMConv и около 20 монахинь женского монастыря сестер-назаретянок. Трудно понять, какая цель преследовалась гитлеровцами. Возможно, тем самым хотели устрашить и верующих, и духовенство.

23 сентября 1943 года были арестованы ксендз-настоятель Бернардинского костела Михаил Аранович, настоятель Францисканского костела Титус Сцеллевич, его викарий ксендз Аркадий Банасек, бесприходный ксендз (служил в католической часовне

при детском доме) Ян Круковский. Накануне ареста их собрали в доме кс. Ярошевича под предлогом проведения конференции. Гестапо освободило в то время лишь ксендза Арановича. Остальных десять дней содержали в гродненской тюрьме, а затем перевели в белостокскую [2].

Во время оккупации немцы обратили внимание на религиозные кружки «терциариев», посчитали их в некоторых местах за антинемецкие. В Домачеве Брестской области за это даже расстреляли ксендза [79, л. 194].

Репрессии и уничтожение духовенства усилились с 1942 года. Очевидно, это была ответная мера гитлеровцев на размах польского подпольного движения, которое напоминало о себе антинемецкими листовками, газетами, актами саботажа. Это вызывало беспокойство немцев: *«И хотя оно работает преимущественно пропагандистски — террористически, однако уже подготавливает почву для «Всеславянской освободительной борьбы» в том смысле, что своими призывами вносит колебания в белорусское население и систематически запугивает его».*

Не оставалось в стороне от борьбы с оккупантами и католическое духовенство, которое, по наблюдениям немцев, *«использует церковные богослужения для натравливания населения против немцев, укрывает в костелах и духовных семинариях бывших польских офицеров»* [95, лл. 109-110].

Подъем патриотических настроений среди населения, в том числе и католического духовенства, в западных областях Белоруссии, в частности, в Вилейской области, отмечал и побывавший там заместитель командира разведывательно-связистской группы Минского обкома партии Карпов (очевидно, осень 1942 года): *«На антигерманской позиции здесь происходит своеобразный союз всех национальных и социальных прослоек населения, включая даже бывших высланных осадников, попов, ксендзов и помещиков. Если среди православного духовенства существуют еще сторонники вновь созданной белорусской церкви, то среди ксендзов часто можно встретить таких, которые в своих проповедях призывают к помощи партизанам. В связи с этим по Вилейской области имеется ряд фактов арестов и вывозов ксендзов и помещиков»* [50, л. 1].

В Белорусский штаб партизанского движения поступали донесения от советских разведслужб, свидетельствующие об усилении в конце 1942 года процесса «объединения сил всех на-

циональных и социальных прослоек населения, особенно среди поляков, ... на почве борьбы с гитлеризмом» [57, лл. 1-2].

В конце июня — начале июля 1942 года гестаповцы арестовали 16 ксендзов Василишского, Вишневецкого, Лидского, Радунского деканатов Барановичской области. Некоторых взяли во время богослужений. Василишского декана престарелого Игнатия Цырацкого прихожане выкупили за взятку. Пятерых вскоре освободили, в их числе автора более 200 теологических работ кс. д-ра Ильдефонса Бобича, с условием, что свои проповеди будет произносить по-белорусски. Остальных долгое время содержали в лидской тюрьме в ожидании приговора.

Комендант тюрьмы, желая, очевидно, их спасти, дал возможность уйти под слово чести на празднование Рождества Христова. Ксендзы сдержали слово и вернулись после праздника. 10 марта 1943 года гитлеровцы вывезли в лес недалеко от Лиды и там расстреляли ксендзов Александра Августиновича, Альфонса Боровского, Винцента Лабана, Стефана Снегоцкого, Стефана Домбровского, Юрия Ожаровского, Франтишка Цыбульского, Винцента Стресневского, Люциана Мрошковского.

Нескольким ксендзам в окрестностях Лиды удалось избежать ареста и укрыться или уйти в отделы АК, в их числе кс. Игнатий Крыньский, кс. Бронислав Садовский и кс. Петр Сишек.

За помощь евреям и связь с партизанами погибли кс. Кароль Любянец, декан Молодечно, генеральный vikарий в Белоруссии, кс. Болеслав Грамз, кс. Казимир Гроховский, исполняющий обязанности бургомистра Слонима [149, s. 24-25; 176, s. 204; 196, s. 339].

Ксендзы расстреливались немцами и за активную душпастьерскую деятельность.

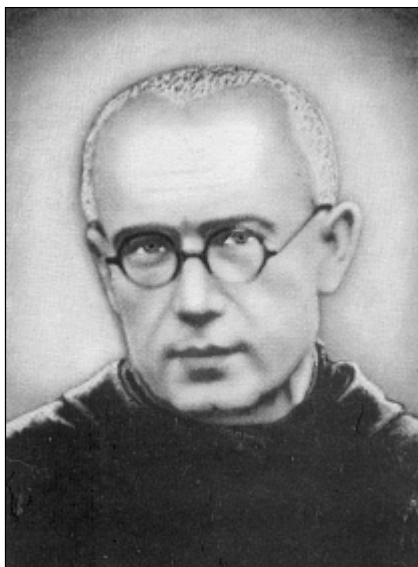
С конца ноября 1941 года настоятелем прихода Дрисса (ныне Верхнедвинск) стал кс. Мечислав Богаткевич. На богослужениях всегда было много людей. Его проповеди были обращены к каждому прихожанину и глубоко западали в сердце. Ксендз оказывал посильную материальную помощь остро нуждающимся, обеспечивал им духовную опеку. Он переписывался с архиепископом Ромуальдом Ялбжиковским, сообщал о положении дел в приходе и просил совета. Все это не нравилось оккупантам. В начале января 1942 года кс. Мечислав Богаткевич был арестован гестапо, а 4 марта 1942 года расстрелян в лесу около Березвеша.

Таковую же трагическую участь разделили вместе с ним ксендзы Владислав Мацьковяк и Станислав Пырток из Иказни Миорского деканата [181, s. 17-19, 26].

Во время оккупации католическим священником в Браславе и браславским деканом был Мечислав Акрейць. Его трагическая смерть овеяна ореолом мученичества. 3 июня 1942 года гитлеровцы стали уничтожать население Браславского гетто. Несколько дней в местечке не стихала стрельба. В один из таких дней ксендз находился в костеле, когда невдалеке стали раздаваться крики и выстрелы. Ксендз выбежал на паперть и вдруг упал замертво — в сердце попала шальная пуля из немецкого автомата. Оккупационные власти приказали объявить прихожанам, что у ксендза не выдержало сердце. Очевидцы говорили, что в последние минуты жизни он показывал беглецам, куда нужно убегать [130, с. 74].

Ксендзы порой сознательно жертвовали своей жизнью, оставаясь до конца вместе с обреченными на смерть прихожанами.

В историю Костела как символ мученичества и жертвенности вошел кс. Раймунд Кольбе, монашеское имя Максимилиан Мария (1894–1941), францисканец, основатель и гвардиан Непокоянова (Т-во Непорочно Зачатой Девы Марии) польского и японского. Подвижник Костела, доктор теологии, проводил до начала войны активную миссионерскую и издательскую деятельность. С января 1922 года начал издавать ежемесячный журнал «Рыцарь Непорочно Зачатой» («Rycerz Niepokolanej»). С ноября 1922 до конца 1927 года редакция размещалась в Гродно, а затем в Непокоянове возле Сохачева (Польша).

Кс. Раймунд Кольбе

С началом военных действий Кольбе с небольшой группой монашествующих создал в опустевшем Непокоянове госпиталь для раненых. 19 ноября 1939 года немцы арестовали Кольбе и его сподвижников. После заключения в лагерях в Ламсдорфе, Амтице под Берлином, Остшешове 12 декабря 1939 года их освободили. Кс. Максимилиан Кольбе в Непокоянове помог укрыться 3000 беженцам из Познаньского края и Поморья, среди них было около 1000 евреев.

17 февраля 1941 года Кольбе с четырьмя монахами вновь был арестован немцами и помещен в тюрьму Павиак, а 28 мая перевезен в концлагерь Освенцим. Когда в начале августа немцы учинили очередную расправу над заключенными, Максимилиан Кольбе пожертвовал собой вместо 40-летнего Франтишка Гайовничка, лесничего, сержанта Войска Польского, женатого и имеющего троих детей. Приговоренный к голодной смерти вместе с другими узниками, умер 14 августа 1941 года. На следующий день его тело немцы сожгли в крематории [174, с. 296-297].

Во время немецкой оккупации в деревне Росица, на северо-западе от Верхнедвинска (деканат Дрисса-Себекс, Могилевский архидиоцез) начал душпастьерскую деятельность кс. Антоний Лещевич МС из Дома отцов мариан в Друе. В сентябре 1941 года для миссионерской работы туда прибыли сестры-эвхаристки, а в июле 1942 года к ним присоединился кс. Юрий Кашира МС. Ими проводилась активная душпастьерская деятельность.

В конце 1942 года кс. А. Лещевича и кс. Ю. Каширу предупредили, что немцы готовят карательную акцию, и предложили покинуть приход. Но ксендзы решили остаться, хотя их жизни угрожала опасность. 16 февраля 1943 года гитлеровцы начали карательную операцию. Половину населения деревни расстреляли, вторую загнали в росицкий костел. Молодых вывезли на работы в Германию, а дети, старики, слабые люди были осуждены на смерть. Ксендзы остались вместе с ними, чтобы оказать обреченным моральную поддержку.

Кс. Антония Лещевича взяли 17 февраля 1943 года и вместе с другими привезли на санях к месту казни недалеко от Двины. Там жертв затолкали в конюшню, которую затем подожгли. На следующий день гитлеровцы казнили кс. Юрия Каширу и оставшихся жителей Росицы. Их закрыли в деревенской избе недалеко от главного тракта и сожгли заживо. Ночью оставшиеся в живых жители деревни тайно похоронили замученных односельчан [149, с. 23-24].

19 июня 1943 года зверски были убиты францисканцы о. Герман Стэмпень OFMConv* и о. Ахилес Пухало OFMConv, которые работали в приходе Пяршяй (Ивенецкий деканат). По свидетельству одного из очевидцев, комендант местной жандармерии за день до начала карательной операции предлагал священникам спрятаться, но францисканцы ответили, что не могут оставить в такую

* OFMConv (Ordo Fratrum Minorum Conventualium) — францисканцы, конвентуальные францисканцы (Орден меньших братьев конвентуальных).

минуту своих верующих, и присоединились к осужденным на смерть людям. Гестаповцы согнали всех в деревню Боровиковщина, где вывели из толпы обреченных ксендзов. Их расстреляли на окраине деревни в сарае, который затем подожгли [149, с. 25-26].

В июне–июле 1943 года в фортах у д.Наумовичи (10 км от Гродно) гитлеровцы расстреляли более 3 тысяч мирных жителей, преимущественно местных интеллигентов. В числе жертв 6 священнослужителей: капеллан женского монастыря назаретянок Юльян (Юстин?) Скоковский, викарий Фарного костела Казимир Шепилло, гвардиан Францисканского монастыря кс. Денис Климчак OFMConv, а также кс. — д-р Витольд Кузьмицкий (Домбровский декан), кс. Бронислав Рутковский (настоятель прихода в Липске), кс. Юзеф Плоньски (настоятель прихода в Рыгалувке) [149, с. 22; 176, с. 171, 184]. Вместе с ними расстреляли служащих Фарного костела сторожа Яна Бонарского с женой и 17-летним сыном, служанку Веру (фамилия неизвестна), прачку Альбину Рапейко [2].

1 августа 1943 года гестапо расстреляло настоятельницу Ордена Сестер Наисвятейшей Семьи из Назарета Марию Стеллу и 10 сестер-назаретянок из Новогрудка. Сестры-монахини не были участницами движения Сопротивления. В дни немецкой оккупации они скромно выполняли свое предназначение, готовили детей к первому причастию, помогали людям морально вынести тяжести оккупации. Они стали жертвами фашистского террора лишь потому, что нацисты ненавидели католическую веру и Костел [155].

Репрессиям по религиозным мотивам подвергались не только духовные, но и светские лица, глубоко верующие, тесно связанные с Костелом. К сожалению, на протяжении послевоенных десятилетий этой проблемой никто не занимался. В последнее время в Гродненском диоцезе создана Комиссия по делам Новых Мучеников, которая по крупицам собирает сведения о репрессиях по отношению к духовным и светским лицам в годы второй мировой войны. За давностью лет многое исчезло из людской памяти, поэтому восстановить в деталях, как преследовались верующие, не представляется возможным. Лишь некоторые имена возвратились из небытия.

От рук немцев в июле 1942 года погибла Данута Меляшук, светская, одна из организаторов Союза Католической Молодежи в Косовском приходе Пинского диоцеза. Вместе с ней в числе группы заложников расстрелян ее муж, органист костела Станислав Меляшук. Антона Баламанского, жителя деревни Табола прихода

*Слуги Божии — Мария Стелла и 10 сестер
из Ордена Сестер Наисвятейшей Семьи из Назарета*

Белица Лидского деканата, немецкая полиция арестовала только за то, что он организовал шествие по случаю освящения придорожного креста в д. Табола. 10 марта 1943 года его расстреляли вместе с девятью лидскими ксендзами.

Марьяну Бернацкую, уроженку г. Липска Ломжинского диоцеза, гитлеровцы арестовали в начале июля 1943 года во время массовой облавы за убитого партизанами немецкого полицая. В списки смертников попали Станислав Бернацкий, сын Марьяны, и его беременная жена Анна. Марьяна выпросила себе право пойти на смерть вместо своей невестки и нерожденного внука. Вместе с другими арестованными ее перевезли в тюрьму в Гродно, а 13 июля 1943 года расстреляли вместе с 49 жителями Липска [149, s. 83, 99, 101].

Не представляется также возможным установить точное количество репрессированных духовных лиц. Практически каждый из священнослужителей испытал на себе гитлеровский террор. В изданном в Польше «*Martirologium duchowieństwa polskiego*» приводятся короткие биографические и обобщенные сведения о

репрессированных и уничтоженных духовных лицах, среди которых есть и священнослужители, и монашествующие из Белоруссии.

Так, в Ломжинском диоцезе, к которому относилась часть западнобелорусских приходов, за период войны в концлагерях погиб 31 ксендз, во время военных действий — 1, расстреляны на месте — 13, умер в тюремном госпитале — 1. Помимо того, через немецкие тюрьмы прошли 13, концлагеря — 21 священнослужитель [176, s. 172].

В Виленском архидиоцезе за период немецкой оккупации были репрессированы 184 духовных лица, 85 из них были замучены, в том числе 68 — на территории архидиоцеза [196, s. 339].

Репрессивные акции шли одновременно с ограничением всей деятельности Костела, богослужений, разграблением и разрушением духовных святынь.

Закрытие, разграбление и уничтожение костёлов

Драматическое положение католицизма в оккупированной немцами Белоруссии дополнялось получившей распространение практикой закрытия, разграбления и даже уничтожения костелов, превращения их в складские помещения. Такая ситуация вытекала из бесправного положения Костела, о чем говорилось в предыдущей главе. Кроме того, поведение польского католического духовенства, поддерживавшего борьбу с гитлеровскими оккупантами, никак не согласовывалось с представлениями руководства нацистской Германии о роли духовных пастырей. В свое время нацисты полагали возможным использовать Костел в целях Рейха. В выступлении на совещании 2 октября 1940 года Гитлер говорил: *«Весьма правильно, чтобы поляки сохранили свой католицизм; польские ксендзы... должны управлять своими овцами в установленном нами порядке. Ксендзы... должны говорить такие проповеди, которые нам нужны. Ксендзы должны удерживать поляков в покорности, глупости и темноте; это соответствует нашим интересам...»* [203, s. 9].

Одним из проявлений антикатолической политики оккупантов стало закрытие костелов. Службы в костелах не могли проводиться без соответствующих на то разрешений.

В округе Белорутения в конце октября — начале ноября 1941 года немцы отнимали у ксендзов ранее выданные разреше-

ния на богослужения до проведения регистрации и выдачи новых. Распоряжение действовало во всем округе. Наиболее скрупулезно оно выполнялось в Слониме. Здесь требовалось, чтобы ксендзы каждые две недели приезжали в Слоним за получением разрешения на богослужения и возможность выполнения обязанностей священнослужителей.

В январе–феврале 1942 года были закрыты костелы в Браславском уезде (из-за тифа), более длительный срок не работали костелы в Иодах и Замошье. Возможно, были временные закрытия костелов из-за эпидемий в Глубокском, Вилейском, Молодечненском районах [196, s. 347-348].

В гебитско-комиссариате Лида до выдачи новых разрешений временно были закрыты костелы, что вызвало возмущение верующего населения. Принимая, однако, во внимание набожность местных католиков, все же были разрешены богослужения в праздничные дни. Действиями местных властей высказал недовольство ксендз-декан, заявивший, что *«подача заявления на выдачу разрешения на богослужение несовместима с его совестью. Он опасается возможного отлучения от Костёла, если нарушит каноническое право»*.

Ситуация с закрытием костелов в Лиде вынудила вмешаться нового Виленского архиепископа д-ра М.Рейниса. В письме–прошении от 8 июня 1942 года на имя генерального комиссара открыть костелы он писал: *«Такое положение очень угнетающе действует на верующих, которые освобождены от большевистского ярма германским вермахтом и которые требуют участия в богослужениях и надеются, что немецкие авторитеты гарантируют полное исполнение религиозных обязанностей путем беспрепятственного участия в божественной службе, приеме священных таинств, религиозных и нравственных поучений»*.

В генеральном комиссариате это расценили как вызов. *«Я прошу представить мне дополнительное сообщение, придерживается ли упомянутый декан в Лиде своей прежней точки зрения или тем временем изменил ее, — писал в письме на имя гебитско-комиссара г. Лиды 6 августа 1942 года Юрда. — Если вышеназванный упорствует, то против него по договоренности со службой безопасности с целью пресечения следует принять строгие меры: лишить его должности и заменить священником, который по долгу службы свои обязанности считает обязанностью согласовывать с государственными указаниями и осуществлять их в унисон со своей церковной совестью»* [65, лл. 45-46].

Последующим испытанием для духовенства было уничтожение костелов. Во время прохождения фронтов костелы, находящиеся на высотах, с высокими башнями, были идеальным местом для военных наблюдателей, и с этой точки зрения сами святыни были мишенью для артобстрела. На Белосточчине таким образом был уничтожен в 1939 году костел в Гелчине. В 1941 году были уничтожены костелы в Сураже, Ухове, Хороши, Чарной Роси, Климувце и Соколянах, а также сожжена каплица на территории прихода Ялувка.

Большой ущерб нанесен костелам во время Белостокской операции (5–27.VII.1944 года). Были разрушены костелы: св. Антония в Ялувцы, приходской в Соколянах, Благовещения Пресвятой Девы Марии в Супрасле, уничтожена одна треть костела в Суховоли, частично в Кoryтине, в Моньках, Ганендзу. Сожжены костелы в Кузнице, Хороше, каплица в Кулешах, сожжена крыша костела в Крыпне, разрушена башня костела в Кнышине, уничтожен костел в Осовце, разобран для окопов костел в Гелчине. Эти уничтожения охватывают только фрагменты и то только на территории современного архидиоцеза в Белостоке. (В то время территориально они относились к западным областям Белоруссии.)

22 августа 1941 года Эрих Кох издал распоряжение о *«принятии всех домов и хозяйственных построек в округе Белосток»*, которое скрупулезно реализовывалось. На территории архидиоцеза в границах Польши было уничтожено 25 племаний, много хозяйственных построек, домов, находящихся в распоряжении костельных организаций [196, s. 346-347].

В границах современной Гродненской области пострадало 13 католических храмов. При отступлении немцы сожгли костелы в д.Озеры, м.Свислочь, д.Перстунь Сопоцкинского района. Всего в границах современной Беларуси гитлеровцами было уничтожено, сожжено или разрушено 77 костелов, в т.ч. в Барановичской обл. — 15, Брестской — 5, Гродненской — 13, Молодечненской — 11, Минской — 4, Пинской — 9, Полоцкой — 1 [77а, Д. 92, лл. 9,13,19,23,27; Д. 93, лл. 3,5,8,10; Д. 136, л. 61]. Частично оказались поврежденными костелы в Лиде, д.Межеричи и д.Деречин Зельвенского района, д.Селивановцы и д.Адамовичи Сопоцкинского района. Из костела в м. Зельва гитлеровцы увезли ценные иконы XVII века, золотые чаши. Из костела пиаров в Лиде в 1942 году изъяли 3 старых колокола, а в 1944 — вещи религиозного культа — предметы декоративно-прикладного искусства, иконы. Общий ущерб только по костелам Гродненщины составил

31 822 317 рублей по довоенному курсу [10, л. 3]. 18 костёлов занято православной церковью [61, л. 103].

Разрушенный костел в Могилеве

Поврежденный костел в Минске (на заднем плане)

В связи с потребностью промышленности Германии в черных и цветных металлах в Белоруссии производился сбор металлолома. Указ генерального комиссара от 18 апреля 1942 года призывал участвовать в этой акции на принципах «добровольного пожертвования» церковь. Очевидно, что «добровольцев» среди католических священнослужителей не оказалось. Вот результаты «акции», по данным одного только гебитскомиссара в Глубоком. Всего было собрано: 7920 кг меди, 34875 кг латуни, 520 кг свинца, 259 кг цинка, 387,40 кг монет, 12356,80 кг колоколов и 830,45 кг прочего. И если священнослужители Православной Церкви не выражали протеста, то со стороны ксендзов *«до некоторой степени наблюдалось пассивное сопротивление. Отдельные священники отказывались отдавать свои церковные колокола без письменного на то указания. Колокола все же были сброшены с башен»* [62, л. 3].

Проведенное после войны расследование злодеяний немецко-фашистских оккупантов показало, что в Виленском архидиоцезе каждый пятый костел нужно было отстраивать либо ремонтировать. Только в белостокской части архидиоцеза 20 из 52 приходских костелов (почти 38 %) были уничтожены или повреждены. 14 костелам во время военных действий был нанесён ущерб. Уничтожены и иные костельные здания, в том числе плебании и приходские дома [186, s. 157].

Разрушения и разграбления святынь католического культа дополняют общую картину положения Костела во второй мировой войне.

Глава 8

КОСТЁЛ В ОСВОБОЖДЕННОЙ БЕЛОРУССИИ

Новые аспекты конфессиональной политики государства

Летом 1944 года немецкие оккупанты были изгнаны Красной Армией из Белоруссии. Начался не менее тяжелый для народа этап восстановления всего разрушенного войной. Происходящие в то время общественные процессы характеризовались укреплением тоталитарной системы, усилением ее влияния на все стороны жизни страны.

В отношениях с религиозными конфессиями государство продолжило курс на усиление контроля за их деятельностью и ограничение религиозного влияния на население. Постановлением № 572 СНК СССР от 19 мая 1944 года был организован Совет по делам религиозных культов при правительстве, в задачу которого входило *«осуществление связи между Правительством СССР и руководителями религиозных объединений: армяно-григорианской, старообрядческой, католической, греко-католической, лютеранской церковей и мусульманского, иудейского, буддийского, сектантского вероисповеданий по вопросам этих вероисповеданий, требующих разрешения Правительства СССР»* [80, л. 1].

29 мая 1944 года постановлением СНК СССР № 628 утверждалось *«Положение о Совете по делам религиозных культов при СНК СССР»*. Оно определяло широкий круг вопросов, которые были подконтрольны и находились в компетенции Совета и его Уполномоченных при СНК союзных и автономных республик и обл(край)исполкомах [12, лл. 29-40]. Создание таких структур должно было свидетельствовать о полном решении религиозного вопроса в СССР, о «гармонических» отношениях государства и церкви, обеспечении свободы совести в советской стране. На практике же все было иначе. Уничтожение религии постепенно вновь стало набирать обороты. Но оно приобретало все более дифференцированный характер.

Из христианских конфессий наибольшие удары пришлось на римско-католическую, религиозный центр которой — Ватикан — по-прежнему оставался враждебным Советскому Союзу. К Русской Православной Церкви советское правительство стало проявлять

особую лояльность, создавая некоторую возможность церковного возрождения и расширяя ее полномочия. Но за ширмой благополучия в церковном вопросе сталинское руководство продолжало держать РПЦ под жестким контролем, полагая в перспективе частично вмонтировать ее в систему режима [146, с. 115-117].

Очевидно, таким образом предполагалось внести раскол среди верующих и духовенства разных вероисповеданий, не допустить возможного их единения в противодействии атеизму и идеологическому антагонизму с государством.

Была и другая, не менее веская причина. В правительственных кругах сформировалось мнение о деятельности религиозных конфессий во время войны, которое в будущем сыграло весомую роль не только в определении отношения государства к церкви, но и оправдания его репрессивной политики. Оно прозвучало в докладе И.Полянского, председателя Совета по делам религиозных культов при СНК СССР, на Всесоюзном совещании Уполномоченных Совета в Москве 20 мая 1945 года. В нем, в частности, говорилось: *«Не все религиозные культы в равной мере и особенно перед лицом надвинувшейся на Советский Союз смертельной опасности, когда на него напали германские фашисты, встали на патриотические позиции.*

Так, если Русская Православная Церковь 22 июня 1941 года, т.е. в день нападения фашистской Германии на Советский Союз устами своего руководителя бывшего митрополита Сергия, впоследствии избранного патриархом Московским и Всея Руси, недвусмысленно заявила всем верующим об опасности, которая стала грозить Советскому Союзу и мобилизовала всех своих верующих на отпор немецким захватчикам, когда вслед за православной церковью с такими же патриотическими воззваниями выступали руководители мусульман, армянской, старообрядческой церкви, евангельские христиане и баптисты, то такие религиозные организации, как римско-католическая, греко-католическая и лютеранские церкви, вместо мобилизации верующих на отпор немецким захватчикам открыто перешли на их защиту, стали приветствовать их как освободителей от большевиков и почти целиком начали служить интересам германского империализма.

Свою линию поведения руководители указанных выше объединений не изменили и после того, как вся Прибалтика, Западная Украина и Западная Белоруссия были очищены нашей доблестной Красной Армией от немецко-фашистских захватчиков» [25, лл. 18-19]. Из всего этого следовало, что наиболее неудобным для советского государства оставался римско-католический Костел.

Очередным шагом в направлении подчинения религиозных конфессий государству стало проведение с 1945 года регистрации религиозных общин. От верующих требовалась подача заявления в местный исполком совета за подписью «двадцатки»¹ на право регистрации костела или культа. Служители культа представляли анкету и автобиографию. Помимо того, требовался технический акт на пригодность костела для отправления в нем молитвенных собраний, заключение договора на передачу костела и культового имущества в бессрочное и бесплатное пользование верующим за подписью «двадцатки», опись культового имущества, составленная и подписанная той же «двадцаткой». Помимо того, избирались костельный совет и ревизионная комиссия.

Регистрация воспринималась католическим духовенством как грубое вмешательство во внутрикостельную жизнь. *«Государство не имеет права вмешиваться в работу костела и не имеет права проводить регистрацию, — говорил декан Гродненского деканата кс. Антоний Курилович. — Мы требуем, чтобы земля, имеющаяся в костеле-приходе, также была передана костелу на вечное и бесплатное пользование. Костелы никто никогда не национализировал и вмешиваться в их работу со стороны государства будет неправильно».* Такую позицию занимало все католическое духовенство, хотя в той ситуации высказаться открыто никто не мог [11, л. 5]. Но под угрозой закрытия костелов и запрещения богослужений уполномоченные Совета вынуждали верующих и духовенство проходить регистрацию.

Больше всего конфликтов вызывал 6-й пункт анкеты служителя культа — «гражданство». Ксендзы отказывались признавать советское гражданство. Так, из 89 ксендзов Гродненской области гражданином СССР в 1945 году считал себя только ксендз Радунского костела Ян Василевский. Примечательно высказывание ксендза Поречского костела Вацлава Романовского: *«Из волка овечку не сделаешь, так из меня тоже вы не сделаете гражданина СССР. Я бы желал быть гражданином Польши, а жить в Советской Белоруссии»* [11, л. 6].

Католическое духовенство, очевидно, предполагало, что при неопределенности тогда еще границ Польши с помощью западных государств удастся вернуть их к состоянию до сентября 1939 года.

¹ «Двадцатка» — 20 совершеннолетних верующих, которые официально считались учредителями религиозной общины.

Общественно-политическое положение Костёла

Ужесточение политики государства по отношению к Костелу не привело к его полному уничтожению. Костел по-прежнему удерживал отведенное ему историей место в духовной жизни общества.

Наибольшее его влияние по-прежнему оставалось в западных областях Белоруссии. По данным Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ БССР, в 1945 году по 6 западным областям (Барановичской, Брестской, Пинской, Гродненской, Молодечненской, Полоцкой) насчитывалось 325 костелов, 692 120 верующих [84, л. 196].

Удручающую картину послевоенного положения Костела обрисовал в отчете Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Полоцкой области: *«Действующие костелы функционируют в районах, находившихся до 1939 года под Польшей. Не действующие костелы все полуразрушены, два из них заняты под жилье, один в Ушачском районе в д. Сельчицы и второй в Дриссенском районе м. Росица. И одна римско-католическая каплица в Шарковщинском районе используется как зернохранилище. В Ушачском районе м. Ушачи римско-католический костел действует свыше 20 лет, во время боев с немцами костел разрушился, остались только стены, крыши, потолок и различных связей нет. По ходатайству райисполкома данный костел передан им под ремонт для целей по усмотрению района. Остальные почти полностью разрушены, никем не занимаются»* [82, л. 2 об.].

Не все приходы обслуживались ксендзами. Многие погибли во время войны или очутились за пределами республики. Оставшиеся продолжали душпастырскую деятельность в весьма трудных условиях.

Предстояло возобновить работу недействующих костелов, укомплектовать их ксендзами. Деканы переводили ксендзов из приходов с меньшим количеством верующих в приходы, где католиков было больше. Практиковалось в некоторых случаях обслуживание ксендзами нескольких приходов [59, л. 163].

Для католического духовенства по-прежнему оставалось актуальным обучение детей и подростков основам религии. В то время такие занятия еще официально не запрещались, поэтому в приходах, где были ксендзы, обучение носило массовый характер. Только по Гродненской области в 1945 году изучением катехизиса было охвачено 2–3 тысячи детей, в основном 6–12-летнего воз-

раста. Из них 1500–2000 поляков по национальности, 1000–1500 белорусов, принявших католическую веру. Обучение проводилось как ксендзами, так и подготовленными лицами из числа католического актива. Изучение религии велось 2,5 — 3 месяца по 3–4 раза в неделю [59, лл. 169–170].

Во время войны немало костелов пострадало, а имущество было вывезено оккупантами. В мирное время требовалось их восстановление. Но в отличие от других объектов, в том числе и культуры, государство не предусматривало выделения костелам средств на отстройку и реставрацию. Так, в 1943 году в м.Василишки Василишковского района Гродненской области немцы сожгли костел. Около него осталось полуразрушенное жилое помещение на 20–25 человек. Кс. Пивоварун с помощью католиков отремонтировал и стал проводить там богослужения. Чтобы восстановить костел, ксендз обращался в различные советские инстанции, однако помощи не получил [59, л. 162].

Не возрождалась религиозная жизнь в восточных областях Белоруссии. Как свидетельствуют документы, *«в результате ряда последовательных мероприятий на протяжении 32 лет существования советской власти, примененных для осуществления декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, а также в результате антирелигиозной пропаганды, обоснованной советской экономикой и культурой, были ликвидированы все 84 опорных пункта Ватикана — костелы и их руководители — 107 ксендзов.*

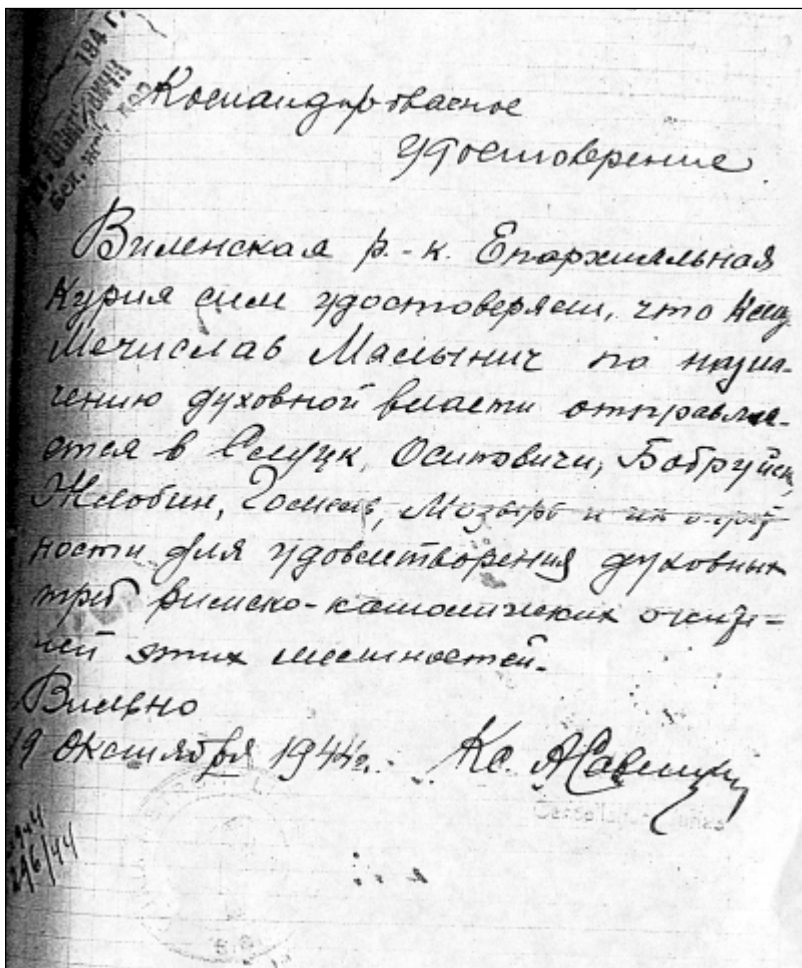
Такое положение с костелами и ксендзами наступило в 1944 году в связи с бегством ксендзов вместе с немцами при освобождении БССР от немецких захватчиков, а также в связи с добровольным выездом их в Польшу и арестом оставшихся за антисоветскую деятельность. Последний ксендз минского костела — Шутович — был репрессирован органами госбезопасности в феврале 1945 года» [60, л. 3].

В 1945 году в восточных областях республики (кроме Полесской) остались незанятыми под зерносклады или культурно-просветительные учреждения лишь 33 костела: в Минской области — 18, Бобруйской — 6, Витебской — 6, Могилевской — 2, Гомельской — 1. Ни один из них не был действующим.

Ликвидация костелов не означала, что в восточных областях не осталось верующих католиков. Многие из них ехали за десятки километров в костелы, обслуживаемые ксендзами, в западные области: г.п.Красное и г.п.Радошковичи Радошковичского района, г.Несвиж, д.Рубежевичи Ивенецкого района и другие. Особенно

массовый характер носили такие посещения в воскресные дни и по годовым праздникам [60, л. 3].

Ситуация в восточных областях БССР вызывала беспокойство Виленской епархиальной курии. В октябре 1944 года она возложила миссию «для удовлетворения духовных потребностей римско-католических жителей» Слуцка, Осипович, Бобруйска, Жлобина, Гомеля, Мозыря и окрестностей на ксендза из Берестовицы Мечислава Малынича [85, л. 49].

Документы о миссионерской деятельности кс. М. Малынича

«Странствующий» пастырь появлялся в разных местах Белоруссии, проводил богослужения на квартирах верующих, совершал религиозные требы. По его инициативе верующие писали заявления во все инстанции Советского Союза об открытии костелов в восточных областях БССР.

Миссионерская деятельность кс. Малынича встречала противодействие местных властей. Его привлекали к административной ответственности, требовали прекратить поездки, объявляли незаконными жалобы католиков о возвращении отнятых костелов. В 1946 году последовал его арест органами МГБ [60, л. 3].

Извещение.

Я, Вячеслав В. Малыш, по приказу и назначению Архиепископа Метрополита Виленского и Белорусского назначен для обслуживания религиозных треб католического населения Восточной Белоруссии, что и делаю с 1944 года на основании 124. и 123. ст. Конституции. Жалобы бываю несколько раз в год. Жители жалуются и определенности подавали в районном проезде об организации католического религиозного общества. Прислано по требованию 9-11-1946 жалоба кс. е. св. М. Малыш

Документы о миссионерской деятельности кс. М. Малынича (продолжение)

Война обнажила многие противоречия, которые до этого в советской стране сознательно затушевывались либо скрывались. Так, советская пропаганда говорила о полном и окончательном решении национального вопроса, о лояльном отношении власти

к церкви и отсутствию преследований за религиозные убеждения. На деле же реальное положение было далеко от желаемого.

Враждебное отношение к католицизму и католикам проявляли некоторые партийно-советские работники, прибывшие на работу в западные области. Не всегда они могли правильно разобраться в сложной политической обстановке, переплетении национальных и конфессиональных проблем. Часть населения, преимущественно польского, негативно относилась к проводимой советской властью политике. Так, осенью 1944 года, когда проводился призыв в армию, в районах, где проживало большинство польского населения, имели место случаи массового уклонения от мобилизации. Серьезной политической и социальной проблемой была усиливающаяся вооруженная борьба польского антисоветского подполья, на ликвидацию которого направлялись усилия внутренних войск, МГБ, партийно-советского аппарата.

В той ситуации потенциальными врагами советская власть считала *«буржуазных националистов и католическое духовенство»*. *«Разоблачение»* их *«враждебной деятельности»* стало важнейшей политической задачей в западных областях Белоруссии. При этом использовались все средства — от пропагандистских до репрессивных.

«Деятельность ксендзов направлена на разжигание националистических чувств у поляков и всемерное содействие польскому националистическому подполью в борьбе «за восстановление самостоятельности Польши в границах до 1939 года, — говорилось в одной из докладных записок о деятельности римско-католической церкви в Брестской области. — С первых дней после изгнания немцев католическое духовенство поддерживает тесную связь с польским националистическим подпольем, ведет агитацию среди поляков за восстановление Польши в границах до 1939 года. С этой целью брестский ксендз Росяк Георгий Францевич, ксендз-декан Пионтковский Вячеслав Янович, Лазарь Станислав Матвеевич распространяют слухи о том, что польское эмигрантское правительство в Лондоне вошло в соглашение с Англией и Америкой и что в результате этого соглашения Советский Союз должен будет вернуть Польше ее территорию в границах до 1939 года...» [48, л. 22].

Так вновь всплыл образ «врага народа» в лице Костела и римско-католического духовенства. Основанием для репрессий

карательные органы избирали политические мотивы — сотрудничество духовенства с Армией Крайовой, «антисоветскую агитацию». Обвинения предусматривали жесткие меры наказания — от 10 до 25 лет сталинских лагерей с последующим поражением в гражданских правах [167, s. 286-287].

Уже в 1944 году последовали аресты. В числе первых были заключены под стражу ксендзы Иван Ромейко (д. Лучай Дуниловичского района), Иосиф Кролевицкий (д.Кривичи Кривичского района), Феликс Карпинский (д.Боруны Ошмянского района), Вацлав Нурковский (м.Заболоть Радунского района), Антон Борисевич (г.Минск). В 1945 году этот список продолжили Виктор Шутович (г.Минск), Чеслав Штейн (м.Радунь), Михаил Сухаревич (д.Мосары Полоцкой области), Ян Василевский (г.Пинск), Викентий Барсук (д.Коптевка Гродненского района) и другие.

Аресты ксендзов использовались властями как веский аргумент для закрытия костелов и отказа в регистрации религиозных обществ. Репрессивная политика была частью политики советского государства в отношении Костела, направленная не только на уничтожение духовенства, но и на дискредитацию Костела и его клира в глазах верующих.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторая мировая война вошла в историю как самая величайшая катастрофа вселенского масштаба, когда-либо известная человечеству. Трагедия этой войны не только в огромных человеческих жертвах и разрушениях. Она несла в себе необъятный по своему диапазону всплеск локальных катастроф, стрессов, перемен — настолько глубоких и многоликих, что аналоги им во всемирной истории подобрать трудно. Для каждой вовлеченной в войну страны это стало драмой, последствия которой испытали на себе и испытывают до сих пор многие поколения.

Лихолетье не обошло стороной и католический Костел, с которым были связаны судьбы многих народов, а в Белоруссии — прежде всего поляков и белорусов.

В силу причин, расколовших в начале XX века мир на противоборствующие непримиримые лагеря, Костел был втянут в сферу политической борьбы и интриг между капитализмом и социализмом. Это сыграло роковую роль в его дальнейшей судьбе.

В Советской Белоруссии к началу второй мировой войны влияние католического Костела было основательно подорвано, ликвидированы его структуры. В западных областях, входивших в состав II Речи Посполитой, он не только сохранился, но и значительно укрепил свои позиции. Советская власть, пришедшая вместе с Красной Армией на эти территории в сентябре 1939 года, начала борьбу «за отрыв народных масс» от враждебного влияния религиозной идеологии. Однако это успеха не принесло.

Гораздо большей изощренностью отличалась политика гитлеровских оккупантов. Выдавая себя за освободителей «порабощенных жидо-большевиками» народов, на первых порах гитлеровцы создавали видимость лояльного отношения к религии, в том числе и католической. Но прошло немного времени, и ситуация стала меняться на противоположную. Гитлеровская политика была направлена на полное уничтожение Костела и духовенства. При этом применялись самые варварские способы.

Религиозная жизнь в Белоруссии испытывала на себе влияние не только политических, но и национальных факторов. Эти особенности имели глубокие исторические корни, а во время войны проявились наиболее остро. Словосочетания «поляк-католик» и «белорус-православный» воспринимались не только как знаки определенной эпохи, но и как идейные символы в ожесточенной

политической борьбе за вполне определенные территории Западной Белоруссии.

Католический Костел в Белоруссии, отличающийся в силу исторических обстоятельств своей «польскостью», в 20–30-е годы XX века столкнулся с попытками проведения его белорусизации некоторой частью духовенства. Потерпели провал попытки белорусских деятелей во время гитлеровской оккупации использовать Костёл в узконациональных целях. Все это влекло за собой острые социальные и политические конфликты.

Немаловажную роль в общественно-политической жизни играло католическое духовенство. Будучи наиболее профессионально подготовленной и образованной частью интеллигенции, элитой общества, оно имело сильное влияние как на верующих, так и на происходящие общественно-политические процессы. Это вполне отчетливо осознавали как большевики, так и нацисты. Борьба с Костелом была одновременно борьбой и с его Божьими Слугами — католической иерархией, ксендзами, монашествующими. И в этой борьбе Костел понес невосполнимые потери. Особенно ощутимыми они были во время немецко-фашистской оккупации Белоруссии.

Гитлеровский фашизм, произрастающий на почве человеконенавистничества и неприятия христианских ценностей, целенаправленно и методично уничтожал Костел и все, что с ним было связано. Жертвами пали тысячи представителей католического клира и людей светских. *«Наше столетие, приближающееся к концу, дало очень много мучеников, которые понесли смерть прежде всего как жертвы нацизма и коммунизма, а также расовых и межнациональных конфликтов»*, — отмечалось в булле папы Иоанна Павла II *Incarnationis mysterium* (Мистерия Воплощения), провозглашающей Великий Юбилей 2000 Года [181, с. 8].

Католический Костел в рамках программы подготовки христиан к Великому Юбилею 2000 Года обратил особое внимание на необходимость увековечения памяти всех тех, кто в прошлом столетии сложил свидетельство своей веры и стал на защиту общечеловеческих ценностей, жертвуя при этом собственной жизнью. Значение увековечения их имен подчеркнул римский папа Иоанн Павел II в Юбилейной булле *Incarnationis Mysterium*: *«Свидетельством правды Христианской любви, — всегда выразительным, а нынче особенно убедительным, — есть память о мучениках. Пусть никогда не будет забыто свидетельство их веры»* [149, с. 5].

Во все времена, начиная с первых веков христианства, славой Костела были мученики, те, кто заплатил за веру высшую цену — отдал за неё свою жизнь. Вторая мировая война принесла миру много жестокости, обнажила массу зла, содеянного человеком, и зла в нём самом. В те годы насилия и унижения человеческого достоинства, как свет среди тьмы, предстали пред миром героические образы дочерей и сыновей католического Костела, постигнувших суть любви Христовой и давших её пример ценой собственной крови. На пороге третьего тысячелетия мученики XX века являют собой ярчайший пример наследования Христа, и в их лице католический Костел указывает этот пример будущим поколениям [155, с. 6].

В деяниях христианства всегда присутствовала и жила память о тех, кто нес Евангелие и, отдавая свою жизнь ради любви к людям, менял облик этой земли.

26 января 1992 года в польском городе Влоцлавке начался процесс беатификации (канонизации) 108 «Мучеников за веру» 1939 — 1945 годов — жертв нацизма — епископов, ксендзов, монахов и монахинь, а также людей светских. А 13 июня 1999 года в Варшаве римский папа Иоанн Павел II объявил их блаженными. Среди них 12 лиц, связанных своей жизнью, деятельностью и мученической смертью с территорией современной Беларуси: Марианна Бернацкая (светская); кс. Мечислав Богаткевич; о. Юзеф Иннокентий Гуз OFMConv; кс. Генрик Глебович; кс. Ежи Кашира МІС, марианин; кс. Антони Лещевич МІС, марианин; кс. Владислав Мацьковяк; сестра Богумила Ева Ноишевская, непоколянка; о. Юзеф Ахиллес Пухала OFMConv; кс. Станислав Пырток; о. Кароль Герман Стэмпень OFMConv; сестра Казимера Марта Воловска, непоколянка [200].

А 5 марта 2000 года в Риме в гроне новых блаженных были внесены еще 11 сестер-назаретянок из Новогрудка [200, s. 7].

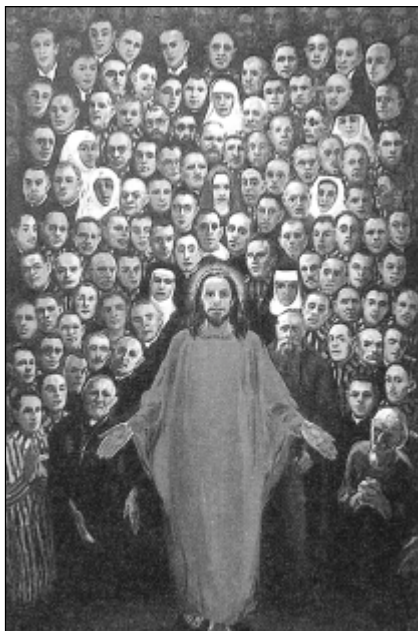

*Сестра Марта от Иисуса
Казимера Воловская (1879–1942),
непоколянка*

Это событие стало знаменательным для Костела. Отмечая его непреходящее значение, кс. епископ Гродненского диоцеза Александр Кашкевич в речи во время богослужения в базилике св.Петра в Риме сказал: *«На протяжении десятилетий Костел на Беларуси уничтожался. Тысячи верующих, священнослужителей, монашествующих отдали свою жизнь, чтобы засвидетельствовать свою веру и верность Богу.*

Беатификация Назаретянок из Новогрудка для верующих людей на нашей земле послужит упрочению преданности Кресту, Евангелию и Апостольской столице... Для Костела на Беларуси, который поднимается из духовных руин, — а особенно для Костела Гродненщины — Блаженные Назаретянки есть и останутся светочами на пути христианской жизни... Много еще духовных ран предстоит залечить нашей стране. Множество взрослых людей искалечены болезнью атеизма, лишены моральных принципов. Разрушенные браки и семьи, нашествие алкоголизма, расширение сектантства — наша большая печаль» [119, с. 1, 4].

В этих словах воплотились не только высокая гуманистическая миссия Костела, но и отразились трагические страдания, которые пережила общность людей, объединенных верой, в годы второй мировой войны.

*Слуги Божии Мученицы
со времен II мировой войны
1939–1945 гг.*

CATHOLIC CATHEDRAL IN BELARUS DURING THE PERIOD OF WORLD WAR II 1939-1945

Summary

In Soviet historical science the Catholic Cathedral in Belarus has not been the subject of the objective scientific research. The decades of atheic domination in Soviet times, treated in the rank of state politics and ideology, brought about destructive tendencies not only for the Cathedral, but also for a great number of believers.

In the 20-30s of the 20th century the politics of the Soviet state and the Communist Party was aimed at destroying religion per se, and Catholic religion in particular, since its religious centre in the Vatican adhered to an irreconcilable position in relation to bolshevik power and the USSR.

The Catholic Cathedral in Belarus at this period was in an unusual situation. According to the terms of Riga Peace Treaty dated March 18, 1921 Eastern Belarus was included in the USSR, but Western Belarus — in Poland. This factor influenced the destiny of the Cathedral during World War II significantly.

In Eastern Belarus the Soviet legislation on the cults was actively aimed at “legal” limitation of the Cathedral activities and narrowing the sphere of its influence, while the totalitarian regime dominating the country with its propagandist and repressive system was leading to the complete destruction of religion.

In Western Belarus according to the Polish Constitution in force at that time, religious confessions, especially the Catholic ones, had favourable conditions for their activities. It helped them to survive during the years of persecution.

During the years of World War II the Catholic Cathedral had to withstand still harder trials. This period can be subdivided roughly into two stages: the activities during the conditions of Soviet power formation and strengthening in Western Belarus and the activities during the years of the German fascists’ occupation.

Anticlerical politics of Soviet power in Western Belarus, the extremes in the sphere of national relations, deportation, repressions against the peaceful population, mostly Polish and Catholic, resulted in the deepening confrontation between the Cathedral and the authorities.

In fact, the Cathedral had become the ideological platform for those political forces, which had the struggle for the restoration of Poland to its borders before 1939 as their aim.

Before the attack of Germany on the USSR the struggle of Soviet power with the Cathedral was of mainly an ideological and economic nature. The temporary occupation of Belarus by the Hitlerites reflected hard on the position of the Cathedral. Religious politics of the German occupants was largely refined and sophisticated. Its basic principles originated from the national-socialist ideology, repudiating Christianity and its spiritual values. Formal rapprochement with the Vatican based on the concordance of 1933 served only as a curtain for the IIIrd Reich, hiding the regular destruction of Catholicism, first in Germany, then in the lands occupied by the Germans.

In the territories of Belarus captured temporarily the Hitlerites first acted as the protectors of religion. This tactic was undertaken in order to win the sympathy of the believers, to tune them against the bolsheviks, who had closed the cathedrals in their time and persecuted religion. At first it led to animation of the religious life of all confessions, including the Catholic one.

But soon the occupants changed their politics on the religious issue. It happened as a result of the situation in the Western regions where the Polish resistance movement was aiming more at restoration of the Polish state within the borders of pre-1939 period. It also was of an anti-German nature. The Polish Catholic clergy, as it was defined by the Germans, was the proponent of this movement, “the carrier of Polish chauvinism”.

The general tendency of the confessional policy on the whole territory of occupied Belarus was not to let Catholicism spread to the East, and to limit its activities to divine service practice within the cathedral framework. In fact, this meant its deprivation of its universalist nature and its transformation into something similar to a comradeship, acting within a strictly limited territory and being deprived of connections with the higher cathedral hierarchy.

But there were also some regional particularities of confessional politics. In the area of Belarutenia, where the Belarussian nationalists held very intensive activities supported by hauleiter Wilhelm von Kube, they undertook attempts to use the Cathedral as a tool for a Belarussian national revival. These aims were of a clearly expressed political colouring — to bar Belarussian people and their culture from “Polish” and “Russian” influence.

The personality of the Catholic priest who was a Belarussian, Vincent Godlevsky, stood out among that cohort of nationalists. Being

more a politician than a priest he used to build up the projects of reorganization of the Catholic Cathedrals in Belarus. His life finished as a tragedy, supposedly, in the autumn of 1943.

The plans of Belarusian nationalists met “understanding” with hauleiter Wilhelm von Kube, who set his hopes, however, on the Orthodox Church in the Belarusian declaration of its autonomy.

In the Western regions of Belarus a great part of the Catholic clergy was connected tightly with the *Armiya Krayova* (National Army). It was seen not only in the satisfaction of religious demands, but also in clandestine, propagandist and patriotic activities of the clergy which was consequently evaluated by the Soviet power as hostile and served as the background for political repressions.

During the hard years of the German-fascists’ occupation the Cathedral, the clergy and the believers became united. They opposed the high Christian values to antihuman fascist ideology, often sacrificing their lives. Hitlerites acted against the Cathedral, clergy and the believers by way of repressions up to physical extermination. The beatification of 108 victims of World War II by Pope John Paul II became the symbol of martyrdom and sufferings for belief among which 23 were from Belarus.

After the liberation of the Republic from the Hitlerites the Cathedral had to face the new trials. The Soviet state started to elaborate the stage of attack on religion. In their politics the Cathedral and the clergy were ascribed the role of a hostile force, “Vatican’s agent”, “the agent of world imperialism”. Groundless accusations of collaboration with the Hitlerites were put forth. But the truth remained hidden for many decades.

This work does not pretend to be of an exhaustive nature. It covers only the general tendencies, reflecting the complicated position and activities of the Cathedral during the relatively short period of time against the background of national, class, ideological and political contradictions.

**Список
использованных источников и литературы**

Архив Управления КГБ по Гродненской области

1. Архивное дело О — 4970.
2. Архивное дело П — 14934.
3. Архивное дело П — 15356.
4. Архивное дело О — 20520.

Государственный архив Гродненской области

5. Ф.1. Оп.1. Д.15.
6. Ф.1. Оп.1. Д.18.
7. Ф.1. Оп.1. Д.27.
8. Ф.1. Оп.1. Д.33.
9. Ф.1. Оп.1. Д.58.
- 9^а. Ф.1. Оп.1. Д.167.
10. Ф.1029. Оп.1. Д.44.
11. Ф.1385. Оп.1^а. Д.2.
12. Ф.1385. Оп.1^а. Д.9.

Государственный архив Минской области

13. Ф.623. Оп.1. Д.174.

**Государственный архив общественных
объединений Гродненской области**

14. Ф.6. Оп.45. Д.6.
15. Ф.6195. Оп.1. Д.189.
16. Ф.6218. Оп.1. Д.18.
17. Ф.6218. Оп.1. Д.28.
18. Ф.6218. Оп.1. Д.30.
19. Ф.6218. Оп.1. Д.57.
20. Ф.6218. Оп.1. Д.60.
21. Ф.6218. Оп.1. Д.62.
22. Ф.6218. Оп.1. Д.73.
23. Ф.6218. Оп.1. Д.74.

**Государственный архив
Российской Федерации (г.Москва)**

- 24. Ф.5875. Оп.1. Д.37.
- 25. Ф.6991. Оп.3. Д.12.

**Национальный архив Республики Беларусь
(г.Минск)**

- 26. Ф.4. Оп.21. Д.238.
- 27. Ф.4. Оп.21. Д.328.
- 28. Ф.4. Оп.21. Д.1400.
- 29. Ф.4. Оп.21. Д.1638.
- 30. Ф.4. Оп.21. Д.1682.
- 31. Ф.4. Оп.21. Д.1683.
- 32. Ф.4. Оп.21. Д.1684.
- 33. Ф.4. Оп.21. Д.1765.
- 34. Ф.4. Оп.21. Д.1784.
- 35. Ф.4. Оп.21. Д.1864.
- 36. Ф.4. Оп.21. Д.1869.
- 37. Ф.4. Оп.21. Д.1941.
- 38. Ф.4. Оп.21. Д.1942.
- 39. Ф.4. Оп.21. Д.1986.
- 40. Ф.4. Оп.21. Д.1999.
- 41. Ф.4. Оп.21. Д.2355.
- 42. Ф.4. Оп.21. Д.2388.
- 43. Ф.4. Оп.27. Д.145.
- 44. Ф.4. Оп.27. Д.147.
- 45. Ф.4. Оп.27. Д.327.
- 46. Ф.4. Оп.27. Д.328.
- 47. Ф.4. Оп.27. Д.2355.
- 48. Ф.4. Оп.29. Д.146.
- 49. Ф.4. Оп.29. Д.582.
- 50. Ф.4. Оп.33^а. Д.24.
- 51. Ф.4. Оп.33^а. Д.33.
- 52. Ф.4. Оп.33^а. Д.40.
- 53. Ф.4. Оп.33^а. Д.222.
- 54. Ф.4. Оп.33^а. Д.385.
- 55. Ф.4. Оп.33^а. Д.487.
- 56. Ф.4. Оп.33^а. Д.488.

57. Ф.4. Оп.33^а. Д.645.
58. Ф.4. Оп.3. Д.945.
59. Ф.4. Оп.51. Д.11.
60. Ф.4. Оп.62. Д.70.
61. Ф.4. Оп.62. Д.510.
62. Ф.370. Оп.1. Д.3.
63. Ф.370. Оп.1. Д.879.
64. Ф.370. Оп.6. Д.5.
65. Ф.370. Оп.6. Д.47.
66. Ф.379. Оп.2. Д.45.
67. Ф.381. Оп.1. Д.1.
68. Ф.384. Оп.1. Д.64.
69. Ф.391. Оп.1. Д.24.
70. Ф.393. Оп.1. Д.13.
71. Ф.510. Оп.1. Д.13.
72. Ф.510. Оп.1. Д.52.
73. Ф.510. Оп.1. Д.60.
74. Ф.510. Оп.1. Д.63.
75. Ф.510. Оп.1. Д.112.
- 75^аФ.510. Оп.1. Д.119.
76. Ф.555. Оп.1. Д.4.
77. Ф.651. Оп.1. Д.1.
- 77^аФ.845. Оп.1. Д.92; Д.93; Д.136.
78. Ф.952. Оп.1. Д.13.
79. Ф.952. Оп.1. Д.16.
80. Ф.952. Оп.2. Д.1.
81. Ф.952. Оп.2. Д.2.
82. Ф.952. Оп.2. Д.4.
83. Ф.952. Оп.2. Д.12.
84. Ф.952. Оп.2. Д.23.
85. Ф.952. Оп.3. Д.41.
86. Ф.4683. Оп.3. Д.244.
87. Ф.4683. Оп.3. Д.914.
88. Ф.4683. Оп.3. Д.932.
89. Ф.4683. Оп.3. Д.938.
90. Ф.4683. Оп.3. Д.943.
91. Ф.4683. Оп.3. Д.944.
92. Ф.4. Оп.4683. Д.945.
93. Ф.4683. Оп.3. Д.947.
94. Ф.4683. Оп.3. Д.985.
95. Ф.4683. Оп.3. Д.1022.

Национальный архив Республики Беларусь

Микрофильмы

96. Архивный № 18.
97. Архивный № 48.
98. Архивный № 57.
99. Архивный № 132.
100. Архивный № 236.
101. Архивный № 247.

Опубликованные источники

102. Беларусь на варце. — 1944. — № 5. — Сакавік.
103. Беларуская газета. — 1942. — 20 жніўня.
104. Беларуская газета. — 1943. — 25 верасня.
- 104а. Воскресное чтение. Еженедельный церковно-научный иллюстрированный журнал. — № 45. — 1929.
105. Документы внешней политики СССР. В 21 т. — М.: Госполитиздат, 1959. — Т. 3. — 722 с.
106. Документы обличают. Реакционная роль религии и церкви на территории Белоруссии. — Мн.: Беларусь, 1964. — 272 с.
107. Інструкцыя Народных Камісарыятаў Унутраных спраў і Юстыцыі БССР Па пытаннях, звязаных з ажыццяўленьнем дэкрэту аб адлучэнні царквы ад дзяржавы ў БССР ад 5 мая 1928 года // Бюлетень СНК БССР. — 1928. — № 6. — С. 35-38.
108. Коммунистическая партия и Советское государство о религии и церкви. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. — 120 с.
109. Менская газета. — 1941. — 1 кастрычніка.
110. Менская газета. — 1941. — 12 кастрычніка.
111. Менская газета. — 1941. — 7 снежня.
112. Менская газета. — 1941. — 11 снежня.
113. «О землепользовании служителей религиозных культов и о строениях, расположенных на землях вероисповедных ведомств, а равно высших церковных или религиозных обществ»: Циркуляр ЦИК БССР от 16 января 1925 года // Сборник узаконений. — 1925. — № 7. — С. 12-13.
114. О религии: Хрестоматия. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. — 599 с.
115. Палажэнне пра камісію па ажыццяўленьню дэкрэту пра адлучэнне царквы ад дзяржавы. 28 студзеня 1929 г. // Бюлетень СНК БССР. — 1929. — № 6. — С. 45.

116. Пастанова народных камісарыятаў Унутраных Спраў і Фінансаў БССР. Паст. 77. Пра парадак разьмеркаваньня маёмасьці пры ліквідацыі дамоў рэлігійных культураў // Бюлетень СНК БССР. — 1930. — № 5. — С. 7.

117. «Пра будынкi на царкоўнай зямлі»: Пастанова ЦВК і СНК БССР ад 16 лютага 1928 года // Сборник Законов БССР. — 1928. — № 9. — С. 72-73.

118. Пастанова 83. Пра перадачу музэям рэчаў музэйнага значэньня з культуравых устаноў пры зачыненьні гэтых устаноў. 13 лютага 1930 // Сборник законов БССР. — 1930. — № 11.

119. Слова Жыцця. Газета Гродзенскай дыяцэзіі. — 2000. — 19 сакавіка. — С. 1, 4.

120. Циркуляр Народного Комиссариата Внутренних Дел БССР о проведении в жизнь Постановления «Об отделении церкви от государства» и о законной силе документов и удостоверений об актах гражданского состояния от 5 декабря 1925 года // Бюллетень СНК БССР. — 1925. — № 8. — С. 27-29.

121. Armia Krajowa w dokumentach 1939-1945. W 5 Tomach. T. 1. Wrzesiec 1939 — czerwiec 1941. — Wrociaw, Warszawa, Krakow, Gdansk, Jyц, Zakiad Narodowy imienia Ossolickich, Wydawnictwo 1990. — 584 s.; T.2. Czerwiec 1941 — kwieciec 1943. — Londyn, 1973. — 554 s.; T.3. Kwieciec 1943 — lipiec 1944. — Londyn, 1976. — 627 s.; T.4. Lipiec — паўдзiец 1944. — Londyn, 1977. — 470 s.; T.5. Паўдзiец 1944 — lipiec 1945. — Londyn, 1981. — 537 s.

122. Hitler Adolf. Moja walka (Mein Kampf). (tl. z niem. Irena Puchalska, Piotr Marszaiek). — Кроьно: Skripta Manent, 1992. — 284 s. (Отдел старых изданий и рукописей Ягеллонской библиотеки. Краков, Республика Польша).

123. Hiond August. O роіоіеніу Коьсьоіа katolickiego w Polsce ро trzech latach okupacji 1939–1942 // Chszеьsianin w Њwiecie. R.10. — 1978. — R 10. — S. 25–53.

124. Mowa Wodza i Kanclerza Rzeszy Adolfa Hitlera, wygioszona w Reichstagu dnia 30 stycznia 1939 roku. — 62 s. (Отдел старых изданий и рукописей Ягеллонской библиотеки. Краков, Республика Польша).

125. Papiеі Pius XII a Polska w ъwietle niekturych dokumentyw (przemywienia i listy papieskie. 1939–1946). — 88 s. (Отдел старых изданий и рукописей Ягеллонской библиотеки. Краков, Республика Польша).

126. Rocznik statystyczny Końcioia Katolickiego w Polsce. — Warszawa, 1937. — S. 258–269.

127. Statut Duszpasterstwa Wojskowego // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. — 1926. — № 124. — poz. 714. — Art. 16 (Отдел старых изданий и рукописей Ягеллонской библиотеки, Краков, Республика Польша).

128. Stolica Ёwікта w obronie praw Polskich katolikiyw w Rzeszy i w Polsce pod okupacj№ niemieck№ (kilka dokumentyiw z lat 1942–1943). Wydanie drugie. — Rzym, 1946. — 31 s. (Отдел старых изданий и рукописей Ягеллонской библиотеки. Краков, Республика Польша).

Литература

129. Андреев М.В. Политика клерикального антикоммунизма (Ватикан, 1917 — 1987). — Мн.: Знание, 1987. — 63 с.

130. Браслаўскія сшыткі. Гістарычны зборнік. — Браслаў. — 1997. — № 2.

131. Бровко Л.Н. Конформизм и конфронтация. Христианские церкви и нацистское государство // Свободная мысль. — 1993. — № 12. — С. 78–92.

132. Бровко Л.Н. Церковь и «третий рейх» // Новая и новейшая история. — 1991. — № 4. — С. 44–62.

133. Верашчагіна А.У., Гурко А.В. Гісторыя канфесій у Беларусі: Мінулае і сучаснасць: Дапам. для настаўнікаў. — Мн.: Тэхналогія, 2000. — 157 с.

134. Ветте В. (ФРГ). Война на уничтожение: Вермахт и холокост // Новая и новейшая история. — 1999. — № 3. — С. 72–79.

135. Винтер Эдуард. Политика Ватикана в отношении СССР. 1917–1968. Третья часть трилогии. Россия и папство: Сокращен. пер. с нем. Житомирской З.В., Эльвина И.Д. — М.: Прогресс, 1977. — 252 с.

136. Волгин В.И. Ватикан — центр реакции и мракобесия. — Л.: Лениздат, 1960.

137. Гончаров Н.Н., Фёдоров И.О. Религиозная обстановка в Западной Белоруссии. Аналитический обзор // Веснік ГрДУ. Серыя 1. — 2000. — № 2. — С. 88–95.

138. Дмитрук К.Е. Свастика на сутанах. — М.: Политиздат, 1976. — 192 с.

139. Доктараў У.Г. Пад гатычнымі скляпеннямі касцёлаў: Палітыка каталіцызму ў Беларусі. — Мн.: Беларусь, 1975. — 72 с.

140. Доктараў У.Г. Сучасны каталіцызм. — Мн.: Беларусь, 1972. — 104 с.
141. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII — XX ст.) / В.В.Грыгор'ева, У.М.Завальнюк, У.І.Навіцкі, А.М.Філатава. — Мн.: ВП «Экаперспектыва», 1998. — 340 с.
142. Католицизм без маски: Блокнот агитатора. Специальный выпуск. 1960 год. — Мн.: Изд-во ЦК КПБ «Звязда», 1960. — 352 с.
143. Католицизм в Белоруссии: традиционализм и приспособление / Под ред. д-ра философ. наук А.С.Майхровича, канд. философ. наук Е.С.Прокошиной. — Мн.: Наука и техника, 1987. — 240 с.
144. Корнилов А.А. Преображение России. О православном возрождении на оккупированных территориях СССР (1941–1944 гг.). — Нижний Новгород, 2000. — 194 с.
145. Круглов А.А. Развитие атеизма в Белоруссии. 1917–1987. — Мн.: Беларусь, 1987. — 367 с.
146. Левченко И.В. Русская Православная Церковь и государство: Учебное пособие. — Иркутск: Изд-во Иркутской государственной экономической академии, 1997. — 160 с.
147. Мараш Я.Н. Политика Ватикана и католической церкви в Западной Белоруссии. 1918–1939. — Мн.: Беларусь, 1983. — 96 с.
148. Мисаревич Е.А. На освобожденной земле: Политическая работа в западных областях Белоруссии (сентябрь 1939 — июнь 1941 гг.). — Мн.: Беларусь, 1989. — 96 с.
149. Няхай сведчанне іх веры не забудзецца. Лёс каталіцкага касцёла на Беларусі ў 1917–1953 гадах. — Непакалянаў, 2000. — 154 с.
150. Онищук Н.П. Деятельность Союза Воинствующих Безбожников в Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Чалавек. Этнас. Тэрыторыя. Праблемы развіцця заходняга рэгіёну Беларусі: Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Брэст, 23–24 красавіка 1998 года. — Брэст, 1998. — С. 196–202.
151. Протько Т. Репрессированная вера // Советская Белоруссия. — 1992. — 8, 11, 12, 13, 14 августа.
152. Роля асобы ў жыцці і дзейнасці хрысціянскіх цэркваў Беларусі ў XX стагоддзі: Зборнік артыкулаў па выніках цыкла семінараў у Мінскім міжнародным адукацыйным цэнтры з удзелам БПЦ, Каталіцкага Касцёла і Саюза ЕХБ. — Мн., 2000. — 136 с.
153. Рэлігія і царква на Беларусі: Энцыклапедычны даведнік. — Мн.: Беларуская Энцыклапедыя, 2001. — 368 с.

154. Силова С.В. Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. — Мн., 2000. — 21 с.

155. Стажиньская М. Одиннадцать мучениц: Пер. с польск. Ларисы Михайлик. — Гродно: Гродненская Римско-Католическая Епархия, 1999. — 72 с.

156. Трацяк І. З жыцця і дзейнасці кс. В.Гадлеўскага: Аўтабіяграфічны нарыс // Гарадзенскія запісы (Старонкі гісторыі і культуры). Выпуск 1. — Гарадня, 1993. — С. 120–130.

157. Трацяк І.І. Культурна-асветніцкая дзейнасць беларускіх каталіцкіх святароў (пачатак ХХ ст. — 1939 г.): Аўтарэф. дыс. ... канд. культуралогіі. — Гродна, 2000. — 20 с.

158. Шейнман М.М. Ватикан во второй мировой войне. — М.: Изд-во АН СССР, 1951. — 250 с.

159. Шейнман М.М. Ватикан на службе современной реакции. — М., 1951.

160. Шевцова Л.Ф. Социализм и католицизм. — М.: Наука, 1982.

161. Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: Материалы международной научной конференции, 16–18 ноября 1999 года, Гродно, Республика Беларусь. — Гродно, 2000. — 536 с.

162. Ярмусік Э.С. Праблемы беларускага адраджэння, каталіцкага Касцёла і гістарычная асоба ксяндза Вінцэнта Гадлеўскага // Веснік ГрДУ. Серыя 1. — 2002. — № 1. — С. 21–28.

163. Ярмусік Э.С. Эканамічная, рэлігійная і нацыянальная палітыка акупантаў [у Гродна] // Памяць. Гродна. Гісторыка-дакументальная хроніка. — Мн.: Беларуская Энцыклапедыя, 1999. — С. 366–376.

164. Biegun K. Przeładowanie Kościoła na ziemiach zagarniętych przez ZSRR po 17.IX.1939 // Wiśn. R.36. — 1993. — № 9 (419). — S. 118–129.

165. Cywieski B. Ogniem przybrowane. Z dziejów najnowszych Kościoła katolickiego w Europie Wschodniej. T.II. «I was przeładowany bkd№»... — Redakcja Wydawnictw KUL — Lublin, Fundacja Jana Pawła II, Polski Instytut Kultury Chrześcijańskiej. — Rzym, 1990. — 519 s.

166. Dzwonkowski R. SAC. Kościół katolicki w ZSRR. 1917–1939. Zarys Historii. — Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1997. — 477 s.

167. Dzwonkowski R. SAC. Represje władz sowieckich wobec duchowieństwa katolickiego obrządku łacińskiego w latach

1939–1987 // Przegląd Wschodni. T. VII. — 2000. — Zeszyt 1(25). — S. 275–298.

168. Encyklopedia Katolicka. T. II // Pod red. F.Gryglewicza, R.Jukaszyka, Z.Suiowskiego. — Lublin: Katolicki Uniwersitet Lubelski, 1985. — 1424 s.

169. Fijaikowski Z. Końciyi katolicki na ziemiach polskich w latach okupacji hitlerowskiej. — Warszawa: Ksikika i wiedza, 1983. — 419 s.

170. Gnatowski M. W radzieckich okowach (1939–1941) — Jomía: Jomiyckie Towarzystwo Naukowe im. Wagyw, 1997. — 308 s.

171. Gruszecki J. Dziaialnoñž spoieczna Końcioia pod czas okupacji hitlerowskiej// Chszeñcianin w Hwiesie. R. 10. — 1978. — № 9. — S. 21–48.

172. Gwynn Denis Rolleston. Watykan a wojna w Europie (przeki. z angielskiego). — London: F.Mildner and Sons, 1946. — 156 s.

173. Iwanow M. Pierwszy naryd ukarany. Polacy w Zwizku Radzeickim 1921–1939. — Warszawa — Wrociaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1991. — 399 s.

174. Kolbe Rajmund // Polski Siownik Biograficzny. T.XIII. — Warszawa, 1967. — S. 296–297

175. Końciyi katolicki na ziemiach Polski w czasie II wojny ãwiatowej. Materiaiy i studia / Pod red. Franciszka Stopniaka. Zeszyt 1. — Warszawa: Akademia Teologii Katolickiej, 1983. — 290 s.

176. Końciyi katolicki na ziemiach Polski w czasie II wojny ãwiatowej. Tom VI. Ks. Wiktor Jacewicz SDB, ks. Jan Woñ SDB. Martyrologium duchowiecstwa rzymskokatolickiego pod okupacjã hitlerowskã w latach 1939–1945. Zeszyt IV. Wykaz duchownych zmariych, zamordowanych lub represjonowanych przez okupanta w archidiecezjach: mochilewskiej, poznacskiej i wilecskiej, oraz diecezjach: gdacskiej, kamienieckiej, iuckiej, picckiej. — Warszawa: Akademia Teologii Katolickiej, 1978. — 587 s.

177. Końciyi, katolicy i narodowy socjalizm: praca zbiorowa / Pod red. Kiausa Gotto i Konrada Rergena. — Warszawa: Oñrodek Dokumentacji i Studiow Spoiecznych, 1983. — 129 s.

178. Krausnick Helmut. Hitlers Einsatzgruppen. Die Truppe des Weltansauungsnieges 1938–1942. — Frankfurtmeim: Geszichte Fischer, 1985. — 400 s.

179. Krachel T. Archidiecezja wilecska // Ýcie religijne w Polsce pod okupacja, 1939–1945. Metropolie wilecska i lwowska, zakony. Praca zbiorowa / Pod redakcjã ks. Zygmunta Zielickiego. — Katowice: Unia, 1992. — S. 11–65.

180. Krachel T. Działalnoŭż organizacyjno–duszpasterska arcybiskupa Romualda Jaibrzykowskiego // Wiadomoŭci Koŭcielne Archidiacezji w Biaimstoku. R.3. — 1977. — N 1. — S. 63–71.
181. Krachel T. Meczennicy z Berezwesza. — Biaiystok, 1998. — 75 s.
182. Krachel T. Zarys dziejyw (Archi) diecezji Wileckiej // Studia Teologiczne. Biaiystok. Drohiczyn. Jomïa. — N 5–6 (1987–1988). — S. 7–72.
183. Kumor B. Poczŭtki metropolii Wileckiej. // Studia Teologiczne. Biaiystok. Drohiczyn. Jomïa. — N 5–6 (1987–1988). — S. 73–97.
184. Lief R. Ideologia i polityka narodowoŭciowego socializmu // Koŭciyi, katolicy i narodowy socjalizm: praca zbiorowa / Pod red. Kiausa Gotto i Konrada Reppena. — Warszawa: Oŭrodek Dokumentacji i Studiow Spoiecznych, 1983.
185. Madaia T. Polscy ksiki katolicy w wikzieniach i iagrach sowieckich od 1918 roku. — Lublin: Retro, 1996. — 187 s.
186. Millerowa L. Organizacja parafialna w (archi) diecezji wileckiej w latach 1387–1984 // Studia Teologiczne. Biaiystok. Drohiczyn. Jomïa. — N 5–6. (1987–1988) — S. 99–160.
187. Mysiek W. Neutralnoŭż «Namiestnika» a prawa Polakuw // Argumenty. — 1979. — № 20. — 20 maja. — S. 11–13.
188. Pertek P. Duszpasterstwo wojskowe w okresie II Rzeczypospolitej: Historia i tradycje // Koŭciyi. Pacstwo. Spoieczestwo: Materiaiy z konferencji naukowej Zakïadu Historii Idei Politycznych i Sŭdu Hlŭskiego Okrŭgu Wojskowego. Wrociaw, czerwiec 1991 r. W 2 tomach. T.2. — Wrociaw, 1991. — 214 s.
189. Piechnik L. S.I. Seminaria Duchowne w (Archi) diecezji Wileckiej do 1939 r. // Studia Teologiczne. Biaiystok. Drohiczyn. Jomïa — N 5–6. (1987–1988). — S. 201–231.
190. Piocki T. Praca duszpasterska kapelanuw wojskowych w II wojnie ŭwiatowej // Chszeńżianin w Hwicie. — 1994. — № 4. — S. 118–143.
191. Podlewski S. Wierni Bogu i Ojczyŭnie. Duchowiecstwo katolickie w walce o niepodlegioŭż Polski w II wojnie ŭwiatowej. — Warszawa, 1985.
192. Polskie dzieje od czasyw najdawniejszych do wspyi-czesnoŭci. — Warszawa: Wyd-wo Naukowe PAN, 1994. — 378 s.
193. Proŭko T. Koŭciyi katolicki na Biaiorusi w latach wojny // «Lituania», Warszawa. — 1995. — № 3 (76). — S. 75–81.

194. Romykaio W. Ojciec chszestny Faszyzmu. Kartki z dziejyw watykaekiej polityki zagranicznej. — Warszawa: Ludowa Spydzielnia wydawnicza, 1995. — 99 s.

195. Spoleczestwo biaioruskie, litewskie i polskie na ziemiach ruynocno-wschodnich II Rzeczypospolitej (Biaioruń Zachodnia i Litwa Wschodnia) w latach 1939–1941 (Maigorzata Giiejewska, Tomasz Stszembosz (red). — Warszawa, 1995.

196. Stopniak F. Archidiacezja wilecska w okresie II wojny ņwiatowej // Studia Teologiczne. Biaiystok. Drohiczyn. Jomia. — 1987–1988. — № 5–6. — S. 323–361.

197. Stopniak F. Watykan a sprawy polskie w szasie II wojny ņwiatowej w ņwietle dokumentyw uwczesnej ambasady RP przy Stolicy Apostolskiej // Przegl№d Zachodni. R. 36. — 1980. — № 2. — S. 108–139.

198. Stszembosz T. Opyr wobec okupacji sowieckiej w Zachodniej Biaiorusi. 1939–1941 // Studia z dziejyw okupacji sowieckiej (1939–1941) — Warszawa: ISP PAN, 1997. — S. 206–219.

199. Studia teologiczne. Biaiystok, Drohiczyn, Jomia, 5/6. 600 lat (Archi) Diecezji Wilecskiej. — Wyd-ca: Kurja Arcybiskupa w Biaiymstoku, 1998. — 365 s.

200. ņwiadkowie miioņci Boga i cziowieka. Biogosiawieni mczennicy z Biaiorusi 1939-1945 / Pod redakcj№ Komisji ds. Nowych Mczennikyw Komitetu Jubileuszowego 2000 CECB. — Grodno, 2000. — 94 s.

201. Swiņtkowski H. Wyznaniowe prawo paetwowe. — Warszawa: Wyd-wo PAN, 1962. — S. 18-19.

202. ņwietlikowski P. Woiaio nas Wilno. Z dziejyw garnizonu miejskiego Armii Krajowej okrkgu Wilecskiego. — Poznac: Ksiekarnia ņw. Wojciecha, 1991. — 159 s.

203. Szilling J. Hitlerowska polityka wobec wyznac religijnych w Polsce // Kierunki. — 1975. — № 42. — 19 paņdziernika. — S. 9–13.

204. Udziai kapelanyw wojskowych w drugiej wojnie ņwiatowej. Praca ņbiorowa / Pod red. ks. J. Humiecskiego. — Warszawa: Akademia Teologii Katolickiej, 1984. — 516 s.

205. Wspomnienia wojenne ksikiy kapelanyw / Pod redakcj№ ks. pik. Juliana Humiecskiego Generalnego Dziekana WP. — Warszawa: Caritas, 1967. — 244 s.

206. Za wschodni№ granic№. 1917-1993. O Polakach i Koņcieli w dawnym ZSRR. Z Romanem Dzwonkowskim SAC rozmawia Jan

Raięga SAC. — Warszawa: Wyd-wo «Wspylnota Polska» «Pallotinum II», 1993. — 448 s.

207. Zielicki Z. Katolicyzm w III Rzeszy przed sNedem historii. — Katowice: Unia, 1992. — 120 s.

208. Ÿycie religijne w Polsce pod okupacjNł hitlerowskNł 1939–1945. Praca zbiorowa / Pod red. Zygmunta Zielickiego. — Warszawa: OŃrodek Dokumentacji i Studiów Spoiecznych Wydawnictw, 1982. — 1016 s.

209. Ÿycie religijne w Polsce pod okupacjNł 1939-1945. Metropolie wilecka i lwowska, zakony. Praca zbiorowa / Pod red. ks. Zygmunta Zielickiego. — Katowice: Unia, 1992. — 542 s.

Приложение

№ 1

Сведения о наличии костелов, ксендзов и верующих католиков в западных областях Белоруссии

Октябрь-декабрь 1939 года

бласть	Количество		
	костелов	ксендзов	верующих
Барановичская	79	104	155499
Брестская	40	55	59679
Гродненская	111	124	343005
Молодечненская	91	103	326342
Пинская	35	59	37221
Полоцкая	60	59	170069
Итого:	416	501	1091815

Примечание: Приводятся в отчете Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Белорусской ССР за II квартал 1949 г. Ссылка на источник отсутствует.

НАРБ. Ф.4. Оп.32. Д.70. Л.7.

№ 2

Децизьяльная Пинская курия
№ 3043/39, Пинск, 6.IX.39.

К вельможным ксендзам, священникам
и ректорам Пинской Децезии

Децизьяльная (духовная) курия, по поручению Его преосвященства ксендза епископа единосвященника ставит в известность вельможных ксендзов, а также для инструктирования их прихожан в нижеследующем о распоряжениях государственной власти.

Все, без исключения, обязаны информировать полицию о каждом подозрительном факте, о каждом происшествии противогосударственного порядка и о каждой подозрительной личности. Подозрительной личностью следует считать:

1. Лица, говорящие на немецком языке или имеют немецкий акцент в разговоре.

2. Вызывающие панику путем распространения неверных слухов, касающихся военных действий или других, вызывающих замешательство.

3. Распространяющие известия об успехах немецких войск и восхваляющие немцев.

4. Настраивающие население против государственной власти.

5. Проводящие антигосударственную агитацию и пропаганду устно, а также путем распространения печати.

6. Интересующиеся военными частями, мобилизацией из запаса, средствами ПВО и ПВХО, состоянием снабжения населения пищевыми продуктами в городах, настроением населения, исправностью железнодорожного транспорта, телефона, телеграфа, шоссейными и грунтовыми дорогами, мостами.

7. Фотографирующие какие-либо объекты.

8. Изготавливающие схемы, рисунки, планы и делающие заметки.

9. Пользующиеся географическими картами.

10. Портят или делают попытку уничтожить коммуникационные средства, телефон, телеграф.

Каждую такую личность следует немедленно указать властям, а также содействовать в задержании и препровождать в полицию.

11. Выявлять неизвестных (неместных лиц), прибывших в данную местность из других уездов и городов, и сообщать об этом в полицию.

(без подписи)

НАРБ Ф.4. Оп.21. Д.1684. Лл.89-90.

*Из «Оперативной сводки № 44»
секретарю ЦК КП(б)Б Пономаренко*

12 октября 1939 года, гор. Белосток

[...] В результате проведенных агентурно-следственных мероприятий нами на территории Ломженского уезда бывшего Белостокского воеводства устанавливается филиал крупной контрреволюционной партии «Стронництво Народове», которая по имеющимся у нас данным насчитывает 3000 членов, разбитых по территориальному признаку на отдельные боевые группы, имеющие в своем распоряжении оружие.

Негласно допрошенный, а впоследствии завербованный член организации [...], житель г. Ломжа, показал, что в организацию завербован в 1937 году одним из руководителей ксендзом Рожковским, являющимся и редактором газеты «Справа католицка» (Рожковский в настоящее время скрывается).

В числе руководителей организации значились Кульбат — ксендз, зам. епископа, житель г. Ломжа (устанавливается). Бетто, ксендз, профессор гимназии ксендзов, входит в состав католической организации, житель г. Ломжа (скрывается). Шумовский, ксендз, вел работу среди интеллигенции и организовал из молодежи организацию «Стоважышэне млодзежы католицкей» (устанавливается).

Возникшее «Стронництво народове» в 1898 году называлось «Национально-демократическая организация». До 1938 г. возглавлял польский журналист Роман Дмовский (умер). В 1919 году он установил блок с рядом других народных партий, организаций и течений, среди которых основную роль занимала «Польская национально-демократическая партия». В 1926 году Дмовский организовал партию «Стронництво народове». Печатный орган «Дзенник народовы» (Варшава).

Программа партии предусматривала создание Великого самостоятельного польского государства под руководством поляков.

Блокировались с другими организациями: ОЗОН, Акция католицка и другие. <...>.

Нарком внутренних Дел БССР

Л.Цанава

НАРБ Ф.4. Оп.21. Д.1683. Лл.38-40.

*Из «Оперативной сводки № 56»
секретарю ЦК КП(б)Б т. Пономаренко*

10 ноября 1939 года, гор. Минск

<...>

По всей бывшей Польше ежегодно проводилась традиционная годовщина в честь так называемого «вспоминания по убитым и умершим в войнах» с сопровождением молебствий и процессий во главе с ксендзами.

2.XI.1939 г. в г. Белостоке было празднование верующих поляков указанной выше годовщины с организацией двух процессий, которые начались примерно с 11-ти часов дня.

Первая процессия началась у костёла по улице Килинского. 2 ксендза после богослужения с ожидающей публикой пошли на католическое кладбище, где собралось около 600 человек участников процессии. Один из ксендзов (Станислав) после молебствия произнес речь следующего содержания: «Мы собрались с вами здесь, чтобы просить у пана Бога лучшей жизни. Настала грустная осень, мы должны молиться за кровь пролитую лучшими сынами, за кровь, которая питала нашу родную землю. Бог нас не забудет».

После речи ксендза, которая длилась 20-30 минут, толпа стала расходиться небольшими группами по 5-6 человек, ведя между собой антисоветские разговоры. У костела на улице Пилсудского состоялась вторая процессия верующих поляков, около 1500 человек, которая во главе с ксендзом префектом Фридрикевичем Адольфом направлялась на кладбище святого Роха, где ксендз Адольф после молебствия выступил с речью: «У нас сейчас осень. Наша земля покраснела не от солнца и не от цветов, а от крови наших братьев, которые боролись за Польшу, Белосток и Краков. Они хотя и похоронены, но зато дело их живет. Возможно, мы последний раз молимся на кладбище за наших погибших братьев. Братья! Мы с вами должны быть готовы также пролить кровь, как пролили кровь наши братья». <...>.

Оба ксендза нами агентурно разрабатываются.

Нарком внутренних дел БССР

Л. Цанава

НАРБ Ф.4. Оп.21. Д.1684. Лл. 66-67.

№ 5

Из «Оперативной сводки № 57» секретарю ЦК КП(б)Б Пономаренко

от 19 ноября 1939 года, гор. Минск

<...>

Драгичинским уездным отделом НКВД через агентуру, у ксендза костела м. Иваново Сухвалко Адама Людвиговича было изъято директивное письмо, разосланное пинским епископом Немиро Король всем ксендзам, священникам и ректорам Пинской диоцезии.

Письмо датировано 6 сентября 1939 г. № 3043/39, в котором указывается, что все священнослужители обязаны информировать полицию о каждом подозрительном факте и лицах, действия которых направлены против польского правительства, а также содействовать полиции в задержании таких лиц.

Ксендз Сухвалко под предлогом выяснения хранения им оружия: нагана, браунинга, охотничьего ружья, ранее изъятых у него, был вызван в уездный отдел НКВД и допрошен по существу указанного письма. На допросе подтвердил, что такое письмо было разослано всем ксендзам, священникам и ректорам епископом Немиро.

Изложенный факт изобличает духовенство в связях с польскими полицейскими органами.

Нарком внутренних дел БССР

Л.Цанава

НАРБ Ф.4. Оп.21. Д.1685. Лл.81-82

№ 6

Из протокола заседания ЦС СВБ БССР «О задачах антирелигиозной пропаганды в Западных областях Белоруссии и Украины»

29 декабря 1939 года

1) Считать, что на ближайшее время основной формой антирелигиозной пропаганды в Западных областях Украины и Белоруссии должна быть лекционная работа. По содержанию эта работа должна строиться преимущественно на естественнонауч-

ных темах, на разъяснении советского законодательства о религии и церкви и партийной программы по вопросам об отношении к религии, на разъяснении основ марксистско-ленинского мировоззрения, на показе успехов социалистического строительства в СССР. В лекционной работе, как и в печатной антирелигиозной пропаганде, необходимо, кроме того, широко популяризировать взгляды и высказывания о религии и церкви атеистов XVIII века.

2) Подобрать для лекционной работы в Западной Украине и Западной Белоруссии квалифицированных лекторов, научных работников.

3) Представить в ЦК ВКП(б), ЦК КП(б)У и ЦК КП(б)Б докладную записку с изложением предложения ЦС СВБ СССР о конкретных задачах организации антирелигиозной пропаганды в Западной Украине и Западной Белоруссии, о подготовке кадров антирелигиозного актива, об антирелигиозном воспитании в школах, о привлечении украинских и белорусских писателей к работе в антирелигиозной печати, об издании антирелигиозной литературы на украинском, белорусском, польском, еврейском языках, об антирелигиозных передачах на этих языках и др.

4) Предложить редакции газет «Безбожник» (Московской, Киевской), журналов «Безбожник», «Антирелигиозник» систематически освещать на местном материале реакционную роль церкви в Западной Белоруссии и Западной Украине, систематически помещать консультации, беседы с верующими, вопросы и ответы, статьи, рассчитанные на читателей трудящихся Западной Украины и Западной Белоруссии.

5) ГАИЗ'у* издать для Западной Украины и Западной Белоруссии брошюры «Советское законодательство о религии», «Что такое союз воинствующих безбожников», «Кому помогали церковники в панской Польше», принять меры к изданию таких брошюр на украинском, белорусском, польском, еврейском языках.

П.п. Председатель ЦС СВБ БССР

Ярославский

*Государственному атеистическому издательству

НАРБ Ф.4. Оп.27. Д.145. Л.66

*Из справки оргинструкторского отдела ЦК КП(б)Б
«О ходе подготовки и проведения выборов
в Верховный Совет СССР и Верховный Совет БССР
в Западных областях БССР»*

февраль 1940 года

Как и следовало ожидать, остатки враждебных партий, кулаки и духовенство развернули активную антисоветскую деятельность, направленную к тому, чтобы подорвать доверие населения к Советской власти и помешать успешному проведению выборов.

В северо-западных районах Белостокской и Вилейской областей, особенно в пограничных районах (Августовский, Граевский, Кольненский, Постаковский, Свенцянский) антисоветские элементы широко распространяли слухи, что кандидаты в предстоящих выборах будут евреи и коммунисты и что населению нечего ждать от этих кандидатов. <...>.

В Порозовском районе кулаки во главе с местным ксендзом распространяли слух о том, что через два дня придут немцы, а Красная Армия уйдет. Слухи о близком приходе англичан и французов для восстановления польского государства широко распространяет буржуазно-национальный и польский элемент. <...>.

Не менее активную враждебную работу ведут клерикальные элементы. В Цехановецком районе ксендз агитировал не идти голосовать в день выборов, так как он совпадает с пасхой.

Поречский райком партии сообщил, что есть ряд фактов, когда под влиянием контрреволюционной агитации ксендзов отдельные избиратели заявляли, что они не могут пойти голосовать 24-го, так как это первый день католической пасхи.

В ряде районов Барановичской, Вилейской и Пинской областей клерикалы распространяли контрреволюционные молитвы, организуют расклейку обращений к польскому населению с призывом не пускать детей в советские школы и не принимать участия в голосовании. <...>.

апрель 1940 года

Выборы прошли исключительно организованно. <...> Церковники, ксендзы сознательно удлиняли службу в костелах с тем,

чтобы задерживать население. В Бресте рассчитанно перенесли службу в костеле с 12 часов ночи на 6 часов утра, тем не менее партийным организациям удалось добиться полной явки.

В городе Гродно церковники накануне выборов ввели буквально круглосуточную службу в течение последних дней. В целом ряде случаев ксендзы на проповедях в костелах призывали к отказу от участия в голосовании. С другой стороны, некоторые попы, ксендзы и раввины направляли делегации в райкомы партии и райисполкомы с заверениями по поводу того, что они постараются окончить службу с тем, чтобы не помешать населению участвовать в голосовании. Такие факты имели место в Несвижском, Коссовском и других районах. <...>.

Классово-враждебные элементы, остатки разбитых партий, кулацких и клерикальных элементов пытались сделать все, чтобы помешать успеху выборов. Распространяли в ряде районов контрреволюционные листовки, провокационные слухи, вели контрреволюционную агитацию, организовывали коллективный отказ от голосования, демонстративно зачеркивали и уничтожали бюллетени у избирательных урн. Но все это имело место в небольших размерах. <...>.

НАРБ Ф.4. Оп.21. Д.1893. Лл.6-8, 14-19.

№ 8

Из «Материалов проверки состояния партийной работы и реализации решений районного партийного собрания в первичных партийных организациях по Сопоткинскому РК КП (б)Б»

Незначительная часть учителей враждебно настроена к Советской власти. В деревне Скрынники учительница Михайловская до мая месяца в школе держала икону. В Польно-Богатырской школе учитель Чернявский на уроках пения при исполнении «Интернационала», как только доходит до слов «никто не даст нам избавления, ни бог, ни царь и не герой», заявляет, что дальше слов не знает.

Примечание: дата не указана. Ориентировочно весна 1940 года.

ГАОО Гродненской области. Ф.6195. Оп.1. Д.350. Л.568.

*Из докладной записки
Белостокского обкома КП(б)Б ЦК КП(б)Б
«Об итогах выборов в Верховный Совет СССР
и Верховный Совет БССР по Белостоцкой области»*

26 апреля 1940 года

Основная подавляющая масса населения области выборы в Верховные Советы СССР и БССР встретила большим политическим и производственным подъемом. Она расценивала день выборов как общенациональный праздник трудящихся, освобожденных от гнета и насилия польских панов, капиталистов, помещиков, выражала благодарность, любовь и преданность партии и лично товарищу Сталину за свое освобождение и полученное право свободно выбирать действительных представителей народа в советский парламент. <...>.

Одновременно заметно активизировались классово-чуждые и враждебные элементы. Основная линия их поведения делится на два периода:

1) Подготовка к выборам. Вели работу на срыв выборов, активно проявляя себя агенты различных контрреволюционных партий (озоновцы, пэпээсовцы), ксендзы, кулаки, остатки эксплуататорских классов.

Опираясь на реакционную и религиозную часть населения, в том числе на интеллигенцию, в частности, учительство, широко использовали то, что день выборов — 24 марта, совпал с первым днем польской пасхи, призывали к тому, чтобы в этот день праздновать, молиться, а не идти на выборы.

Они пытались разными путями и способами дискредитировать партию, Советскую власть, проводимые ими в западных областях мероприятия, дискредитировать кандидатов, выдвинутых в депутаты Верховного Совета. Распускали слухи о непрочности Советской власти, которая, как говорили, будет существовать до весны, о восстановлении бывшего польского государства и о приходе им на помощь весной мнимых союзников.

2) Последние дни перед выборами и день выборов. Классовые враги убедились, что их агитаторы среди широких слоев трудящихся не имеют того результата, который они ожидали. Тогда они стали на путь большей лакировки и конспирации. Религиоз-

ную и националистическую часть населения стали готовить к тому, чтобы в день выборов в Верховные Советы внешне показать лояльность к советской власти, явиться на выборы, но не голосовать за выставленных кандидатов, а опускать в избирательные урны разные контрреволюционные лозунги, записки и т.п. В отдельных случаях были результаты.

По Ломжинскому району, где большинство польского населения, на шести избирательных бюллетенях было написано: «Пусть живет Польша! Долой коммуны!» На Ольшинском избирательном участке на двух бюллетенях были надписи: «Голосую, ибо заставляют». На городском избирательном участке № 17 опущены бюллетени с надписью: «Пусть живет блок Польши, Англии и Франции». Имелись отдельные случаи отказа голосовать на избирательных участках. <...>.

В Браньском районе на бюллетенях обнаружены надписи: «Прочь большевиков», «Ещё Польска не згинэла», «Убирайтесь прочь с нашей земли польской», «Вы пришли нас мучить, а не освободить. Прочь с нашей земли. Мы поляки, мы хотим Польши» и т.д.

Подобные надписи и записки обнаружены в урнах не только с польским населением, но и в районах, где проживают белорусы. В деревне Дубовщина Волковысского района в урну брошена записка: «Прочь с коммунизмом и жидовством. Пугаете нас красной тряпкой, но польский орел свистал на это. Да здравствует Польша, польский дух, польский народ».

ГА ОО Гродненской области. Ф. 6195. Оп.1. Д.350. Лл. 161-164.

№ 10

Из докладной записки заведующего отделом пропаганды и агитации Несвижского РК КП(б)Б секретаря ЦК КП(б)Б по пропаганде Малину

27 июня 1940 года

В городе Несвиже, Барановичской области, имеется белорусская неполная средняя школа. До прихода Советской власти это считалась гимназия. Основными «преподавателями» были монашки. Монастырь находится здесь же. Основное руководство осуществлял ксендз.

Позже несколько монашек продолжали работу в школе в качестве преподавателей, но с ноября 1939 года не были допущены.

С начала учебного года в 5-7 классах занималось 208 учеников. После недопущения монашек начался отлив (часть перешла в другие школы, часть — бросили, часть — уехали). Некоторые это сделали под влиянием монашек.

После закрытия гимназии монашки продолжали свое влияние. Райком партии предлагает закрыть этот «контрреволюционный очаг», представить в другом месте помещение для жилья на 19 человек и очистить это здание.

НА РБ. Ф.4. Оп.21. Д.1941. Лл. 95-97.

№ 11

*Из «Докладной записки
секретаря Радошковичского РК КП(б)Б
секретарю ЦК КП(б)Б по кадрам Бойкачеву
и Народному комиссару просвещения БССР Уральной
«О состоянии педагогических кадров
в Радошковичском районе Вилейской области»*

22 июля 1940 года

В районе 62 школы (начальных — 51, неполных средних школ — 11). В школах не хватает 54 учителя.

В прошлом район был пограничным. Польское правительство стремилось насадить наиболее реакционные и «надежные» элементы. Многие состояли в политических польских партиях и организациях.

Значительная часть старого учительства не может порвать с религиозными убеждениями и продолжает проповедовать религиозный дурман в той или иной мере среди детей.

Учитель белорусской школы городского поселка Радошковичи Клепацкий в июне 1940 года тайно свел группу учеников своего класса в костел и сфотографировался с ксендзом.

Необходимо направить из восточных районов БССР некоторое количество учителей (требуемое — 54).

НА РБ Ф.4. Оп. 21. Д.1941. Л. 164.

№ 12

Из записки Белостокского обкома КП(б)Б секретарю ЦК КП(б)Б Пономаренко

23 июля 1940 года

По решению Сопотчинского Райисполкома от 8 июня 1940 года в деревне Голынка конфискован дом ксендза Красовского (17 x 17 метров, построен на средства костела), передан Голынской неполной семилетней школе. Ксендз нанял квартиру у одного из крестьян деревни. Обком партии считает, что дом возвращать ксендзу нецелесообразно. Другого подходящего помещения для школы в деревне не имеется.

НА РБ Ф.4. Оп.21. Д.1941. Л.205.

(Примечание автора: конфискованная в 1940 году в д. Голынка плебания возвращена приходу в 1994 году.)

№ 13

Из выступлений на первой областной конференции Белостокского обкома комсомола

28-29 сентября 1940 года

Игаев, секретарь обкома комсомола: Совершенно правильно поступят делегаты конференции, когда подвергнут резкой критике работу райкомов и обкома комсомола в области проведения антирелигиозной пропаганды среди молодежи. Часто недооцениваем мы этот участок работы, а другой раз забываем, что мы имеем дело с молодежью, которая год назад жила при капитализме, и что у этой молодежи имеется сильное религиозное убеждение. В результате вместо терпеливого разъяснения о вредности религии мы говорим: «Я тебе говорю, что бога нет, вот и все, неужели тебе непонятно», называется, убедил.

<...> Необходимо на этот участок обратить нам особое внимание и улучшить антирелигиозную пропаганду на уровень задач нашей партии.

<...> Формы и методы врагов Советской власти изучаем слабо — отсюда не всегда правильно направляем борьбу против них. Необходимо выше поднять большевистскую бдительность и вести борьбу в нашей среде против политических ротозеев. Усилить

влияние комсомольских организаций на молодежь с тем, чтобы вместе с ее лучшей частью под руководством большевистской партии вести решительную борьбу по разоблачению враждебных элементов. <...>.

В школах польское правительство всеми силами насаждало ненависть к Советскому Союзу, доходящую до дикости и фанатизма национальную рознь, веру в бога, любовь к Польше, преданность классу эксплуататоров. Господство религии и влияние целого ряда буржуазно-националистических и религиозно-мистических контрреволюционных организаций опутывало сознание школьников и ставило целью сделать из него прислужника польского государства. <...>.

С первых дней установления Советской власти наши комсомольские организации проделали огромную работу в школах: беседы и доклады о жизни советских школьников, пионеров, о Советском Союзе. Помогали отделам народного образования в переходе школ на советскую программу, ведя борьбу с контрреволюционными элементами.

Комсомольцы Скидельского, Поречского, Чижевского, Свислочского районов помогали отделам народного образования проводить работу среди учителей и очистить нашу советскую школу от людей случайных, классово нам чуждых элементов. <...>.

На нас, комсомольцев, возлагается большая обязанность помочь овладеть марксистско-ленинскими знаниями учителю, помочь избавиться ему от всяких буржуазных и религиозных предубеждений.

Исаченко, секретарь Кольненского РК ЛКСМБ:

Мы приступили к тому, чтобы развернуть политмассовую работу среди молодежи, когда мы стали работать в этом направлении с молодежью, то выяснилось, что мы достигли немалых успехов в работе. Нами выявлены контрреволюционные организации, которые также успевали при бывшем Польском государстве и после восстановления Советской власти на территории Западной Белоруссии они проводили контрреволюционную работу.

Мы эти организации разоблачили. Вся работа комсомольских организаций нашего района была направлена на воспитание молодежи, чтобы вовлечь молодежь в комсомольские организации и тем самым вырвать ее с контрреволюционных организаций, из-под влияния ксендзов, попов и всего духовенства. <...>.

В районе имеется 11 кружков по изучению политграммоты, посещаемость в эти кружки молодежи неплохая, молодежь интересу-

ется возможными вопросами, но беда в том, что как только воскресенье или свентки обязательно вся молодежь идет в костел. Наша задача состоит в том, чтобы принять все необходимые меры к тому, чтобы вырвать из-под влияния ксендзов и попов молодежь. Это задача очень большая и серьезная. Нам нужно будет бороться за то, чтобы молодежь отказалась от костела и церкви, а для этого нужно будет выдвинуть новых агитаторов из числа польской молодежи.

Буглаев, секретарь Поречского РК ЛКСМБ:

<...> занимались недостаточно таким вопросом, как антирелигиозное воспитание подрастающего поколения. Этот вопрос должен стоять в центре внимания комсомольских организаций. Со стороны обкома этому вопросу не было придано никакого значения.

Пришлось встретиться с таким фактом. Я приехал в одну школу. Мне заявляют, что здесь кулаки договорились с одной женщиной после лекций собрать детей на молебен. Мы это дело прекратили. Второй пример. Учительница отказывается проводить воспитательную работу на антирелигиозную тему. Она говорит не буду, потому что сама религиозная. Мы должны мобилизовать все организации на ликвидацию этих недостатков.

Ефройкин, секретарь ЦК ЛКСМБ:

В отношении антирелигиозной пропаганды. Этот вопрос некоторые товарищи неправильно решают и ориентируются на ячейки СВБ. Этого не нужно. Мы не должны проводить массовую работу путем лекций, докладов, бесед, оттягивать от религии нашу молодежь. Есть факты, когда приняли в комсомол, а он ходит в костел, пионеры с галстуком тоже ходят в костел. С комсомольцами мы должны работать и не допускать этого. В Граевском районе учитель зашел в костел, подходит к ксендзу и говорит: «Эту икону сними, эту тоже сними». Не нужно этого делать.

ГА ОО Гродненской области. Ф.6218. Оп.1. Д.19. Лл. 12-15, 22, 23, 37-38, 78, 96, 98, 99, 102, 123, 124, 156, 157.

№ 14

Из «Письма ЦК КП(б)Б

«О недостатках в работе партийных и советских органов в Западных областях Белоруссии»

21 октября 1940 года

<...> Партийные и советские органы некоторых районов и областей не учитывают полностью сложности и особенности

политических, экономических и национальных условий в Западных областях и допускают в практической работе крупные ошибки.

Крупнейшим недостатком является недооценка значения политической работы в массах. Многие партийные и советские руководители пренебрегают массово-политической работой, сбиваются на методы администрирования. <...>. В ряде решений ЦК КП(б)Б и на совещаниях секретарей КП(б)Б обращалось внимание на неудовлетворительное состояние массово-политической работы среди польского населения. Однако до сих пор по ряду районов в состоянии этой работы имеются недостатки, иногда доходящие до искажения принципов Ленинско-Сталинской национальной политики. Пример, в некоторых районах Белостокской области (Сопоткинский, Моньковский, Августовский районы) имели место факты принудительной реорганизации школ с польской детворой в русские и белорусские школы. В Свислочском районе зав. Районо т. Холод на родительском собрании польской школы 27 августа 1940 года выступил со следующим заявлением: «Польские школы не имеют перспективы, так как в Советском Союзе нет институтов на польском языке. Кроме того, польский язык плохой язык, потому что он не имеет своих классиков, поэтов, пока не поздно, подавайте заявления в русскую школу».

Подобные грубые извращения линии партии имели место и в ряде других районов.

Во многих польских школах учителей-поляков заменили русскими и белорусскими преподавателями, в результате учащиеся и преподаватели не понимают друг друга.

Перестраивая школу, партийные организации много сделали для того, чтобы очистить учительский состав школ, в частности, польских, от националистических, контрреволюционных элементов. Однако при этом в некоторых районах стали проявлять огульное недоверие и увольнять большинство поляков-учителей, хотя к этому не было оснований.

Очищая школы от враждебных элементов, партийные организации обязаны были отличать врагов от честных и преданных людей, и не допускать огульного подхода и необоснованного увольнения с преподавательской работы людей, ничем себя не скомпрометировавших и искренне стремящихся работать на благо нашей Родины. <...>.

Особенно нетерпимыми являются действия некоторых работников, сводящихся к ограничению прав польского населения на

пользование родным языком. <...>. Все еще находятся работники, которые склонны выражать огульное недоверие всем полякам и готовы всех их зачислить в разряд врагов советской власти.

Подобное отношение к польскому населению неправильно, вредно и должно быть строго осуждено. Такое отношение, помимо всего, облегчает контрреволюционным, националистически настроенным, клерикальным элементам их подрывную работу против советской власти, создает благоприятные условия для поддержания всякого рода националистических настроений, облегчает им возможность завлекать в свои сети некоторую часть польского населения, которая при правильно проведенной политической линии никогда бы не пошла к ним.

Задача партийных организаций в том, чтобы правильно поставленной партийно-политической работой создать необходимые условия для того, чтобы трудящиеся поляки приобщались к активному участию в социалистическом строительстве, воспитывались в духе преданности советской власти. <...>.

НА РБ Ф.4. Оп.21. Д.1869. Лл. 2-4 об.

№ 15

Из постановления бюро ЦК ЛКСМБ «О недостатках массово-политической работы комсомольских организаций Брестской области»

25 октября 1940 года

<...>. Основным недостатком является то, что многие комсомольские организации не учитывают полностью всей сложности и своеобразия условий работы в западных областях, недооценивают значения массово-политической работы среди молодежи и не используют всех средств вовлечения ее в активную общественно-политическую жизнь. Массовая политическая и воспитательная работа среди молодежи многими комсомольскими организациями области ведется поверхностно и компанейски. Не устанавливается глубокая связь с местной молодежью, слабо изучается и привлекается к работе местный актив, преданный советской власти. Отдельные комсомольские руководители прямо чуждаются местной молодежи, проявляя своего рода самостраховку.

Неудовлетворительно поставлена агитационная и пропагандистская работа комсомольских организаций среди молодежи.

Пропаганда и агитация ведется узким кругом товарищей, подчас недостаточно подготовленными, не владеющими языком национальности, среди которой они работают. <...>.

Комсомольские организации еще не поняли, что в условиях западных областей большевистская пропаганда и агитация имеет первостепенное значение, как мощное средство политического воспитания молодежи, преодоления ее культурной отсталости и борьбы против влияния религии, остатков национализма и других пережитков капитализма в сознании молодежи, как одно из главных средств борьбы против сопротивления остатков разгромленных контрреволюционных классов, партий и буржуазных молодежных организаций.

Комсомольские организации не сумели сделать дома социалистической культуры, избы-читальни и библиотеки центрами культурно-массовой работы среди молодежи, слабо привлекают к этой работе интеллигенцию, особенно в деревне.

Антирелигиозная пропаганда проводится слабо и неумело, подчас носит характер администрирования и окрика, вместо терпеливой и настойчивой разъяснительной работы. <...>.

Особенно неудовлетворительно поставлена комсомольскими организациями массово-политическая работа среди польской молодежи. Отдельные комсомольцы проявляют огульное недоверие к польской молодежи. На собрании комсомольской организации шпалопропиточного завода (Домачевский район) комсомолец Цукерман выступил с утверждением, что «Все поляки — враги советской власти». Учительница Брестской школы № 7 товарищ Тризно заявила: «Белорусский язык — это действительно язык, имеющий свою историю и значение, а польский не язык, а всякий сбор различных языков и наречий».

Такого рода выступления являются провокационными, наносят огромный вред делу приобщения трудящихся поляков к активному участию в социалистическом строительстве и создают почву для националистической деятельности контрреволюционных элементов.

По области за июль, август 1940 года в комсомол принято 15 человек, а в Высоковском районе за год в комсомол принят 1 человек из числа польской молодежи. Секретарь Поляков вынужден признать, что «Абсолютно никакой работы среди польской молодежи не проводим».

Это заявление свидетельствует о недооценке значения работы среди трудящейся польской молодежи, передовая часть кото-

рой может быть принята и должна приниматься в комсомол, а дети — в пионерские организации.

Комсомольские организации не реагировали на факты нарушений ленинско-сталинской национальной политики в школьном строительстве, когда в местах с преобладанием украинского или польского населения создавались русские и белорусские школы, когда в польские школы направлялись учителя, не знающие польского языка, и наоборот, в русских и белорусских школах работают польские учителя.

Комсомольские организации имеются лишь в 40 из 207 полных и неполных средних школ области. Комсомольцев-школьников имеется 223. Влияние комсомольских организаций на массы школьников еще незначительное.

ЦК ЛКСМБ считает совершенно неудовлетворительной работу Брестской комсомольской организации по развертыванию массового пионерского движения. В области насчитывается всего лишь 95 пионерских отрядов, охватывающих 3177 пионеров. <...>.

В ряде комсомольских организаций имеются факты притупления политической бдительности, недооценка попыток враждебных элементов влиять на молодежь. Работа по разоблачению и выкорчевыванию остатков контрреволюционных организаций ведется комсомольскими организациями еще слабо.

Бюро Центрального Комитета Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Белоруссии

ПОСТАНОВЛЯЕТ

<...>. 7. ЦК ЛКСМБ осуждает проявление огульного недоверия к трудящейся польской молодежи и требует вовлечения ее в активную общественную жизнь, воспитывая ее, как и всех трудящихся, в духе преданности советской власти. <...>.

11. ЦК ЛКСМБ решительно осуждает имеющиеся в отдельных комсомольских организациях факты администрирования в антирелигиозной работе и обязывает обком, горком, райкомы ЛКСМБ правильно организовать антирелигиозное воспитание молодежи путем систематической постановки докладов, бесед на научно-популярные темы. Столь же систематическим должно быть и воспитание молодежи в духе пролетарского интернационализма. <...>.

Секретарь ЦК ЛКСМБ

Зимянин

*Письмо Белостокского обкома КП(б)Б
всем секретарям РК КП(б)Б*

17 декабря 1940 года

Приближаются религиозные праздники «Рождество Христово». В эти дни мракобесы-ксендзы, попы и другие враждебные элементы особенно усиливают реакционную пропаганду религиозных идей среди верующих, отвлекая часть трудящихся от работы, вызывая среди верующих прогулы в дни праздника.

ОК КП(б)Б обязывает ГК и РК партии развернуть широкую антирелигиозную пропаганду, организовав ряд популярных, научных лекций, докладов и бесед среди трудящихся на предприятиях, на бывших избирательных участках, избах-читальнях, колхозах и совхозах и деревнях.

Путем повседневной, терпеливой и тактичной антирелигиозной агитации помочь верующим трудящимся освободиться от религиозных предрассудков, мобилизовав их на борьбу с прогулами в дни «Рождества», на дальнейшее поднятие производительности труда.

Для проведения лекций, докладов и бесед на антирелигиозные темы привлекайте подготовленных товарищей из партийно-комсомольского и местного актива — учителей, врачей, агрономов и других. Необходимо учесть национальный состав населения, проводя антирелигиозную работу на их языке.

Для лекторов, докладчиков и беседчиков проведите квалифицированными силами семинар. В качестве материала для докладов и бесед используйте журнал «Спутник агитатора» № 22 статья «Правда о рождестве», и прилагаемую лекцию «Происхождение и реакционная роль празднования рождества Христова». О проделанной работе информируйте ОК КП(б)Б докладной запиской.

Секретарь Белостокского обкома КП(б)Б

Семенов

ГАОО Гродненской области. Ф. 6195. Оп.1. Д.367. Л.208.

Белостоцкий обком комсомола

Докладная записка от Гродненского РК ЛКСМБ

26 февраля 1941 года

В комсомольской организации Гродненского района насчитывается 276 комсомольцев. Национальный состав следующий: белорусов 182 чел., поляков 15, евреев 36, русских 29, других национальностей 24.

По образованию: с высшим 5 человек, с средним 49, н/сред. 68, начальным и ниже 154 человека.

Большой процент комсомольцев не имеющих начального образования. Поставлены перед РК ЛКСМБ и комиссиями задачи ликвидировать малограмотность в комсомольских рядах. Чтобы поднимать идейно-политический уровень, сделать комсомольские организации боееспособными, необходимо было начать с ликвидации малограмотности среди комсомольцев, не оставляя, конечно, в стороне и другие вопросы. <...>. Однако нужно отметить, что антирелигиозная работа в районе развернута не удовлетворительно. Только один член комиссии пропаганды и агитации провел три беседы среди колхозников. Отсутствует необходимая литература и опыт в этой работе.

А здесь в Западных областях Белоруссии эта работа особое приобретает значение. Движение за религию, поджигаемое враждебными элементами, приводит к тому, что белорусы по национальности (католики по вероисповеданию) высылают свою делегацию в отдел Народного образования с требованием ввести польский язык в школе, мотивируя тем, что наши дети должны уметь читать религиозные книжки, написанные на польском языке. Убедившись в том, что в школе ввести польского языка как предмета нельзя (согласно существующего учебного плана), требуют перевода всей школы на польский язык.

РК ЛКСМ считает в целях улучшения антирелигиозной работы в районе необходимо командировать в Москву на Курсы лекторов-антирелигиозников при СВБ одного или двух грамотных лучших наших комсомольцев. Просим поставить данный вопрос перед соответствующими органами, предоставив нам место.

А также просим заслать соответствующую литературу по антирелигиозной работе, которой при РК КП(б) и РК ЛКСМБ нет.

(Ярославский «Библия для верующих и не верующих», антирелигиозный учебник и др.).

В районе имеется ДСК, Райбиблиотека, три сельских библиотеки, 14 изб-читален. За каждой изба-читальной закреплен один комсомолец (из числа учителей) для читки художественной литературы, газет. Работают кружки самодеятельности.

Секретарь Гродненского РК ЛКСМБ

Гуревич

Печать

ГА ОО Гродненской области. Ф. 6218. Оп.1. Д.99. Лл. 44-46.

№ 18

Из «Докладной секретаря Вилейского обкома КП(б)Б Грука секретарю ЦК КП(б)Б Горбунову»

10 апреля 1941 года

После решений ЦК и обкома КП(б)Б о развертывании антирелигиозной пропаганды райкомы партии серьезно взялись за этот участок работы. В районах созданы из числа партийно-советского актива и местной интеллигенции группы докладчиков антирелигиозников, в ряде сельсоветов организованы кружки антирелигиозного актива из коренного населения. В некоторых районах при партийных комитетах начали работать семинары антирелигиозного актива.

Развертывание этой работы во многом тормозится тем, что в библиотеках области отсутствует какая бы то ни была антирелигиозная литература, кроме выписываемых газеты «Безбожник» и журналов «Безбожник» и «Антирелигиозник». Литература не дослана из ЦС СВБ БССР.

НА РБ. Ф.4. Оп.2. Д.328. Л.215.

№ 19

Утверждено бюро Белостокского Обкома ЛКСМБ

Мероприятия Белостокского обкома ЛКСМБ по развертыванию антирелигиозной пропаганды и агитации в ГК и РК ЛКСМБ

Для выполнения решения ЦК КП(б) Белоруссии от 10/II. — 1941 г. и ЦК ЛКСМБ от 10/III — 41 г. «Об организации антирелиги-

озной пропаганды в западных областях Белоруссии» Обком ЛКСМБ предлагает ГК и РК ЛКСМБ провести следующие мероприятия:

1. «Основной формой антирелигиозной пропаганды и агитации в западных областях БССР должно быть систематическое чтение лекций на антирелигиозные темы, построенные на естественно-научном материале, на разъяснении Советского Законодательства о религии и партийной программы об отношении к религии». (Из постановления ЦК КП (б) Б от 10/II. — 1941 г.)

2. Лекторской группе Обкома, группам докладчиков ГК и РК ЛКСМБ постоянно действующим комиссиям по пропаганде и агитации организовать систематическое чтение лекций и докладов среди молодежи, школьников и их родителей на антирелигиозные темы, установив тщательный контроль за их содержанием и качеством их чтения. <...>

3. Обком обращает внимание Горкомов и Райкомов комсомола и комиссий на необходимость коренного улучшения антирелигиозной пропаганды в политпросветучреждениях — домах культуры, клубах, избах-читальнях, где регулярно проводить беседы, громкие читки статей из журнала «Антирелигиозник», газеты «Безбожник», очерки из художественных произведений, отдельных статей и высказываний классиков марксизма-ленинизма о религии.

Организовать антирелигиозные уголки, выставки, фото-витрины, привлекая для их оформления школьников и антирелигиозный актив из местного населения.

Обком предлагает всем горкомам и райкомам комсомола раз в месяц проводить семинары активистов антирелигиозников, беседчиков и пропагандистов для разработки и изучения методических вопросов антирелигиозной пропаганды, выращивая антирелигиозный актив из коренного населения, привлекая его к активной практической антирелигиозной пропаганде.

5. Горкомам, райкомам комсомола организовывать в школах кружки естественно-научного характера (по химии, физике, естествознанию и др.), где проводить антирелигиозную пропаганду и агитацию на научном материале, привлекая для руководства кружками комсомольцев, учителей, медицинских работников и др. квалифицированные кадры.

6. Антирелигиозную пропаганду и агитацию проводить не только в форме кружков, но и путем организации громких читок, бесед, демонстрации диапозитивов, антирелигиозных вечеров, утренников с постановкой докладов, пьес, монтажей, художественных рассказов и выступлений антирелигиозного направления.

Создавать бригады для распространения антирелигиозной литературы, плакатов и т.п.

Комсомольским организация широко организовать повседневную индивидуальную агитацию и пропаганду среди верующих.

Создать для молодежи, родительского актива кружки антирелигиозного направления.

7. Райкомам комсомола организовать для членов постоянно действующих комиссий, пионерработников, секретарей первичных комсомольских организаций инструктивные совещания по вопросу антирелигиозной пропаганды. Использовать для антирелигиозной пропаганды и агитации биографические данные писателей, ученых, политических деятелей, изобретателей и др., показывая, как многие из них разными путями приходили к разрыву с верой, как они боролись с религией и какую трагическую роль сыграли попы в жизни Коперника, Галилея, Бруно, Кампанеллы, Гоголя, Достоевского, Л.Н.Толстого и др., показывать безбожие и борьбу с религией Пушкина, Маяковского, поместив в антирелигиозных уголках их портреты и высказывания о религии.

8. Комсомольским организациям обобщить опыт антирелигиозной пропаганды и агитации, глубоко изучать и анализировать формы и методы деятельности церковников, разоблачая контрреволюционную, антинародную деятельность духовенства и сектантских вожаков.

9. Обком ЛКСМБ обращает особое внимание Райкомов и Горкомов комсомола, что «антирелигиозная пропаганда и агитация в западных областях приобретает исключительно важное значение и должна проводиться на высоком идейном уровне путем кропотливой разъяснительной работы, не допуская администрирования и оскорбления религиозных чувств верующих». (Из постановления ЦК КП(б)Б от 10/II-41 года.)

10. Обком комсомола посылает Вам темы лекций, докладов и бесед по антирелигиозной пропаганде и агитации, предлагает организовать чтение их для комсомольцев и молодежи, выделив докладчикам подготовленных комсомольцев и из местной интеллигенции: врачей, учителей, агрономов, работников газет и т.д.

11. Письмо обсудить на бюро ГК, РК ЛКСМБ и разработать практические мероприятия для выполнения мероприятий, указанных в письме.

Секретарь Белостокского обкома ЛКСМБ

Подпись

(Л. Вульфин)

Печать

Га ОО Гродненской области. Ф.6218. Оп.1. Д.62. Лл. 87-89.

*Из доклада III пленуму Белостокского обкома комсомола
«О выполнении постановления ЦК ЛКСМБ «О недостатках
массово-политической работы комсомольских организаций
Брестской области»*

21 июня 1941 года

Несмотря на то, что за последнее время нами проведены ряд мероприятий по антирелигиозной пропаганде, эта работа продолжает отставать в целом ряде районов. Многие районы ограничиваются тем, что проводят на антирелигиозные темы 2-3 публичные лекции и считают, что антирелигиозная работа развернута. Антирелигиозная пропаганда должна проводиться повседневно и всеми комсомольскими активистами и активом из молодежи и интеллигенции. Развернуть антирелигиозную пропаганду означает проводить одновременно целый ряд мероприятий, заранее продуманных, используя для этого все имеющиеся возможности: печать, радио, ДСК, клубы, газеты, в том числе «Антирелигиозник», журнал «Безбожник».

Надо прямо сказать, что там, где антирелигиозная работа запущена, где отделиваются 2-3 публичными лекциями, там благоприятная почва для орудования церковников, там легче они действуют. В Цехановецком районе имеются факты, когда ксендзы прямо заявляют верующим, что если ваши дети не выйдут из пионеров, не пушу в костел. В Кнышинском районе ксендз дарит ученикам открытки с надписью «от ксендза такого».

В Бранском районе ксендз фотографировал детей, покупал им подарки, в Домбровском, Сопецкинском и ряде других районов в дни религиозных праздников, большая часть детей не ходит в школу, ряд провокационных вылазок было и в Белостоке.

Никогда нельзя забывать, что мы имеем дело с хитрым, умным и коварным врагом. Он прошел многовековую практику от инквизиции, крестовых походов, варфоломеевских ночей, религиозных войн. Иезуиты высшего сорта, специалисты по удушению всякой свободной мысли, имеют большой опыт тонких и не менее циничных методов одурачивания народа. И шапками закидать таких врагов нельзя. Тем печальней, когда отдельные комсомольцы (типа Даниловича), своими поступками вульгаризируют и опошляют антирелигиозную работу.

Вот, пионервожатая Брянского района Кавзунович заявляет детям: «Пишитесь, ребята, в пионеры, ибо бога нет и верить в него нельзя». А инструктор Кнышинского Райсовета Осоавиахима при-влек к себе в оборонный актив ксендза и был очень доволен, ког-да ксендз выполнил его задание — распространил 300 билетов ло-тереи Осоавиахима. Такая с позволения сказать борьба с религией принесит не пользу, а огромный вред.

Антирелигиозную пропаганду и агитацию проводить не толь-ко в форме кружков и проведения публичных лекций, но и путем организации громких чтот, бесед, демонстраций диапозитивов, антирелигиозных вечеров, утренников, с постановкой докладов, пьес, монтажей, стихотворений, художественных рассказов и вы-ступлений хора антирелигиозного направления. Создавать бригады для распространения антирелигиозной литературы, плакатов и т.п.

Надо использовать для антирелигиозной пропаганды и аги-тации биографические данные писателей, ученых, политических деятелей, изобретателей и др. показывая, как многие из них раз-ными путями приходили к разрыву с верой, как они боролись с религией и какую трагическую роль сыграли попы в жизни Гали-лея, Бруно, Кампанеллы, Гоголя, Достоевского, Л.Н.Толстого и др., показывать безбожие и борьбу с религией Пушкина, Маяковско-го, поместив в антирелигиозных уголках их портреты и высказы-вания о религии.

ГА ОО Гродненской области. Ф. 6218. Оп.1.Д.74. Лл. 10-12.

№ 21

Секретно. Экз. № 2

**Начальнику Главного Управления
политической пропаганды Красной Армии
Армейскому комиссару I ранга
тов. Запорожец**

*Донесение Управления политической пропаганды
Западного особого военного округа о настроениях
населения Западной области БССР*

<...>. Польская часть населения значительно засорена анти-советски настроенными элементами. Из этой части населения преимущественно черпает свою агентуру немецкая разведка. Боль-шое влияние оказывает духовенство.

Кулаки, духовенство, антисоветски настроенные люди, особенно активизируются в дни проводимых важных мероприятий.

Кулацкая часть населения, особенно поляки, в отдельных местах ведут открытую контрреволюционную работу.

В Августовском районе на одном из призывных пунктов дважды срывались лозунги и портреты товарища Сталина. Отмечались случаи нападения на часовых, убийства военнослужащих.

В последнее время среди отдельной части населения Белостокской области имеются нездоровые настроения, связанные с введением обязательной гужповинности на военном строительстве, обязательном выполнении лесозаготовок и отрезков земли у кулацкой и зажиточной части крестьянства.

Враждебные элементы среди населения ведут агитацию, запугивают население войной и приходом на территорию Западных областей немцев.

В Лапском районе распространяют слухи, что: «Скоро будет война, так как СССР и Германия стягивают к границе свои силы. Польша снова будет самостоятельным государством, а за все страдания поляков ответят те большевики, которые теперь живут на территории Польши».

На имя Давид-Городенского Райвоенкомата (Пинская область) поступило почтой анонимное письмо контрреволюционного содержания (подлинник которого направлен в 3-й отдел ЗапОВО). Содержание письма сводится к прямому высказыванию против Советской власти и коммунистической партии. В письме делается предупреждение коммунистам, командирам, чтобы они немедленно покинули территорию Западной Украины и Западной Белоруссии.

За последнее время имеется ряд фактов нежелания служить в Красной Армии.

В Белостокской области при отправке призывников в части Красной Армии оставшихся от призыва 1940 года не явилось в военкоматы и дезертировало 29 человек. Особенно большое количество дезертировавших наблюдалось по Замбровскому району. В районе дезертировало 17 человек, что составило больше половины имевшихся в области. В настоящее время большинство дезертиров органами милиции и НКВД разысканы и осуждены.

В Августовском районе Яновского сельсовета во время занятий призывников в группе по ликвидации малограмотности, призывник Лещинский по национальности поляк задал учительнице вопрос: «Неужели нас возьмут в Красную Армию, нам ведь не за что воевать, у нас нет отечества».

3 мая — национальный праздник бывшего польского государства (день принятия польской конституции) в ряде польских деревень этот день отмечался торжествами. В деревне Макаровичи, Кринковского района были вывешены на деревьях 3 польских национальных флага с контрреволюционными лозунгами. Руководители этого контрреволюционного выступления арестованы органами НКВД.

Большое влияние на польское население оказывают ксендзы, которые во время богослужения в проповедях клеветают на советскую власть. В местечке Сураж, Лапского района на престольный праздник приехало несколько ксендзов, один из них, читая в костеле проповедь, заявил:

«Прибыла грязь с востока и душит польскую культуру, а что строят большевики — только военные укрепления, а не школы и другие объекты культурного обслуживания населения».

В местечке Кольно из 150 учащихся школы в дни пасхи пришли на занятия только 30 человек. Поляки демонстративно уходят с лекций на антирелигиозные темы.

При наделении земель безземельных и малоземельных крестьян за счет земель кулацко-зажиточной части в некоторых районах Белостокской области беднота отказывается от получения земли, заявляя: «Потом Вы нас заставите идти в колхоз. Кулак нас побьет, когда мы станем пахать землю».

Антисоветские настроения имеют место среди отдельных учителей и учащихся польских школ. Учительница школы № 1 г.Августова Матук с учениками разучивала религиозные песни, ученик этой школы Савостьянович во время урока на листе бумаги писал: «Польша есть и будет наш родимый край».

В неполной средней школе № 2 г. Августова в пионерской комнате портреты товарищей Ленина, Сталина, Молотова и Ворошилова были исчерчены карандашом. В указанных школах некоторые учащиеся рисуют Государственный герб бывшего польского государства, некоторые имеют штамп герба и ставят его на книгах.

По всем перечисленным фактам антисоветских настроений и контрреволюционных высказываний материал передан в органы НКВД.

Начальник УПП ЗАПОВО
дивизионный комиссар

подпись

Д.Лестев

Примечание: дата не указана. Ориентировочно — июнь 1941 года.

НА РБ Ф.4. Оп.33^а. Д.40. Лл.2-5

№ 22

*Приказ командующего СС и полиции в Белоруссии,
командира жандармерии о запрещении участия
в богослужениях военнослужащих*

Командующий СС и полиции в Белоруссии Командир жандармерии	Минск 17 октября 1941 г. Жанд. обл. Барановичи Вход. 23.10.41
Областным руководителям жандармерии в Минске, Слуцке, Барановичах, Слониме и Лиде	
Копия: Главнокомандующий полиции охраны порядка в Восточных землях I а 36/41	Кауэн 21 августа 1941 г.
Копия: Имперский комиссар Восточных земель 11 а 3	Кауэн 7 августа 1941 г.

Я запрещаю немцам (в т.ч. и из местных немцев) — служащим в моей организации и в подчиненных мне органах управления, а также членам их семей, посещение заведений и мероприятий церковных организаций других народов в религиозных целях, а также внеслужебное общение с их священниками.

Надлежит немедленно взять справку об ознакомлении с этим распоряжением от каждого служащего вышеупомянутых учреждений, а также брать таковую в будущем от каждого, поступающего на работу. Справки прилагать к личным делам.

—//—

Вышеприведенную копию пересылаю для сведения и исполнения. Распоряжение относится и ко всем служащим полиции охраны порядка.

Печать

по поручению
Хартманн

Адресаты: Командующий СС и полиции в Белоруссии
Командир полиции охраны порядка Минск, 15 октября 1941 г.

Приказ № 87/41

Направляю копию для сведения и руководства в работе.
Адресат.

—//—

Копию направляю для сведения и ознакомления подчиненных жандармов. Прилагаемые заявления после их подписания немедленно возвратить.

Хойзнет
капитан и командир
жандармерии

НАРБ. Ф.510. Оп.1. Д.67. Л.228

Перевод с немецкого *

№ 23

Из «Отчета о деятельности и положении оперативных групп полиции безопасности и СД в Советском Союзе № 5 за период 15–30.9.1941»

А. Остланд.

<...>

Польское движение Сопротивления

В Виленской области удалось напасть на след новых конспиративных происков поляков. При этом выяснилось, что польский католический клир отчасти тесно сотрудничает с польскими конспиративными кругами. По неподтвержденному до сих пор сообщению архиепископ Вильно дал указание подчиненным ему духовникам призывать население половину из произведенной им продукции укрывать с тем, чтобы в случае ожидаемого переворота возвратившаяся польская армия могла быть обеспечена продовольствием.

Кроме того, поляки организовали так называемую «Еврейскую защиту», в соответствии с которой каждый поляк обязан взять под свою защиту одного еврея. И вообще наблюдается тесное взаимодействие между поляками и евреями.

В. Белоруссия

<...>

Польское движение Сопротивления

Развитие польского вопроса в бывшей северо-восточной части территории, вокруг Новогрудка и Барановичей, причем со сто-

роны поляков действия переходят даже за старо-советскую пограничную область, принимает все большие размеры.

Если даже сегодня действия поляков внешне направлены в первую очередь против белорусов, то мысль их наглядно очевидна — путем доносов на белорусов обеспечить себе важнейшие должности, используя которые, осуществлять свои собственные политические цели и успешно проводить сопротивление немецким оккупационным властям. При этом поляки работают следующим образом:

1. Польская интеллигенция, пользуясь своими знаниями немецкого языка, старается осесть во всех ведущих низовых звеньях административно-управленческого аппарата.

2. Путем легального и нелегального въезда польских помещиков и функционеров Сопротивления польские слои интеллигенции планомерно укрепляются.

Почти исключительно римско-католическое духовенство разворачивало в национально-политическом отношении чрезвычайную активность. Оно является носителем польского шовинизма, ловко умеет маскировать свою антинемецкую позицию и намерения.

Поляки, таким образом, создают себе в тылу немецкого фронта и в регионе, совершенно лишенном немецких охранных войск, позиции силы, которые представляют опасность для немецких интересов в этом регионе.

НАРБ, микрофильм, арх. № 57, кадры 226528–226529, 226536–226537, 226542–226543.

Перевод с немецкого*

№ 24

Распоряжение гебитскомиссара г. Борисова о регистрации духовенства

Касается: разрешений всем священникам, действующим на территории Белоруссии.

1. Районным бургомистрам
 - а) в Бегомле
 - б) Плещеницах

Для полной проверки и регистрации действующих на территории Белоруссии на поприще духовного просвещения лиц постановляю:

1) Выданные вермахтом разрешения на духовную деятельность с принятием территории Белоруссии под гражданское управление теряют свою силу и считаются недействительными. Эти разрешения следует собрать и сдать гебитскомиissару.

2) При предъявлении разрешения вермахта следует одновременно подать новое заявление на выдачу разрешения каждому священнику на совершение церковной службы. Все церковные священнослужители поэтому, кроме личных сведений, сообщают конфессию, подданство, политическую надежность.

3) Разрешение на церковную службу будет выдано гебитскомиissаром только после проверки личности ходатайствующего и установления его происхождения и национальной принадлежности.

4) Во всех случаях с неместными священниками при предъявлении ходатайства о выдаче разрешения следует сообщать, действительно ли местные условия вызывают необходимость духовного обслуживания населения и существует необходимость церковной деятельности.

11. В.Ф.

Борисов, 11 ноября 1941
Гебитскомиissар
Подпись

НАРБ. Ф.391. Оп.1. Д.24. Л.2

Перевод с немецкого*

№ 25

Письмо городского комиссара г.Гродно о нецелесообразности закрытия монастырей

Городской комиссар

Гродно, 29 ноября 1941 г.

Господину крайзкомиссару в Гродно
Касается монастырей

В Гродно расположен не только католический монастырь, но и женский православный монастырь.

Считаю нецелесообразным в настоящее время распустить монастыри в Гродно. Это может внести ненужную тревогу в ряды населения и послужить поводом для оживления элементов сопротивления, а не интересам Германии. Поведение обитателей монастырей, а также образ действий церковей до нашего времени не послужили причиной для подобных мероприятий. Пока в дан-

ный момент у нас нет других целей для использования этих зданий и помещений.

Кроме того, мне дано указание строжайшим образом не допускать внесения всякого рода волнения в ряды населения путем необоснованного вмешательства в церковные дела.

ГАГО. Ф.2с. Оп.1. Д.18. Л.321

Перевод с немецкого*

№ 26

Копия с копии

Рейхсминистерство по занятым
восточным областям
Главный отдел политики

ДИРЕКТИВА

об обращении с религиозным вопросом

Религия — личное дело каждого. Насущные потребности местного населения в исповедывании религии не должны преследоваться. Церкви и прочие культурные учреждения могут быть переданы для их временных целей. Церковные конгрессы и им подобные организационные мероприятия подлежат запрету.

Политическая деятельность священников, в особенности конфессиональных союзов, запрещается. О такого рода устремлениях докладывать. Участие военнослужащих вермахта и верующих вермахта (священников вермахта) в церковной жизни населения запрещается.

Въезд из эмиграции в занятые восточные области или особых посланников церковных организаций из других стран запрещается и о таких возможных попытках следует докладывать.

Подписал д-р Лейббрандт

НАРБ, микрофильм, арх. № 247, кадр 000244

Перевод с немецкого*

№ 27

Запрос рейхскомиссара Остланда генеральным комиссарам о деятельности религиозных конфессий

Рейхскомиссар Остланда
Отдел 11а 3

Рига, 27 января 1942, Ма/КО

12.2.42
Юрда
Г-дам генеральным комиссарам
в Невеле
Риге
Кауене
Минске

Я прошу до 20.2. представить сообщение о том, находится ли на территории Вашего генерального округа архиепископ (епископ) римско-католической или евангелической конфессий, или баптистской, или методологической епископ или епископ (митрополит) старообрядческих общин, настоящая деятельность которых выходит за границы Ваших территорий или в самовольно присвоенные районы деятельности за пределами Вашего генерального округа, в другой генеральный округ Остланда.

Я прошу также сообщить о том, заметны ли последствия деятельности в Вашем генеральном округе со стороны вышеперечисленных священнослужителей, проживающих не в Вашем генеральном округе.

По поручению
Подпись

НАРБ. Ф.370. Оп.6.Д.47. Л.4.

Перевод с немецкого*

№ 28

Письмо Юрды рейхскомиссару Остланда о религиозных вопросах

В дело
11 а Юу/Ра 46/43

17 февраля 1942

Г-ну рейхскомиссару Остланда
Рига

Касается: распределения (классификации) церквей в епархии.
Ссылка: Ваше письмо от 27.1.42, отдел 11 а 8, Ма/Ко

В генеральном округе Белоруссия римско-католическая церковь и евангелическая конфессия, а также и баптисты и методисты вообще, не представлены епископом. Баптисты и методисты

представлены в Белоруссии лишь только в отдельных небольших общинах. Не существует и общей вне населенного пункта организации этих сект. Римско-католическая церковь организационно подчинена архиепископу в Вильно (Литва), который, как он утверждает, единственный имеет миссионерское задание от папы римского на всю территорию Белоруссии. Я ссылаюсь на мои прежние сообщения по этому делу, в которых это состояние характеризуется как совершенно нетерпимое и в которых высказано требование к римско-католической церкви достичь разделения в епархии в том смысле, чтобы ответственная церковная верхушка для Белоруссии, по меньшей мере, имела генерального викария с резиденцией на территории генерального округа.

Ортодоксальная церковь в Белоруссии организована как «Белорусская автокефальная ортодоксальная национальная церковь» и подчинена митрополиту с резиденцией в Минске. Организация ортодоксальной церкви не выходит за пределы моего генерального округа. Напротив, имеют место попытки высокопоставленных ортодоксальных лиц, резиденция которых находится вне территории генерального округа Белоруссии, сорвать упомянутую выше организацию церкви и вызвать ее раскол. Такие попытки до сих пор установлены со стороны Варшавского ортодоксального синода и митрополита Сергиуса в Риге, о чем в свое время направил подробное сообщение.

По поручению. Юрда (подпись)

НАРБ. Ф.370. Оп.6. Д.47. Л.3.

Перевод с немецкого*

№ 29

Сообщение рейхскомиссара Остланда Вильгельму Кубе о заявлении Белорусского Комитета апостольскому нунцию в Берлине

Рейхскомиссар Остланда
11 а Ма/КО

Рига, 21 февраля 1942

Г-ну генеральному комиссару в Минске

11 а 6.3.1942
Юрда

Касается: подавления польского клерикального влияния в Белоруссии.

При этом направляю копию заявления Белорусского Комитета в генерал-губернаторстве апостольскому нунцию в Берлине от 26 сентября 1941, которое переслано мне г-ном рейхсминистром по занятым восточным областям с указом от 9 февраля 1942. В этом указе говорится, что подавление польского клерикального влияния в Белоруссии необходимо, несмотря на то, что все же создание белорусского католического епископата для этого кажется необходимым.

По этому последнему пункту я прошу сообщить и внести предложение, какие католические церковные организации Вы считаете необходимыми вместо белорусского епископата с тремя епископами.

НАРБ. Ф.370. Оп.6. Д.47. Л.9.

По поручению, подпись

Перевод с немецкого*

№ 30

*Письмо Вильгельма Кубе
рейхсминистру по занятым восточным областям
о правовом положении католической церкви*

2 марта 1942

11 а Юу/НН

Рейхсминистру по занятым восточным областям
Берлин В.35
Раухштрассе 17/18
Через рейхскомиссара Остланд
Рига

Касается: правового положения католической церкви.

Становящиеся все более отчетливыми попытки римско-католической церкви в Белоруссии полностью развернуть свою деятельность и активизировать миссионерскую работу требуют срочного выявления правового положения католической церкви в Белоруссии. Так как конкордат германского рейха с Ватиканом территориально не распространяется на области Белоруссии соглашениями Ватикана с бывшей Польской республикой, дальнейшая их деятельность не может быть обещанной и подтвержденной, и для восточной части Белоруссии соответствующих соглашений католической церкви с Советским Союзом не существует. Я при-

держиваюсь точки зрения, что католическая церковь Белоруссии с государственным руководством находится в состоянии изгнания.

Поэтому я отказываюсь в дальнейшем от выдачи всякого категорического разрешения на возобновление деятельности католической церкви и молчаливо терплю ее действие только в отдельных чисто католических районах под строжайшим контролем СД. <...>.

В ликвидации такого состояния, по моему мнению, существует государственный интерес только тогда, когда с Ватиканом будет достигнуто политически приемлемое территориальное разделение римско-католической церкви. Состояние, когда известный как польский шовинист архиепископ Виленский имеет от Ватикана [указание] на миссионерскую деятельность на всей территории Белоруссии, политически нетерпимо, так как римско-католическая церковь в таких условиях остается острым оружием полонизации в моих областях и польского сопротивления против нового порядка в Европе. Назначение администратора для белорусов в форме национально-сознательного белорусского ксендза было бы минимальным требованием и могло бы ослабить теперешнее правовое состояние.

Генеральный комиссар Белоруссии

НАРБ. Ф.370. Оп.6. Д.47. Лл.13. 13 об.

Перевод с немецкого*

№ 31

Указание рейхскомиссара по занятым восточным областям в области церковной политики

Копия

Рейхскомиссар по занятым
восточным областям

№ 1 1 351

Берлин В 35,16.4.1942

Рейхскомиссару Украины

Ровно

Касается: указаний в области церковной политики.

Как мне стало известно, высший начальник СС и полиции Украины своим указом от 2 февраля 1942, регистр. № IV 2905/41 самостоятельно отдал подчиненным ему начальникам СС и полиции в генеральных комиссариатах указания о политическом обращении

с церковным вопросом. Этот указ начальники СС и полиции без ведома подчиненных им генеральных комиссаров направили дальше гебитскомиссарам.

Согласно указу фюрера от 17 июля 1941 руководство СС и полиция компетентны и ответственны за полицейскую безопасность. Общее политическое руководство, а тем самым и определение церковной политики, входит в обязанность только меня и подчиненных мне рейхскомиссаров, генеральных и гебитскомиссаров. В задачу начальников СС и полиции всех степеней поэтому входит каждый раз информировать подчиненных им комиссаров о полицейских мерах безопасности и сделанных наблюдениях, на основании чего получают от них политические указания для своей дальнейшей деятельности. Я прошу Вас подчиненным Вам высшим начальникам СС и полиции от себя дать указания и побудить полицию в дальнейшем воздержаться от самовольных указаний в этой области и позаботиться о том, чтобы и подчиненные полицейские учреждения самостоятельно не предпринимали политических мероприятий. Все изданные полицейскими учреждениями указания в области церковной жизни заменить собственными указаниями. Окончательное урегулирование этого вопроса последует изданием распоряжения г-ном рейхсминистром по занятым восточным областям.

По замещительству подписал д-р Альфред Мейер

НАРБ. Ф.510. Оп.1. Д.112. Л.16.

Перевод с немецкого*

№ 32

Указание рейхскомиссара по занятым восточным областям в области церковной политики

Генеральный комиссар Белоруссии
Отдел II а Юу/Ра

Минск, 25.7.1942

Господам гебитскомиссарам
Для сведения главным комиссарам

Касается: указаний в области церковной политики.

Вышеупомянутый указ г-на рейхсминистра по занятым восточным областям направляю для сведения и выполнения. Проводимая до сих пор церковная политика в Белоруссии в общем со-

ответствует указу рейхсминистра <...> Если все же в будущем где-либо обнаружатся попытки иных действий в этом вопросе, прошу обеспечить компетентность в этом деле в соответствии с изложенным указом рейхсминистра.

По поручению
подписал Юрда

НАРБ. Ф.3500, Оп.2. Д.1393. Л.60.

Перевод с немецкого*

№ 33

Письмо рейхсминистру Риббентропу по вопросу католической церкви в Остланде

Копия.

Рейхсминистр и шеф
Рейхсканцелярии
Рк. 6233 А

Берлин, 3 мая 1942, в настоящее
время квартиры фюрера.

Относительно: католических отношений в занятых восточных областях.

Рейхсминистру иностранных дел
г-ну фон Риббентропу
Берлин В 8
Вильгельмштрассе 74/76

Глубокоуважаемый г-н фон Риббентроп!

По случаю доклада фюреру рейхсминистра по занятым восточным областям зашел разговор, среди прочего, о том, что Ватикан в рейхскомиссариате Остланд уже назначает епископов, которые без согласования с компетентными немецкими учреждениями самовольно развернули свою деятельность в различных генеральных комиссариатах.

Рейхсминистр Розенберг в этой связи задал вопрос, какие учреждения с немецкой стороны следует рассматривать как компетентные, поскольку в церковном и религиозном отношении в занятых восточных областях не избежать обмена мнениями с католической церковью и ее представителями.

Фюрер высказал мнение, что для этого призваны рейхсминистр по занятым восточным областям и соответствующие другие немецкие учреждения, если представители католической церкви обратятся к вам с пожеланиями, жалобами и прочими просьбами в отноше-

нии занятых восточных областей, держитесь от них подальше. Особенно этого и не может случиться, если, например, нунций по делам занятых восточных областей должен обращаться в министерство иностранных дел.

Я позволю просить Вас в этом смысле предпринять необходимое. Рейхсминистр Розенберг обещал мне, что он о всех политических важных делах, касающихся Ватикана, будет информировать Вас.

Хайль Гитлер!

Ваш очень преданный

Подписал д-р Ламмерс

НАРБ, микрофильм, арх. № 247, кадр 000243.

Перевод с немецкого*

№ 34

Письмо епископа Мечислава Рейниса Вильгельму Кубе о необоснованном закрытии костёлов в Лиде

Виленская римско-католическая 8.6.1942

архиепископская курия, Вильно (Литва)

Пилюс г. 8

8 июня 1942, № Р-40/42

Г-ну генеральному комиссару Белоруссии
Минск

К Виленской римско-католической архиепископской епархии, насчитывающей примерно 1 500 000 верующих католиков и примерно 370 приходов, принадлежат церкви и священники включительно до Слонима, Лиды, Вилейки, Глубокого, Браслава и, таким образом, находятся в границах нескольких гебитскомиссариатов и генерального комиссариата в Минске.

В курии стало известно, что в гебитскомиссариате Лиды костелы закрыты и что верующие не участвуют в богослужениях, за исключением особых случаев, таких, как помолвка, похороны и крещение. Такое положение очень угнетающе действует на верующих, которые освобождены от большевистского ярма германским вермахтом и которые требуют участия в богослужениях и питают надежду, что немецкие авторитеты гарантируют полное исполнение религиозных обязанностей путем беспрепятственного участия в богослужениях, приеме святых таинств, религиозных и нрав-

ственных поучений.

Направленные гебитскомиссару Лиды местными здешними верующими прошения о свободном доступе в костелы отклонены со ссылкой обращаться по этому вопросу к генеральному комиссару.

В связи с этим архиепископская курия имеет честь просить г-на генерального комиссара отдать распоряжение, чтобы римско-католические костелы в гебитскомиссариате Лиды были открыты для участия верующих в богослужениях.

Д-р М.Рейнис. Подпись

Д-р М.Рейнис. Титульный архиепископ

Виленский генеральный викарий.

НАРБ. Ф.370. Оп.6. Д.47. Л.31.

Перевод с немецкого*

№ 35

Постановления и распоряжения генерального комиссариата г. Минска

Распараджэньне

аб праўных умовах рэлігійных арганізацыяў
ад 19 чэрвеня 1942 г. (апавешчана 20 чэрв. 1942 г.)

На груньце § 2 распараджэньня Райхсміністра занятых усходніх земляў аб правадаўсьцьве на занятых усходніх землях ад 21 лютага 1942 г. (Весьнік РМ, б.11- Урадавы Весьнік, б.101) пастанаўляю:

§ 1

1) Рэлігійныя таварыствы, якія ўжо існуюць на занятых Усходніх землях у мамэнт уваходу ў сілу гэтага распараджэньня, павінны на працягу трох месяцаў ад уваходу ў сілу гэтага распараджэньня прадставіцца Гэнэралькамісару, на тэрыторыі якога яны знаходзяцца.

2) Да прадстаўленьня забавязаныя прэзыдум або іншыя ўпаўнаважаныя для заступніцтва асобы ці органы.

У прадстаўленьні павінны быць наступныя дадзеныя:

а) назоў, абсяг і сядзіба рэлігійнага таварыства;

б) веравызнаньне або рэлігійны накірунак;

- в) прэзыдыум, іншыя ўпаўнаважаныя да заступніцтва асобы або органы, а таксама абсяг іхных абавязкаў і задачаў;
- г) прыналежныя мясцовыя рэлігійныя згуртаваньні;
- д) Гэнэралькамісар можа запатрабаваць далейшых дадзеных і вывясненняў.

§ 2

- 1) Утварэнне новых рэлігійных таварыстваў патрабуе дазволу ад Райхскамісара.
- 2) Заявы аб дазvole на ўтварэнне новага рэлігійнага таварыства трэба надаваць Гэнэралькамісару, на тэрыторыі якога мае быць дадзенае таварыства.

§ 3

- 1) Прызначэнне сяброў, прэзыдыуму або ўправы магчыма толькі, калі на запытаньне ў Гэнэралькамісара проці прапанаванай асобы ня будзе ніякіх сумліваў агульна-палітычнага характару.
- 2) Сябра прэзыдыуму або ўправы рэлігійнага таварыства траціць сваё становішча сябра ўправы, калі Гэнэралькамісар выкажа проці яго свае сумлівы агульна-палітычнага характару.

§ 4

Рэлігійныя таварыствы ды іхныя паза-мясцовыя й мясцовыя органы і працаўнікі павінны абмежаваць сваю дзейнасць толькі выконваньнем рэлігійных задачаў.

§ 5

- 1) Пры процідзеяннях пастановам гэтага распараджэння, асабліва пры пераступленьні абсягу дзеяння рэлігійнага таварыства, ягоныя органы або працаўнікі могуць быць пакараныя грашовым штрафам.
- 2) Райхскамісар можа распусьціць рэлігійнае таварыства, калі дзейнасць таварыства не абмяжоўваецца выкананьнем рэлігійных задачаў паграджае грамадскаму парадку ці бяспецы.

§ 6

Пастановы для выканання гэтага распараджэння выдаюць Гэнэралькамісары.

§ 7

Гэтае распараджэнне ўваходзіць у сілу пасля апавяшчэння яго. Адначасна касуюцца ўсе пастановы, якія супярэчаць гэтаму распараджэнню.

Рыга, 19 чэрвеня 1942 г.
(Весьнік РК, б.117).

ГАМО. Ф.623. Оп.1. Д.174. Лл.40,41

№ 36

Письмо Юрды рейхсминистру по занятым восточным областям об административном устройстве Костёла

Отдел II а Ю-Ра

20.08.1942

Г-ну рейхсминистру по занятым восточным областям

Берлин В 35

Раухштрассе 17–18

Через г-на рейхскомиссара Остланд

Рига

Относительно: римско-католической церкви в Белоруссии.

Делегация белорусских сторонников римско-католической церкви подробно доложила мне о положении римско-католической церкви в Белоруссии. После основательного описания исторического развития римско-католической церковной политики были внесены следующие предложения:

Непреренно необходимо и римско-католическую церковь представить как полезный культурный компонент в жизни белорусского народа и с этой целью избавить ее от всех польских влияний. В качестве полезных для возрождения ответвлений польско-католической церкви мне были предложены полезные руководящие католические священники:

Винцент Годлевский, Минск; Адам Станкевич, Вильно; Виталис Хамёнак, Марианский монастырь Биляны под Варшавой; Петр Татаринич, Варшава, и Лев Горощко, Полесская обл.

До посвящения необходимых белорусских епископов должен быть назначен белорусский ксендз в качестве администратора для генерального округа Белоруссии. Были предложены генерал-викариаты для округов с каноническим подчинением Виленскому епископу (Глубокский, Виленский, Слонимский) и

для округов Новогрудского, Барановичского, Ганцевичского и частично Слонимского. Резиденцией для главного викариата Виленской епархии должна быть Вилейка. Резиденцией 2-го генерального викариата — Барановичи. Для территории бывшей советской Белоруссии предлагаются еще два других администратора в Минске и Могилеве.

Доводя до Вашего сведения это предложение белорусских католических кругов, я, ссылаясь на мои различные сообщения, повторяю свое мнение, что вопрос организационной структуры римско-католической церкви в Белоруссии является все более актуальным. Соответствующее управление развитием римско-католической церкви в Белоруссии невозможно до тех пор, пока для Белоруссии не будут созданы ясные организационные предпосылки, в том числе и в церковном отношении. Непременным условием, мне кажется, является епархиальное разделение, которое для всех округов генерального округа имеет отчетливую верхушку, располагающуюся в одном из крупных городов западных областей.

Первоочередным по-прежнему остается немедленное подчинение всех римско-католических общин генерального округа одному, лучше всего созданному в Новогрудке, римско-католическому белорусскому архиепископату. До тех пор, пока создание этого архиепископата не может быть одобрено в папской курии, требуется вместо этого создание апостольского викариата, который бы возглавил надежный белорусский ксендз.

Я срочно прошу ускорить решение этого дела и дать мне конкретные указания по урегулированию римско-католического вопроса.

По поручению
Подписал Юрда

НАРБ. Ф.370. Оп.1. Д.879. Лл.2, 3

Перевод с немецкого*

№ 37

Из доклада руководителя

*Белорусской Народной Самопомощи д-ра Ивана Ермаченки,
Минск (без даты; ориентировочно август 1942 г.)*

<...> Справы рэлігійныя ў Беларусі разьвіваюцца даволі добра. Праз адпор маскоўскай кансерватыўнай часткі сьветароў, робяцца падгатоў да Усебеларускага Сабору з прысутнасьцю прадстаўнікоў ад сьвятароў і цывільнага жыхарства на 28 жніўня г.г.,

гдзе павінна быць абвешчана ўрачыста Беларуская Праваслаўная Аўтакефальная Царква. Беларусы маюць ужо сваіх трох высвячонах епіскапаў, з якіх архіепіскап Філафей Нарко зьяўляецца ў сучасны момант заступнікам мітрапаліта на Беларусі. У Менску існуюць пастарскія курсы для падгатоўкі пастыроў.

Адносна каталіцкай царквы перададзены мэморандум Гэнэральнаму Камісару Беларусі, каб забараніць польскія казаньні ў касцёлах і праводзіць іх у беларускай мове. Тыя ксяндзы, якія ня будуць гэтаму падпарадкавацца, будуць пазбаўлены права служэньня імшы. Гэтыя меры ўжо часткова праводзяцца ў Баранавіцкай акрузе. Каб даць магчымасьць узгадваньня ў беларускім духу ксяндзоў, у вышэйпададзеным мэморандуме было запрапанавана, каб вызначыць с. Кс. Гадлеўскага адміністратарам усёй каталіцкай царквой на Беларусі. <...>

ГАРФ. Ф. 5875. Оп.1. Д. 37. Л.21.

№ 38

Письмо епископа Рейниса рейхскомиссару Остланда о препятствиях, чинимых оккупационными властями в перемещении ксендзов

16 ноября 1942

Виленская римско-католическая
Епископская курия
№ Р-218/42, Вильно, Литва, Пилюс г.8

Г-ну рейхскомиссару Остланда
Рига

К Виленской римско-католической епархии, насчитывающей примерно 1 500 000 католиков и примерно 370 священников, принадлежат верующие, проживающие в границах многих областей и генеральных комиссариатов Остланда, а также Восточной Пруссии. Из городов, принадлежащих к Виленской епархии, например, следует назвать Лиду, Слоним, Вильно, Свенцяны, Браслав, Глубокое, Вилейку, Молодечно, Волковыск, Белосток, Гродно, Троки. Точные границы епархии очевидны из прилагаемой карты 1931 г.

Территориальное определение границ епархии по каноническому праву (кан.215) является главным для римско-католической церкви и принадлежит Папе Римскому. Определение границ Ви-

ленской римско-католической епархии с резиденцией епископа в Вильно относится к 1925 г.

Так как большевики многих священников угнали в Россию, то обеспечение церковных приходов священниками с началом войны 1941 года было непланомерным и не нормальным. К тому же имели место новые случаи недостатка священников из-за смерти некоторых священников, многочисленных арестов в генеральном комиссариате Белоруссии по неизвестным курии причинам. Таким образом, некоторые приходы в генеральном комиссариате и в отошедшей к Восточной Пруссии части территории Белоруссии остались безо всякой духовной опеки. Такое положение для верующих и общественного порядка очень вредно. Во избежание этого епископская курия в Вильно начала разыскивать свободных священников, где только могла найти таковых в епархии, и назначать их на свободные должности священников в приходах. В этом случае перемещение священников из одного прихода в другой курия рассматривала как необходимость.

Если назначенный или перемещенный курией священник хочет получить разрешение на выезд от соответствующих гебитс-комиссаров, то со стороны гебитскомиссариатов ему отказывают в этом. Вышесказанное касается гебитскомиссариатов Вильно и Виленской области, а также гебитскомиссариатов Белоруссии. Так, верующие остаются без духовной опеки, без личного духовника, без религиозного утешения. <...>. Не существует связи Вильно с гебитскомиссариатами Белоруссии и, таким образом, невозможно решить этот вопрос с ними.

Принимая во внимание вышесказанное, я осмеливаюсь просить г-на рейхскомиссара в общем распорядиться, чтобы в выдаче разрешений на выезд назначенным или перемещаемым Виленской епархией священникам, которые назначаются или перемещаются в границах Виленской епархии, гебитскомиссары или районные руководители не отказывали, равно как и в области, отошедшие от Белоруссии к Восточной Пруссии и являющиеся частями Виленской епархии.

Приложение: карта Виленской епархии.

Подписал. Подпись
(д-р Рейнис)
Титулярный архиепископ,
апостольский администратор

НАРБ. Ф.370. Оп.6. Д.47. Л.64.

Перевод с немецкого*

№ 39

*Письмо городского комиссара г. Минска
о назначении ксендза вместо арестованного кс. В.Годлевского*

Городской комиссар Минска
Яа/Вет.

Минск, 7.01.1943

Г-ну генеральному комиссару
Минск

Ссылаясь на имевшие место переговоры лично с г-ном гауляйтером Кубе, сообщаю, что два доверенных лица римско-католической церковной общины посетили меня и просили предоставить в их распоряжение священника. Прежний ксендз Годлевский некоторое время тому назад арестован, и с этого времени их церковная община в городе Минске, насчитывающая около 18 000 верующих католиков, осталась без священника. Оба представителя римско-католической церкви просили назначить латышского епископа Слоскана, который очень благожелательно относится к белорусам, по возможности сюда в качестве священника римско-католической общины.

Если это по политическим мотивам вышестоящих инстанций нежелательно, то я был бы не против назначения римско-католического белоруса, который, само собой разумеется, не должен быть полонизатором как священник римско-католической общины.

Я прошу о возможно скором решении.

Подпись

НА РБ. Ф.370. Оп.6. Д.47. Л.61.

Перевод с немецкого*

№ 40

*Из доклада оберштурмбаннфюрера Штрауха
(реферат службы безопасности в Минске) на совещании
областных комиссаров, начальников отделов генерального
комиссариата в г. Минске при Генеральном комиссариате
8–10 апреля 1943 года*

Минск, 10 апреля 1943

Реферат службы безопасности в Минске
Докладчик: оберштурмбаннфюрер Штраух

1.224 <...>. О церкви: я не должен заниматься политикой, ею занимается генеральный комиссар. Ясно, что церковь — наш враг, так или иначе, на Востоке господствует римско-католическая церковь. Ясно, что эта церковь хочет восполнить здесь потери, которые она несет в Европе, особенно в империи, путем проникновения в православную церковь окольным путем через униатскую церковь. Ситуация для римско-католической церкви была благоприятная. Православная церковь ослабла в отношении духовенства. Еще не ликвидированная часть духовенства являет собой плохую картину. Таким образом, это не лучшие представители. Они распустились, потому что не было надзора со стороны церкви, имеют место гомосексуализм и другие вещи. К этому добавляется далее то, что молодежь совершенно отошла от православной церкви. Она уже ничего не знает о боге. Таким образом, почва была благоприятная, и римско-католическая церковь пришла сюда со значительным количеством проповедников, причем без большого труда. Так, фактор власти, который ликвидирован в Европе, проявился здесь особенно сильно. Поэтому мы единодушно решили подавить здесь римско-католическую церковь, а православную поддержать. Мы создали автокефальную церковь и изгнали епископа. Нет необходимости упоминать о других деталях. Таким путем мне удалось решить религиозный вопрос в польских районах области. Поскольку большинство духовенства стоит на стороне поляков, то мне удалось поймать их, и с ними было кончено. Сekt и т.д. у нас нет, баптистская община только одна. <...>.

НА РБ. Ф.845. Оп.1. Д.237

Перевод с немецкого*

Примечание: находится в деле: «Протокол и материалы совещания областных комиссаров, начальников высших отделов и начальников отделов Генерального комиссариата в городе Минске при Генеральном комиссариате. 8–10 апреля 1943 г.

№ 41

Выдержка из отчета о четвертых курсах референтов по разведке, состоявшихся 31.5. и 1.6.1943 в Берлине

<...>. Доклад гауптштурмфюрера СС, правительственного советника, д-ра Лаиа о современном положении церкви и вытекающих из этого разведывательных задач.

На встрече церковников в 1936 году в Константинополе было провозглашено: католицизм ломает спинной хребет всякому на-

ционализму. Таким образом, еще в то время церковь выступила против всякого мероприятия правительства. Война показала католицизму тем моментом, когда можно вернуть утраченные в последние годы позиции.

В 1941 на конференции епископов в Фулде церковь открыто выступила против государства. Дух сопротивления католиков особенно воспламенился. Католики поставили своей целью подорвать государство в его современной форме. Какой ущерб они нанесли нам, отчетливо свидетельствует зарубежная пресса. Доказательством этого служат пастырские письма, разбросанные на территории рейха. Епископ Лаам из Галена и епископ Гребер из Фрайсбурга в своих пастырских посланиях открыто изложили свою позицию в современной войне и отчетливо заявили, что они поставили себя вне нации. Доказательством этого является помощь и оправдание евреев и цыган. Там, где только имеется малейшая возможность к протесту, первыми используют ее католики. Вражеская пропаганда поддерживает с ними тесную связь. Следует отметить, что пастырские послания сначала попадают за границу, а затем только становятся известны нам.

Евангелическая церковь сегодня не очень поддерживает католическую. Если сегодня нельзя полностью положиться на поступившие сообщения, то об этом говорят особые обстоятельства. Поступившие сообщения тщательно изучаются и в необходимое время мы примем меры. Поэтому следует строго следить за церковью и все церковные сообщения собирать и концентрировать. <...>.

НАРБ. Ф.4683. Оп.3. Д.957. Лл.271-272

Перевод с немецкого*

№ 42

*Из материалов процесса
над нацистскими преступниками,
состоявшегося в 1961-1963 годах в г. Кобленце (ГДР),
об убийстве католического священника В.Годлевского*

<...>. Город Минск накануне войны насчитывал примерно 240 тысяч жителей, преимущественное большинство которых принадлежало к русской ортодоксальной церкви. Примерно 40 тысяч исповедовали римско-католическую веру. В городе имелись три церкви: святых Симеона и Елены, кафедральный собор и церковь на Кальварийской горке. Церковная жизнь в советское время была

в серьезном упадке. Церковь святого Симеона и Елены была превращена в театр, кафедральный собор служил гаражом.

В период немецкой оккупации оба здания снова использовались по назначению. Немецкое гражданское управление все-таки отрицательно относилось к католической церкви и старалось всячески подорвать ее влияние. Русская ортодоксальная церковь по политическим мотивам официально поддерживалась властями.

В декабре 1941 г. свидетель Х., в то время 32-летний римско-католический священник литовского происхождения, епископским ординатом был направлен в Минск... <...>.

В Минске в то время жил другой католический священник по фамилии Годлевский. Это был мужчина примерно 50 лет польского или белорусского происхождения. Основное время он был занят в Белорусской народной самопомощи, где в качестве начальника общего школьного отдела играл руководящую роль. Годлевский, помимо основной работы, исполнял обязанности католического священника, служа по утрам мессу в кафедральном соборе святых Симона и Елены. Первоначально он жил в доме священника у церкви, но затем в конце 1943 г. переселился в квартиру в городе. <...>.

Осенью 1943 г. обвиняемый получил задание от начальника расстрелять священника Годлевского. В один из ненастных осенних вечеров он вместе со свидетелем Рум. поехали на квартиру Годлевского в городе. Квартиру открыл сам Годлевский. Рум. по приказанию Хойзера потребовал на русском языке идти с ними. <...>. Втроем они направились в одну из церквей, где Годлевский хотел забрать денежную шкатулку. <...>. Здесь он достал из несгораемого шкафа денежную шкатулку, которую открыл имевшимся при нем ключом. В шкатулке находилась связка русских денег, которые он вручил обвиняемому Хойзеру.

После этого они поехали в дом священника-свидетеля Х. Они застали его в рабочем кабинете. Годлевский сообщил ему, что должен ехать в Германию. На вопрос свидетеля, как долго он будет отсутствовать, Годлевский ответил: «Две недели, возможно». Он просил свидетеля Х. во время его отсутствия заменить его на богослужении и сказать пастве, что он вернется и тогда сам будет править мессу. Свидетелю Х. бросилось в глаза, что Годлевский был «в слишком хорошем расположении». Это насторожило его. Поэтому он спросил свидетеля Рум., о котором у него сложилось хорошее впечатление, когда Годлевский возвратится

обратно. Рум. сделал жест, из которого Х. понял, что Годлевский никогда больше не вернется. После этого Хойзер и Рум. покинули дом священника. Вместе с Годлевским они поехали в имение Тростенец. Машиной управлял Хойзер, а Рум. и Годлевский сидели на заднем сидении. По дороге Хойзер сказал Рум.: «Смотри, чтобы он ничего не выбросил». У амбара, принадлежащего имению Тростенец, Хойзер остановил автомашину. Они вместе с Годлевским вышли из машины и отделились от нее. Примерно в 20 метрах от машины он застрелил Годлевского из своего пистолета. После этого он сразу же возвратился в машину и вместе с Рум. поехал в Минск. <...>.

Ни один из допрошенных свидетелей не мог дать убедительных показаний о том, по чьему приказу был убит Годлевский. Обвиняемый Хойзер, по убеждению суда присяжных, <...> выполнял задание своего начальника. <...>. При поверхностном рассмотрении наиболее вероятных предположений, что он был убит по религиозным мотивам, что в его лице видели неугодного священника римско-католической церкви, не подтвердились. Годлевский основное время и силы отдавал работе в БНС, то есть занимался политикой и только между делом служил молебны в католической церкви. Повод к его убийству следует скорее всего искать в его политической деятельности.

БНС официально признавалась немецкими оккупационными властями, но ее руководителя, д-ра Ермаченко, настойчиво преследовала полиция безопасности и СД, <...> действия д-ра Ермаченко, направленные на создание белорусского государства под его руководством как премьер-министра, расценивались ею как «государственная измена».

Если взять во внимание, что Годлевский был ближайшим сподвижником д-ра Ермаченко и характеризуется свидетелем Х. как горячий патриот и «немного шовинист», то не указывает ли это на руку руководящих лиц полиции безопасности и СД, которые рассматривали и его политическую деятельность в БНС как направленную против немецких интересов и по этой причине убрали его. Такие рассуждения, однако, не что иное как предположения. Возможно, имеются другие мотивы, которые не известны суду присяжных...

НА РБ. Ф.510. Оп.1. Д.79. Лл.112-119.

Перевод с немецкого*

* Перевод документов № 22–34, 36, 38–42 Г.Г.Белькевича.

Автор выражает благодарность сотрудникам архива Управления КГБ по Гродненской области, Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Российской Федерации (г. Москва), архива БелТА, Государственного архива Гродненской области, Государственного архива общественных объединений Гродненской области, библиотеки Ягеллонского университета г. Кракова Республики Польша за предоставленные материалы.

Оглавление

Введение	3
Историография	5
Источники	10
Глава 1. Положение Костёла перед началом второй мировой войны	15
Административное деление	15
Правовой статус религиозных конфессий	19
Репрессии против Костёла и духовенства	27
Костёл в Западной Белоруссии	30
Глава 2. Взаимоотношения советской власти и католического Костёла в западных областях Белоруссии	34
Изменение положения Костёла в 1939–1941 годах	34
<i>Духовенство. Его позиция и роль в общественно-политической жизни</i>	<i>34</i>
<i>Начало наступления на Костёл</i>	<i>37</i>
Костёл, молодежь, комсомол	40
Методы борьбы с религией и Костёлом	47
<i>Атеистическая агитация и пропаганда</i>	<i>47</i>
<i>Экономическое наступление на Костёл</i>	<i>55</i>
Костёл и польское антисоветское подполье	56
Глава 3. Конфессиональная политика немецких оккупационных властей в Белоруссии	64
Идеология национального социализма и христианская религия	64

Влияние национального и конфессионального факторов на политику гитлеровских оккупантов	68
Правовые ограничения деятельности Костёла	72
Глава 4. Религиозная жизнь в оккупированной Белоруссии	88
Попытки возрождения религиозной жизни	88
«Восточная миссия» Ватикана: цели и результаты	96
Благотворительная деятельность.	
Помощь евреям	102
Глава 5. Католический Костёл в округе Белорутения	107
Религия и церковь в планах белорусских национальных деятелей	107
«Историческая необходимость» белорусизации Костёла	112
Попытки создания автокефального Костёла	117
Глава 6. Католическое духовенство в Армии Крайовой	128
Традиции и организационная структура воинского душпаствярства	128
Полномочия ксендзов-капелланов в воинских и подпольных структурах АК	132
Ксендзы-капелланы в формированиях АК в Белоруссии	134
Глава 7. Репрессии против духовенства, верующих и Костёла	139
Потери духовенства в начале войны	139
Аресты, преследования, расстрелы духовенства и верующих	141

Закрытие, разграбление и уничтожение костёлов ...	150
Глава 8. Костёл в освобожденной Белоруссии	155
Новые аспекты конфессиональной политики государства	155
Общественно-политическое положение Костёла	158
Заключение	164
Summary	168
Список использованных источников и литературы	171
Приложение	182
№ 1. Сведения о наличии костелов, ксендзов и верующих католиков в западных областях Белоруссии <i>октябрь-декабрь 1939 года</i>	182
№ 2. Децизьяльная Пинская курия. «К вельможным ксендзам, священникам и ректорам Пинской Децезии» <i>6 сентября 1939 года</i>	183
№ 3. Из «Оперативной сводки № 44» секретарю ЦК КП(б)Б Пономаренко <i>12 октября 1939 года</i>	184
№ 4. Из «Оперативной сводки № 56» секретарю ЦК КП(б)Б т.Пономаренко <i>10 ноября 1939 года</i>	185
№ 5. Из «Оперативной сводки № 57» секретарю ЦК КП(б)Б Пономаренко <i>19 ноября 1939 года</i>	186
№ 6. Из протокола заседания ЦС СВБ БССР «О задачах антирелигиозной пропаганды в Западных областях Белоруссии и Украины» <i>29 декабря 1939 года.</i>	186

- № 7.** Из справки оргинструкторского отдела ЦК КП(б)Б
«О ходе подготовки и проведения выборов
в Верховный Совет СССР и Верховный Совет БССР
в Западных областях БССР»
февраль 1940 года 188
- № 8.** Из «Материалов проверки состояния партийной работы
и реализации решений районного партийного собрания
в первичных партийных организациях
по Сопоткинскому РК КП(б)Б»
весна 1940 года 189
- № 9.** Из докладной записки
Белостокского обкома КП(б)Б ЦК КП(б)Б
«Об итогах выборов в Верховный Совет СССР
и Верховный Совет БССР по Белостокской области»
26 апреля 1940 года 190
- № 10.** Из докладной записки заведующего отделом
пропаганды и агитации Несвижского РК КП(б)Б
секретарю ЦК КП(б)Б по пропаганде Малину
27 июня 1940 года 191
- № 11.** Из «Докладной записки секретаря Радошковичского
РК КП(б)Б секретарю ЦК КП(б)Б по кадрам
Бойкачеву и Народному комиссару просвещения БССР
Ураловой «О состоянии педагогических кадров
в Радошковичском районе Вилейской области»
22 июля 1940 года 192
- № 12.** Из записки Белостокского обкома КП(б)Б
секретарю ЦК КП(б)Б Пономаренко
23 июля 1940 года 193
- № 13.** Из выступлений на первой областной
конференции Белостокского обкома комсомола
28–29 сентября 1940 года 193
- № 14.** Из «Письма ЦК КП(б)Б
«О недостатках в работе партийных и советских
органов в Западных областях Белоруссии»
21 октября 1940 года 195

№ 15.	Из постановления бюро ЦК ЛКСМБ «О недостатках массово-политической работы комсомольских организаций Брестской области» <i>25 октября 1940 года</i>	197
№ 16.	Письмо Белостокского обкома КП(б)Б всем секретарям РК КП(б)Б <i>17 декабря 1940 года</i>	200
№ 17.	Докладная записка от Гродненского РК ЛКСМБ <i>26 февраля 1941 года</i>	201
№ 18.	Из «Докладной секретаря Вилейского обкома КП(б)Б Грука секретарю ЦК КП(б)Б Горбунову» <i>10 апреля 1941 года</i>	202
№ 19.	Мероприятия Белостокского обкома ЛКСМБ по развертыванию антирелигиозной пропаганды и агитации в ГК и РК ЛКСМБ <i>10 апреля 1941 года</i>	202
№ 20.	Из доклада III пленуму Белостокского обкома комсомола «О выполнении постановления ЦК ЛКСМБ «О недостатках массово-политической работы комсомольских организаций Брестской области» <i>21 июня 1941 года</i>	205
№ 21.	Донесение Управления политической пропаганды Западного особого военного округа о настроениях населения Западной области БССР <i>июнь 1941 года</i>	206
№ 22.	Приказ командующего СС и полиции в Белоруссии, командира жандармерии о запрещении участия в богослужениях военнослужащих <i>17 октября 1941 года</i>	209
№ 23.	Из «Отчета о деятельности и положении оперативных групп полиции безопасности и СД в Советском Союзе № 5 за период 15–30.9.1941»	210
№ 24.	Распоряжение гебитскомиссара г. Борисова о регистрации духовенства <i>11 ноября 1941 года</i>	211

№ 25. Письмо городского комиссара г.Гродно о нецелесообразности закрытия монастырей <i>29 ноября 1941 года</i>	212
№ 26. Директива об обращении с религиозным вопросом	213
№ 27. Запрос рейхскомиссара Остланда генеральным комиссарам о деятельности религиозных конфессий <i>27 января 1942 года</i>	213
№ 28. Письмо Юрды рейхскомиссару Остланда о религиозных вопросах <i>17 февраля 1942 года</i>	214
№ 29. Сообщение рейхскомиссара Остланда Вильгельму Кубе о заявлении Белорусского Комитета апостольскому нунцию в Берлине <i>21 февраля 1942 года</i>	215
№ 30. Письмо Вильгельма Кубе рейхсминистру по занятым восточным областям о правовом положении католической церкви <i>2 марта 1942 года</i>	216
№ 31. Указание рейхскомиссара по занятым восточным областям в области церковной политики <i>16 апреля 1942 года</i>	217
№ 32. Указание рейхскомиссара по занятым восточным областям в области церковной политики <i>25 июля 1942 года</i>	218
№ 33. Письмо рейхсминистру Риббентропу по вопросу католической церкви в Остланде <i>3 мая 1942 года</i>	219
№ 34. Письмо епископа Мечислава Рейниса Вильгельму Кубе о необоснованном закрытии костёлов в Лиде <i>8 июня 1942 года</i>	220
№ 35. Постановления и распоряжения генерального комиссариата г. Минска <i>19 чэрвеня 1942 года</i>	221

- № 36.** Письмо Юрды рейхсминистру по занятым восточным областям об административном устройстве Костёла
20 августа 1942 года 223
- № 37.** Из доклада руководителя Белорусской Народной Самопомощи д-ра Ивана Ермаченки, Минск
(без даты; ориентировочно август 1942 года) 224
- № 38.** Письмо епископа Рейниса рейхскомиссару Остланда о препятствиях, чинимых оккупационными властями в перемещении ксендзов
16 ноября 1942 года 225
- № 39.** Письмо городского комиссара г. Минска о назначении ксендза вместо арестованного кс. В.Годлевского
7 января 1943 года 227
- № 40.** Из доклада оберштурмбаннфюрера Штрауха (реферат службы безопасности в Минске) на совещании областных комиссаров, начальников отделов генерального комиссариата в г. Минске при Генеральном комиссариате
8–10 апреля 1943 года 227
- № 41.** Выдержка из отчета о четвертых курсах референтов по разведке, состоявшихся *31.5. и 1.6.1943* в Берлине 228
- № 42.** Из материалов процесса над нацистскими преступниками, состоявшегося в *1961-1963 годах* в г. Кобленце (ГДР), об убийстве католического священника В.Годлевского 229

Научное издание

Ярмусик Эдмунд Станиславович

**КАТОЛИЧЕСКИЙ КОСТЁЛ В БЕЛОРУССИИ
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(1939–1945)**

Монография

Редактор Н.Н.Красницкая

Корректор Н.П.Дудко

Компьютерный набор: М.И.Верстак

Компьютерная верстка: В.Р.Закревский

Сдано в набор 04.10.2002. Подписано в печать 30.11.2002.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная №1. Печать офсетная.

Гарнитура Таймс. Усл.печ.л. 13,92. Уч.-изд.л. 13,2.

Тираж 170 экз. Заказ 268.

Учреждение образования

«Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».

ЛВ №96 от 02.12.97. Ул. Пушкина, 39, 230012, Гродно.

Отпечатано на технике издательского отдела

Учреждения образования

«Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».

ЛП №111 от 29.12.97. Ул. Пушкина, 39, 230012, Гродно.